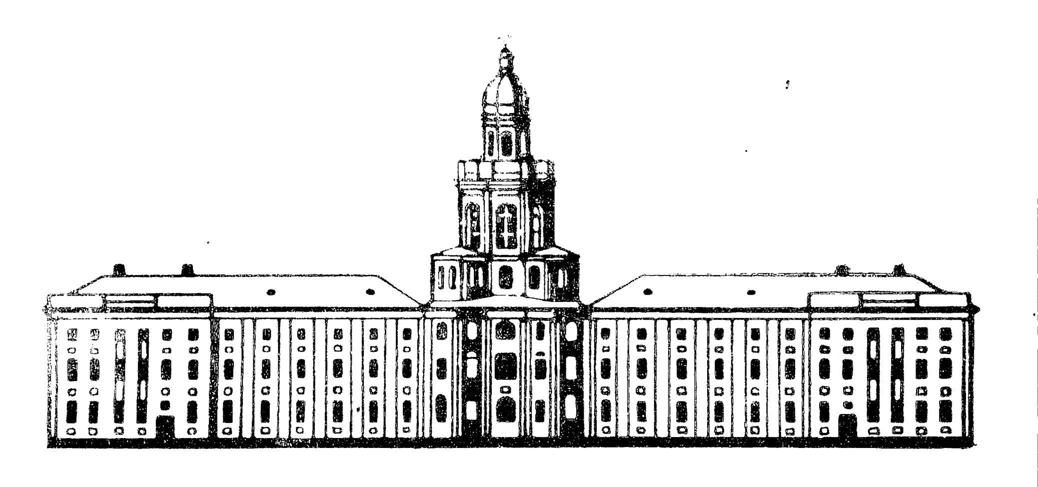

КНИГА
В
РОССИИ

XVIII—середины XIX в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК СССР

КНИГА В РОССИИ XVIII — СЕРЕДИНЫ XIX в.

ИЗ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
1989

К $\frac{4503000000-24}{042(02)-89}$ 17

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Книга в России XVIII — середины XIX в.: Из истории Библиотеки Академии наук» продолжает серию трудов, подготовленных научно-исследовательским отделом истории книги Библиотеки Академии наук СССР. Он посвящен 275-летнему юбилею Библиотеки. Это определило состав сборника, проблематику, круг рассматриваемых вопросов. Все работы, включенные в сборник, так или иначе касаются истории Библиотеки, ее фондов и коллекций, исследуют уникальные книги и рукописи, хранящиеся в ней.

Сборник открывается кратким обзором деятельности научно-исследовательского отдела истории книги за 15 лет его существования; здесь рассказывается и о перспективах дальнейшей работы отдела.

Ряд статей сборника посвящен различным этапам истории Библиотеки, памятным событиям в ее жизни. Библиотека Академии наук предстает в неожиданном ракурсе в восприятии людей XVIII века как одна из достопримечательностей Петербурга того времени. Книжные собрания Библиотеки, выполнявшей на протяжении всего XVIII века функцию главной библиотеки страны, интересовали многих иностранных ученых и любознательных путешественников. В сборнике публикуются новые материалы о книготорговой и издательской деятельности Библиотеки Петербургской Академии наук в первые десятилетия ее существования, о наиболее ранних поступлениях в Библиотеку. Рассматривается деятельность директора иностранного отделения Библиотеки К. М. Бэра — естествоиспытателя мирового масштаба, проявившего себя также просвещенным, знающим библиотекарем и умелым администратором; уточняются факты, связанные с одной из легенд — о посещении Библиотеки Академии наук В. И. Лениным.

Часть работ, включенных в сборник, касается вопросов, связанных с фондами Библиотеки, историей отдельных коллекций, пополнявших ее в разное время и превративших

Библиотеку Петербургской Академии наук в одно из крупнейших книгохранилищ мира, таких, как книжное собрание академика А. А. Куника, включавшее богатую коллекцию книг о России, родовая библиотека Михалковых. В ряде статей рассмотрены отдельные рукописи и книги, хранящиеся в Библиотеке, в частности записные книги Новгородской приказной палаты 1686—1689 гг., русский перевод отрывков из книги французского просветителя А. Гудара «Китайский шпион»; публикуется описание уникального экземпляра «Словаря исторического» Евгения Болховитинова, содержащего обширную авторскую правку и дополнения; исследуются пометы А. Н. Островского на книге И. Тэна «Чтения об искусстве».

Юбилей Библиотеки Академии наук омрачен трагедией, вызванной пожаром 14—15 февраля 1988 г., в результате которого Библиотеке был нанесен невосполнимый ущерб. В сборнике уделено внимание и фондам, пострадавшим от пожара, — иностранной научной периодике, хранившейся в «бэровском фонде», а также библиотеке князей Радзивиллов.

В сборнике, подготовленном научно-исследовательским отделом истории книги БАН СССР, отмечающим свой 15-летний юбилей, приняли участие сотрудники не только Библиотеки, но и других научных учреждений Ленинграда: Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Н. В. Николаев), Института русской литературы (Пушкинского Дома) (В. Д. Рак), Ленинградского отделения Института истории СССР (А. И. Копанев), Ленинградского государственного университета (А. С. Лавров, Б. В. Лукин).

А. А. ЗАЙЦЕВА

К 15-ЛЕТИЮ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ОТДЕЛА ИСТОРИИ КНИГИ БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК СССР

В Библиотеке Академии наук СССР исследования в области истории книги являются одним из важных аспектов научной работы. Для этого старейшего научного учреждения страны, располагающего уникальным собранием рукописных и редких печатных книг, богатейшими книжными фондами, характерны давние традиции подобных исследований. Они уходят в XVIII век. В Библиотеке Академии наук с давних пор велись работы по составлению каталогов, библиографических указателей, изучению рукописного наследия и книжного богатства, отдельных изданий.

Отдел истории книги был организован 1 ноября 1974 г. Его созданию способствовал общий подъем книговедческих исследований в Советском Союзе в конце 60-х — начале 70-х гг. Этот процесс сказался и на направлении развития научных исследований в наших крупнейших библиотеках. В Библиотеке Академии наук, например, в этот период был осуществлен ряд капитальных исследований. Написан коллективный труд «История Библиотеки Академии наук СССР», подготовленный к 250-летию Библиотеки, в создании которого приняли участие известные ученые: М. В. Кукушкина, А. И. Копанев, С. П. Луппов и др. Начали выходить в свет монографии С. П. Луппова по истории книги: «Книга в России в XVII в.», «Книга в России в первой четверти XVIII в.», были выпущены первые книговедческие сборники Библиотеки Академии наук.

Направление исследований отдела истории книги, основной задачей которого стало изучение книжного дела феодального периода, было определено и разработано С. П. Лупповым (1910—1988), возглавлявшим отдел в течение 10 лет.[1] Предложенная концепция основывалась на понима-

---

[1] *С. П. Луппов.* Основные направления изучения истории русской книги эпохи феодализма // Книга: Исследования и материалы. М., 1985. Сб. 50. С. 126—141; *С. П. Луппов, А. А. Зайцева.* Итоги и перспективы

нии истории книги как самостоятельной научной дисциплины, исследующей широкий круг вопросов: историю книгопечатания, историю книготорговли — книгораспространения вообще, проблему образования книжных собраний и библиотек, их читателя и др. История книги рассматривалась как одна из важнейших проблем истории культуры, ее неотъемлемая часть. Это обусловило многоаспектное понимание функциональных связей книги и общества, комплексное изучение ее проблем. Данная программа исследований, подтвержденная дальнейшим развитием науки, ее современным состоянием, была реализована в работе отдела и определила ее научно-исследовательскую, методическую и организационную направленность.

Исследования, развернутые в отделе, получили поддержку на всесоюзных конференциях — «Книга в России до середины XIX века», — проводящихся Библиотекой Академии наук с 1976 г., инициатором которых был С. П. Луппов. В соответствии с единой системой научных исследований в стране и их координацией за Библиотекой Академии наук была закреплена роль головного учреждения в изучении истории книги в России эпохи феодализма, за Государственной Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — период с середины XIX в. до 1917 г., за Государственной библиотекой им. В. И. Ленина — книговедение в СССР.

Все это способствовало как становлению научных интересов отдела, так и превращению Библиотеки Академии наук в ведущий центр по указанной проблематике. Серия «Книга в России», начало которой было положено С. П. Лупповым, давшим в своих монографиях широкую картину развития отечественной книги на протяжении почти полутора веков, была задумана таким образом, чтобы с течением времени охватить весь исследуемый период — до середины XIX века.

Научно-исследовательские разработки по истории книги велись и ведутся в Библиотеке Академии наук по следующим основным направлениям:

1) подготавливаются монографические исследования;

2) ежегодно выпускаются сборники научных трудов по истории книжного дела;

исследований Библиотеки Академии наук СССР по проблеме «Книга в России до середины XIX в.» // 4-я науч. конф. библиотекарей Советской Литвы. Вильнюс, 14—15 дек. 1983: Тезисы докладов. (На лит. яз.). Вильнюс, 1983. С. 192—194; *А. А. Зайцева.* Программа исследований «Книга в России» в Библиотеке Академии наук СССР // Книга и культура. 6-я Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения. Секция истории книги. М., 1988. С. 1—2.

3) раз в четыре года проводятся всесоюзные конференции «Книга в России до середины XIX века», получившие известность среди специалистов историков книги в стране;

4) сотрудники отдела активно участвуют в книговедческих форумах, организуемых в стране, — всесоюзных научных конференциях «Книга и культура», «Смирдинских чтениях», «Павленковских чтениях» и др.;

5) отдел ведет методическо-консультационную работу, выступает с рецензиями и отзывами на диссертации и научные труды в области истории книги.

Таким образом, в границах своего периода, отдел осуществляет те же задачи — публикацию источников, теоретическо-методические разработки, создание оригинальных трудов, какие характерны для советского книговедения в целом в области истории книги. Говоря о задачах и функциях отдела, необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство: научно-исследовательский отдел истории книги Библиотеки Академии наук является единственным специализированным подразделением в системе Академии наук (а по существу и в стране), планомерно разрабатывающим проблемы истории книги в России эпохи феодализма и являющимся методическим и координационным центром по данному вопросу. Вместе с тем, деятельность и значение отдела определяются местом и значением Библиотеки Академии наук среди других учреждений. Все изменения в функциях и статусе Библиотеки Академии наук — то, что она с 1984 г. стала методическим центром для других академических библиотек, то, что позднее она получила статус научно-исследовательского учреждения и др. — все это хотя существенно и не меняло внутренних планов отдела, но неизбежно сказывалось на углублении и усложнении задач его деятельности.

Планы отдела формируются таким образом, чтобы органически вписываться в общесоюзную программу книговедческих исследований и в то же время разрабатывать мало изученные проблемы. До сих пор, например, имеются «белые пятна» в исследованиях по истории книжного дела — практически не изученной остается вторая половина XVIII в. с точки зрения и книгоиздательских процессов, и книготорговли, и проблем читателя. В предшествующие годы в истории книги нередко исследовались вопросы, связанные с какими-либо юбилеями, с именами отдельных деятелей культуры и др. И то новое, что вносят в советское книговедение работы отдела и его долгосрочные, перспективные планы, — это стремление преодолеть существующую диспропорцию

в исследованиях и планомерно, систематически разработать хронологически связную, целостную историю книги указанного периода.

К настоящему времени в отделе выпущено в свет 7 монографий, 3 сборника докладов всесоюзных конференций «Книга в России до середины XIX века», 13 сборников научных трудов (всего в Библиотеке Академии наук вышло 16 подобных книговедческих сборников). Все эти работы восполняют, в той или иной степени, существующие лакуны. Систематическое изучение архивных материалов и других источников, всевозрастающий опыт работы позволили перейти к более широким теоретическим обобщениям и в то же время подготовить детально разработанные монографии по отдельным периодам и проблемам истории книги в России. Работы отдела привлекают не только актуальностью, но и своей основательностью, они могут быть использованы для последующих теоретических и научных построений. Среди них в первую очередь следует назвать монографию Д. В. Тюличева, который был прекрасным знатоком материалов, хранящихся в Ленинградском отделении Архива Академии наук. Многие его работы были основаны на изучении этих фондов. И его фундаментальный труд — монография «Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М. В. Ломоносов» (1988, 22 п. л.), в котором прослежена специфика издательского и книготоргового дела Академии наук в середине XVIII в. в «ломоносовский период», основан на многолетнем, кропотливом исследовании архивных источников. Автор показал выдающуюся роль Академии наук в организации мощного подъема гражданского книгопечатания в России в 50—60-е годы, сумел раскрыть просветительскую направленность этой деятельности, дать достоверную статистическую картину академической книготорговли. Автор сумел показать и решающее влияние Ломоносова-просветителя на книгоиздательскую деятельность Академии наук — и как организатора издательско-книготоргового процесса в Академии, ратовавшего за развитие гражданского книгопечатания светского содержания, за широкое распространение книг в демократических слоях общества, и как переводчика, редактора, инициатора ряда изданий Академии наук, и, конечно, как автора. Капитальный труд Д. В. Тюличева — существенный вклад в изучение истории книги в России. Он интересен и той методикой, которая была разработана и применена автором — статистическим методом исследования книготоргово-издательских процессов.

До последнего времени мало исследованными остаются вопросы о путях и формах распространения книги в конце XVIII в. в Петербурге. Вместе с тем изучение книготоргового процесса в Петербурге, крупнейшем культурном и книготорговом центре России, представляет интерес и потому, что многие из его особенностей были характерны и для других областей страны. В планах отдела — выпуск монографии (А. А. Зайцева), посвященной специфике книжного дела в С.-Петербурге в конце XVIII в.

Разумеется, на протяжении 15-летнего существования отдела сама жизнь, требования развивающейся науки неизбежно вносили коррективы в планы работы: в некоторых случаях шел процесс конкретизации, дробления и сужения отдельных исследуемых периодов и тем. С другой стороны можно наблюдать и своеобразные процессы интеграции — частный вопрос подчас вырастает в новую, обширную перспективную тему.

С начала 80-х гг. в работе отдела, например, прочно заняла место новая проблема — иностранная книга в России, поскольку значение иностранной, и в первую очередь французской, книги было особенно велико в XVIII веке. Последующие годы показали, насколько перспективной стала разработка подобной темы. Она вылилась, например, в издание коллективной монографии трех авторов — П. И. Хотеева, Н. А. Копанева, В. А. Сомова «Французская книга в России» (вышедшей в 1986 г. (17 п. л.) и подготовленной как на фондах Библиотеки Академии наук, так и с использованием других источников). В монографии всесторонне исследуется вопрос о распространении и путях проникновения французской книги в Россию: о формировании первоначальных французских фондов Библиотеки Академии наук, о репертуаре и принципах организации торговли французскими книгами в середине XVIII в., о широком распространении «Россики» в конце XVIII в., то есть, с разных аспектов были проанализированы такие проблемы, как библиотека и читатель, русско-французские книготорговые отношения и культурные связи. Этим трудом сотрудники отдела одними из первых сделали заявку на ставшую в настоящее время чрезвычайно актуальной проблематику. Первая монография по французской книге имела и практическое значение. Ее появление в свет совпало с подготовкой международной выставки «Россия — Франция в век Просвещения», проводившейся в Ленинграде, Москве и Париже в 1987 г. Работы сотрудников отдела были использованы при подготовке каталога вы-

ставки, они получили отражение и в материалах научной конференции, связанной с этим мероприятием.

Продолжением разработки данной темы стала и вышедшая в 1988 г. монография Н. А. Копанева «Французская книга и русская культура в середине XVIII века» (9 п. л.), в которой рассмотрены основные этапы развития взаимоотношений России с зарубежными издательскими и книготорговыми фирмами, а также репертуар французской книги в середине XVIII в., показано значение этих контактов. В частности, впервые раскрыты тесные связи с русской Академией наук парижского книготорговца А. К. Бриассона — издателя знаменитой французской «Энциклопедии». Ведущиеся в отделе работы по французской «Россике» и истории цензуры (В. А. Сомов) позволяют ожидать в конечном результате серьезного монографического исследования. Исследования в области иностранной книги, начатые как разработка вопроса о русско-французских книготорговых связях в первой половине XVIII в., в настоящее время органически переросли в изучение широкого пласта русско-западноевропейских контактов. Особую актуальность это направление работы отдела, поднимающее важную проблему о связях русской культуры и Запада, ранее практически не разрабатывавшуюся в советском книговедении, приобрело в настоящее время — в связи с юбилеем Великой французской революции, когда интерес к XVIII веку необычайно возрос во всем мире. И не случайно очередная всесоюзная научная книговедческая конференция Библиотеки Академии наук, планируемая на декабрь 1990 г., будет посвящена книге в России в век Просвещения.

Монографические исследования — это работы, планируемые на большой срок. Более «подвижной» формой изданий являются сборники научных трудов по истории книги, подготавливаемые в отделе и издаваемые Библиотекой Академии наук в собственной типографии. Они дают возможность оперативно откликаться на актуальные проблемы, наиболее значительные события в научной жизни страны, позволяют апробировать новые гипотезы и идеи, дают возможность проследить, как складывались и постепенно развивались некоторые перспективные направления работы отдела. В сборниках публикуется много архивно-документальных материалов, в частности описи и каталоги библиотек. Были, например, опубликованы работы о библиотеках А. Д. Меншикова, Голицына, Еропкина, Соймонова, Саншеса, Лестока, Виноградова, Ф. У. Т. Эпинуса, Протасова, Дж. Кваренги и др.,

материалы об издателях и книготорговцах XVIII в. — Е. Вильковском, И. Вейтбрехте, И. Глазунове, о книжных лавках и типографиях, об отдельных изданиях и рукописях, их читателях. Эти исследования и публикации по разнообразным вопросам истории книжного дела создают источниковую основу для дальнейших исследований, нередко перерастают в серьезные монографические работы. В качестве примера можно указать на уже упоминавшуюся монографию Н. А. Копанева, на выходящий труд П. И. Хотеева «Частные книжные собрания в середине XVIII века» (12 п. л.), в работе которого проанализирована специфика и состав наиболее значительных книжных собраний середины XVIII в., причем особое внимание отведено библиотекам ученых — Виноградова, Саншеса, Лестока, Эпинуса.

При формировании сборников не только уделяется внимание научным разработкам как таковым, их основательности, новизне, но и ставится задача правильно прогнозировать и выявлять актуальные направления исследований в области истории книги феодального периода. Редколлегия сборника стремится к тому, чтобы печатать в сборниках не только работы сотрудников Библиотеки Академии наук и ленинградских историков книги, к участию в них привлекается широкий круг специалистов — и сборники постепенно становятся своеобразным общесоюзным изданием по проблемам истории книги исследуемого периода. В перспективе мы считаем возможным привлечь к участию в них и иностранных ученых. Работы сотрудников отдела, выходя в печать, как правило, привлекают внимание зарубежных исследователей. Этому способствует также и то, что в сборниках публикуются рецензии на наиболее значительные труды по истории книги, выходящие на Западе.

Характерно, что постепенно наши сборники по истории книги становятся тематическими. Так, на юбилей М. В. Ломоносова отдел откликнулся не только монографией Д. В. Тюличева, но и сборником «Ломоносов и книга». Книговедческий аспект сборника позволил выявить новые материалы, связанные с ломоносовской темой, с наследием Ломоносова, подчеркнуть многогранность его гения. Юбилею Великой французской революции посвящен сборник «Книга в России в эпоху Просвещения». В нем рассмотрен широкий круг проблем истории книги в России XVIII — начала XIX в. Особенное внимание уделено русско-французским контактам, взаимодействию двух культур в период революционных событий во Франции в конце XVIII века: приводятся новые

материалы о распространении просветительской литературы в России и о ее читателях, исследуются материалы богатой коллекции изданий периода Великой французской революции, хранящиеся в Библиотеке Академии наук. Данный сборник посвящен 275-летию Библиотеки Академии наук, а следующий (намеченный на 1990 г. — «Книга в России. Материалы и исследования») — памяти С. П. Луппова. В связи с интересом к этим изданиям М. П. Лепехиным подготавливается библиографический указатель «Книга в России до середины XIX века». В нем будет дана роспись статей 16 выпущенных сборников, а также материалов трех Всесоюзных научных конференций «Книга в России до середины XIX века».

Эти всесоюзные научные конференции (1976, 1981, 1985 гг.), организованные Библиотекой Академии наук совместно с Научным советом по комплексной проблеме «История мировой культуры», занимают немалое место в осуществлении программы исследований «Книга в России» периода феодализма. Они способствуют выявлению наиболее актуальных направлений научных исследований, помогают объединить ученых, работающих в данной области, собирая специалистов — историков книги со всех концов Советского Союза. Характерно, что в последнее время и конференции становятся «монотематическими». 3-я Всесоюзная конференция была посвящена проблемам книгораспространения, подготавливаемая 4-я Всесоюзная конференция, как было отмечено выше, будет посвящена конкретной, значительной проблеме — «Книга в России в эпоху Просвещения» и явится своеобразным подведением итогов.

Большой интерес к истории книги феодального периода как в нашей стране, так и за рубежом, неразработанность многих проблем подтверждает актуальность ведущихся в Библиотеке Академии наук исследований. Основной задачей и на данном этапе работы научно-исследовательского отдела истории книги, и в перспективе остается написание целостной истории книги в России до середины XIX в. при одновременной углубленной разработке ее отдельных проблем.

В. А. СОМОВ, М. И. ФУНДАМИНСКИЙ

БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК — ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ ПЕТЕРБУРГА XVIII В.

До 1988 г., т. е. до трагедии пожара 14—15 февраля, о существовании Библиотеки Академии наук было известно лишь в научных кругах. Иначе дело обстояло в XVIII веке, когда академическое книгохранилище долгое время выполняло функции главной библиотеки страны и являлось одной из достопримечательностей Петербурга. Эта ситуация нашла отражение и в иностранной литературе того времени, тем более что Петербург — новая европеизированная столица России, город Петра Первого и Екатерины Второй — привлекал в XVIII веке особое внимание иностранцев. Почти в каждой книге, посвященной России, даже у тех авторов, которые и не бывали в ней, встречается описание Петербурга и его достопримечательностей. Среди них — Академия наук, созданная по замыслу Петра Великого, которая предлагала любознательным путешественникам для осмотра сокровища Библиотеки и Кунсткамеры.

В своем проекте Петербургской Академии наук Петр I указывал, что ее создание должно служить «пользе и славе» Отечества.[1] Библиотеке и Кунсткамере при этом отводилась особая роль. Призванные выполнять запросы сотрудников Академии, они одновременно являлись «лицом» этого сообщества ученых и даже шире — «лицом» просвещенной империи. Именно поэтому академические коллекции стремились продемонстрировать всем иностранным гостям и дипломатам, приезжающим в Петербург. С другой стороны, в это время библиотеки и музеи уже вошли в число основных объектов, знакомство с которыми в каждом городе считалось обязательным для любого образованного путешественника.

Основание библиотеки Академии было тесно связано с петровскими реформами и личностью царя. Ядром библиотеки явилось, как известно, книжное собрание Петра I, ко-

---

[1] Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 32.

торое располагалось сначала в Летнем дворце, а затем в Кикиных палатах. После передачи его в ведение Академии наук, в ее здании (бывшем доме Шафирова) расположился библиотечный филиал, содержащий самые необходимые для ученых издания. Уже на раннем этапе своего существования библиотека привлекала внимание иностранцев. Сохранились сведения о посещениях библиотеки путешественником Л. Ланге (1715), немецким резидентом Х. Ф. Вебером (1716), членами польского посольства (1720), камер-юнкером Ф. В. Берхгольцем (1721 и 1723), голландским врачом на русской службе М. Ван дер Бехом (1725), французским путешественником О. де Ламотре (1726).[2] Иностранцы отметили отличный подбор западноевропейских изданий и хорошие темпы роста книжного собрания. Их заинтересовали редкие книги по философии, религии и медицине из собрания герцога Курляндского и лейб-медика Петра I Роберта Арескина, особенно альбом рисунков насекомых работы Марии Сибиллы Мериан.[3]

Еще при жизни Петра I началось строительство специального здания для Библиотеки и Кунсткамеры на Васильевском острове. Его торжественное открытие состоялось 25 ноября 1728 г. Издаваемая Академией газета «Санктпетербургские ведомости» на следующий день сообщала об этом событии: «Вчерашняго дня отперта здесь паки императорская Библиотека с Кунст и натурал каморою в первые, потом как оная в новые Академические палаты переведена. Господин адмирал фон Сиверс, господин генерал фон Минних, герцогский голштинский обер-камергер граф Бонде, господин генерал-маэор Бибиков, господин генерал-маэор фон Луберас, господин контр-адмирал Бредаль и разные герцогские голштинские придворные кавалеры при том присутствовали, которые при сем случае и все протчее, что при здешней Академии наук примечания достойно есть, осмотрели. <...> Впредь будет Библиотека равным же образом повсянеделно дважды, а именно во вторник и в пятницу по полудни от 2 до 4 часа отперта, и всякому вход во оную свободен, но кто Кунст и натур камору смотреть пожелает, тому надлежит о том за день до того библиотекарю объявить и о угодном времяни у него известие получить». И в дальнейшем в газете

---

[2] История библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.; Л.: Наука, 1964. С. 25—29.

[3] См.: *Лебедева И. Н.* Рукописи латинского алфавита XVI—XVII вв. Л., 1979. С. 4—5, 136—139. (Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР; Т. 6).

время от времени можно встретить сообщения о посещениях Академии разными персонами. Вот хроника этих посещений за 1728—1739 гг. по данным «Санктпетербургских ведомостей»:

1728 12 дек. Архиепископ нижегородский и Алаторский Питирим «с разными особами из духовенства».

13 дек. Кн. Куракин, русский посол во Франции, «со всею своею свитою».

1730 6 июля. Голландский экстраординарный посланник Де Дие.

1732 15 марта. Кабардинский князь Магомет Бек.

8 июня. Китайские послы.

19 июля. Принцесса мекленбургская Анна Леопольдовна.

1733 январь. Духовник австрийского посольства (аббат-францисканец).

1 июня. Принц Антон-Ульрих Брауншвейг-Бевернский.

1734 31 марта и 1 апр. Персидские послы.

2 апр. Киргиз-кайсацкие и башкирские послы.

13 мая и 27 сент. Калмыцкие послы.

10 июля и 2 окт. Французские офицеры, плененные под Данцигом.

5 окт. Бухарский посол Визирь-Бек.

4 окт. Л. Ланге, русский агент в Китае.

1735 12 марта. Калмыцкие послы.

1736 2 авг. Персидский посол Хулефа Мирза Кафи со знатным дагестанцем Мигр-Али-Беком.

1738 17 марта. Пленный комендант крепости Очаков Ягья-Паша.

1739 23 июля. Брауншвейгский посол фон Крам со свитой.

сент. Английский лорд Ф. К. Балтимор со своими спутниками Ф. Альгаротти, Кингом и Т. Дезагюлье.

Этот перечень показывает, что Академия была притягательным местом не только для любителей наук. В 1730-е гг. ее посещение становится обязательным пунктом официальной программы едва ли не для всех приезжающих в Петербург высокопоставленных особ и дипломатов.

Посетители, особо заинтересовавшиеся библиотекой, могли воспользоваться книгой «Палаты Санктпетербургской императорской Академии наук библиотеки и кунсткамеры» (СПб., 1741), содержавшей описание здания, его интерьеров,

ПАЛАТЫ
САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ
БИБЛІОТЕКИ И КУНСТКАМЕРЫ

СЪ КРАТКИМЪ ПОКАЗАНІЕМЪ

всѣхъ находящихся въ нихъ

художественныхъ и натуральныхъ вещей

СОЧИНЕННОЕ

ДЛЯ ОХОТНИКОВЪ

оныя вещи смотрѣть желающихъ.

ПЕЧАТАНО ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ.

сведения о размещении книг.[4] Почти одновременно были изданы каталоги иностранной и русской части Библиотеки.[5] Экземпляры каталогов Академия дарила «высокопоставленным гостям, любознательным иностранцам и любителям литературы».[6]

Середина XVIII в. была тяжелым этапом в жизни библиотеки. Пожар 5 декабря 1747 г. сильно повредил здание и нанес невосполнимые утраты книжным фондам; спасенные книги были размещены в стоявшем неподалеку небольшом каменном доме Демидовых. Любопытно, что 12 июля 1748 г. в «Санктпетербургских ведомостях» было опубликовано сообщение об осмотре коллекций Академии в доме Демидовых мальтийским кавалером маркизом Сакрамозо (Заграмозо); вероятно, по замыслу академической администрации, это сообщение должно было убедить петербургское общество в успехе восстановительных работ.

Свидетельства иностранцев, посетивших библиотеку в первой половине XVIII в., уже были обстоятельно рассмотрены С. П. Лупповым. В настоящей работе мы остановимся на отзывах иностранцев, относящихся ко второй половине столетия, т. е. тех авторов, которые побывали в России и осматривали Библиотеку после 1766 г., когда академическое книгохранилище вновь было переведено в восстановленное от ущерба, нанесенного огнем, здание Кунсткамеры, где все было предусмотрено для удобного осмотра академических коллекций: просторные залы, красивые шкафы для книг и музейных экспонатов.

В это время Библиотека Академии уже потеряла монопольное положение единственной крупной библиотеки России: быстро увеличивалась библиотека Московского университета, других учебных заведений, формировались значительные императорские дворцовые библиотеки, в том числе в Эрмитаже, крупные частные собрания книг и рукописей. Однако вплоть до конца века академическое книгохранилище

---

[4] Палаты Санктпетербургской императорской Академии наук Библиотеки и Кунсткамеры. СПб., печ. при имп. Акад. наук, 1741. (Загл. и текст на рус. и нем. языках). См. также др. издание уменьшенного формата: СПб., при имп. Акад. наук, 1744.

[5] Bibliothecae Imperialis Petropolitanae pars 1—4. Spb., Typis Academiae Imperialis Scient., 1742; Российския печатныя книги находящиеся в Императорской библиотеке... Российския рукописныя книги. СПб., тип. Акад. наук (б. г.).

[6] *Bacmeister J. V.* Essai sur la Bibliotheque et le cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Academie des Sciences de Saint Petersbourg. Spb., 1776. P. 54.

продолжало оставаться самой значительной библиотекой империи.

Небольшой штат библиотеки (с 1771 по 1797 г. его возглавлял академик С. К. Котельников) потратил много усилий на пополнение фондов, которые продолжали расти довольно быстро, так что уже ощущался недостаток помещения для книг, на совершенствование каталогов библиотеки.[7]

Известно, что число желающих осмотреть коллекции Академии было значительным.[8] Среди них встречалось немало иностранцев. Некоторые посетители могли узнать о библиотеке еще до приезда в Петербург — между Академией и научным миром Западной Европы существовали тесные контакты, а широкий читатель мог получить сведения о ней, например, из популярной в Европе «Российской истории» П.-Ш. Левека, которая сообщала, что библиотека Петербургской Академии наук «особенно богата русскими, тангутскими, монгольскими и китайскими рукописями».[9]

Воспоминания о посещениях библиотеки мы встречаем в книгах швейцарского ученого И. Бернулли, английских путешественников У. Ричардсона и У. Кокса, лейтенанта ганноверского Саксен-Готского пехотного полка И.-Г. Майера, французского дипломата М.-Д. Корберона.[10] Подробное описание коллекций Петербургской Академии наук составили немецкий путешественник И.-И.Беллерманн, француз — граф А.-Т. Фортиа де Пиль, посетивший Петербург в годы Французской революции.[11]

---

[7] История Библиотеки Академии наук... С. 127—161.

[8] Популярный среди русских читателей конца XVIII — начала XIX в. «Письмовник» Н. Г. Курганова сообщал: «Библиотеку и Кунсткамеру Академии наук многие каждый год смотрят» (*Курганов Н. Г.* Письмовник, содержащий в себе науку российскаго языка со многим присовокуплением разнаго учебнаго и полезнозабавнаго вещесловия. 5-е изд. СПб., 1793. Ч. 2. С. 191.

[9] *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. Paris, 1800. T. 6. P. 185; Ср.: *Leclerc N.-G.* Histoire physique, morale et politique de la Russie moderne. Paris, Versailles, 1785. T. 2. P. 299.

[10] *Bernoulli J.* Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preußen, Curland, Rußland und Pohlen, in den Jahren 1777 und 1778. Leipzig, 1780. Bd. 5. S. 1—11.; *Corberon M.-D.* Un diplomate français à la cour de Catherine II: 1775—1780. Journal intime du chevalier de Corberon. Publ. par L.-H. Lablande. Paris, 1901. T. 1. P. 159—160, 162—163; *Coxe W.* Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark. London, 1784. T. 2. P. 124–126; *Meyer J. H. C.* Briefe über Russland. Göttingen, 1778. Teil 1. S. 91—95; *Richardson W.* Anecdotes of the Russian Empire in a series of letters, written a few years ago from St. Petersburg. London, 1784. P. 132—133.

[11] См. приложения (стр. 31—41).

Иностранные авторы оставили на страницах своих книг описание внешнего вида здания Библиотеки и Кунсткамеры, его интерьеров, сведения о расстановке книг и условиях их хранения, отзывы о каталогах библиотеки, наиболее ценных материалах, воспоминания о встречах с сотрудниками Академии.

Основным источником сведений о библиотеке для всех иностранцев кроме личных впечатлений было описание Библиотеки и Кунсткамеры, подготовленное помощником библиотекаря И. Бакмейстером к 50-летнему юбилею Академии, которая, как и прежде, заботилась о прославлении своих коллекций. Книга Бакмейстера была издана на французском (1776 г.), немецком (1777 г.) и затем на русском языке (1779 г.).[12] И. Бакмейстер был широко образованным ученым, опытным сотрудником библиотеки, проработавшим в ней в течение многих лет. В своем труде он дал исторический очерк библиотеки, характеристику ее фондов, описал наиболее редкие книги и рукописи.

Хотя в отзывах иностранцев, посетивших библиотеку в сравнительно небольшой отрезок времени, много общего, иногда их мнения расходятся — у каждого из посетителей были свои интересы, различны были условия, в которых они осматривали библиотеку: одни совершили краткую экскурсию, другие серьезно изучали фонды академического книгохранилища. Необходимо иметь в виду, что иностранные гости ходили по зданию Академии не одни, их сопровождали сотрудники и прежде всего сам Бакмейстер, который мог продемонстрировать сокровища Петербургской Академии наук наилучшим образом. Известно, что именно Бакмейстер сопровождал Кокса, Бернулли, Беллермана. Последний, близко познакомившийся с Бакмейстером, отзывается о нем, как о тихом, скромном человеке, который всегда готов услужить «каждому, кто проявляет любознательность». Даже в то время, когда библиотека из-за холодов закрыта для посторонних, он готов показать ее, если попросят. Сам Бакмейстер писал: «Унтер-библиотекарь каждое утро регулярно бывает в библиотеке» (Bacmeister, p. 138). Как мы увидим в дальнейшем не только содержание книги Бакмейстера, но и его устные заявления отразились в книгах иностранных посетителей.

[12] *Князев Г. А., Шафрановский К. И.* История библиотеки Петербургской Академии наук И. Бакмейстера 1776 года // Труды библиотеки АН СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук СССР. 1962. Т. 6. С. 251—264.

Библиотека, и прежде всего само просторное здание, его залы и галереи, производила благоприятное впечатление на иностранцев уже с первых шагов (см. Ричардсон). Голландец Ван Вонцель, служивший врачом в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, отметил, что библиотека помещается в «превосходном здании», «дворце Академии».[13] Иностранным посетителям было привычно и импонировало то, что размещенные в одном здании Библиотека и Кунсткамера составляли единый комплекс — «Музей», в котором хранились «сокровища природы, искусства и письменности» (Беллерман); подобный тип библиотек-музеев был распространен в то время в Западной Европе.[14] Особенно наглядно это сочетание отразилось на страницах книги Фортиа де Пиля, который внимательно, переходя из зала в зал, осматривал коллекции и описал свою экскурсию так, как она проходила. Перед читателем его книги появляются друг за другом каталоги библиотеки, уникальные часы в форме яйца работы Кулибина, окаменевшие части позвоночника кита, кусок черного коралла, библиотека князя Радзивила, рядом с которой находится покрытая пылью статуя императрицы Анны Иоанновны (работы Растрелли), кабинет естественной истории, токарные станки Петра I, восковая персона царя, редчайшие инкунабулы, рукописи Кеплера, модели крепостных укреплений, коллекции монет и медалей и т. д.

Оценивая фонды библиотеки, большинство авторов (Бернулли, Вонцель, Кокс, Майер) называют число в 36 000 томов вслед за Бакмейстером, который считал такое количество книг достаточным, «чтобы всякий ученый человек мог получить те познания, которые пожелает» (с. 64). Ричардсон, посетивший библиотеку раньше других — около 1769 г., указывает цифру 30 тыс., о 40 тыс. томов говорят Корберон (1776) и Фортиа (1791).[15]

---

[13] *Wonzel (Woensel) P. van.* Etat présent de la Russie. St.-Pétersbourg, Leipzig, 1783. P. 75. И. Бернулли, посетивший Петербург в 1778 г. вскоре после юбилейных торжеств по поводу пятидесятилетия Академии наук, сообщает: «По случаю юбилея Академии Библиотека была украшена 4-мя аллегорическими группами, а также многими бюстами и медальонами известных ученых и королей Пруссии, Швеции и Польши. Среди почетных членов этой чести удостоились лишь Леонард Эйлер и Даниил Бернулли; превосходный портрет моего дяди, изготовленный Аппелиусом... заметить здесь так же трудно, как и прекрасное изображение великого Густава III... из-за сводов на потолке зала; г-н Бакмейстер прячет их в своей собственной маленькой комнате в здании Академической Канцелярии...» (S. 10).

[14] История Библиотеки Академии наук СССР... С. 16.

[15] Ср.: История Библиотеки Академии наук СССР... С. 146—147.

Даже в конце XVIII в. по-прежнему подавляющее число книг составляли издания на западноевропейских языках, хотя во второй половине столетия русский фонд значительно вырос, особенно после 1783 г., когда по распоряжению правительства библиотека стала получать «обязательный экземпляр» всех выходивших в России изданий.[16] Этот факт был отмечен и в «Описании... Санктпетербурга», составленном И.-Г. Георги: «В 1783 году ея императорское величество высочайше повелеть соизволила от всех в России печатаемых книг Российских из типографий или от издателей и сочинителей доставлять по одному эксемпляру в Российскую библиотеку Академии, чем оная гораздо увеличилась».[17]

Небольшой русский фонд, особенно уникальные рукописи, привлекал внимание всех посетителей, которые хотели получить представление о русской истории и культуре. Фортиа де Пиль свидетельствовал: «Русским нечего желать более из того, что касается их страны и литературы, здесь имеются почти все сочинения, изданные на русском языке» (с. 209). Ричардсон указывает на характерную особенность русского фонда — значительное число «переводов французских, английских и немецких авторов» (с. 132). Из раритетов большинство авторов называют Летопись Нестора, т. е. «Радзивиловскую» летопись, поступившую в библиотеку из Кенигсберга в 1761 г. после окончания Семилетней войны.[18] Корберон, рассматривая миниатюры этой рукописи, заметил в ней «несколько рисунков удивительных для того времени, когда искусства пришли в упадок даже в Италии» (t. 1, p. 159). Кокс повторяет вслед за Бакмейстером: «Эта хроника вместе с Новгородской, Псковской, Украинской, Казанской и Астраханской, генеалогические таблицы самых первых великих князей от Владимира Великого до царя Ивана Васильевича, составленные в 12-ом, 13-ом, 14-ом и последующих веках,[19] убедили меня, что Россия очень богата как документами, относящимися к самым отдаленным эпохам, так и к новейшим временам» (ср.: Bacmeister, p. 116—117).

Одна из древнейших рукописей, вызвавших интерес у иностранцев, — «Жития святых» 1298 года, т. е. неверно

---

[16] История Библиотеки Академии наук СССР... С. 133—135.

[17] *Георги И.-Г.* Описание российско-императорскаго столичнаго города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях онаго. СПб., 1794. С. 415.

[18] Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1956. Вып. 1. С. 223.

[19] Т. е. Степенные книги.

датированная Бакмейстером пергаменная рукопись 14 века «Минея служебная на апрель» 1398 г.[20]

Из старопечатных книг посетители отмечают прежде всего московское издание «Апостола» Ивана Федорова (1564 г.). Именно его Бакмейстер показывает Коксу и другим посетителям как первую книгу, напечатанную в России. Английский путешественник с удовлетворением замечает: «Его бумага безусловно изготовлена у нас, я прямо обнаружил английскую марку: мы находим у Гаклюйта упоминание об этой бумаге среди первых предметов импорта, которые Россия получила из Англии».[21] (т. 2, с. 125—126).

Внимание иностранцев привлекают материалы, связанные с именем Петра I: донесения царских дипломатов (1711—1716 г.), тома «официальной корреспонденции князя Меншикова (1703—1717)».[22] Кокс пишет: «Эти коллекции могли бы стать хорошей основой для составления подлинной истории Петра Великого, книги, которую многие ожидают» (ср.: Bacmeister, p. 120). Фортиа упоминает атласы и книги по географии, принадлежащие Петру.

Особый интерес посетителей вызывали восточные коллекции Академии, в первую очередь китайские книги — в Европе того времени «китайщина» в моде, китайская тема нашла отражение в литературе и других видах искусства.[23] Кокс считает, что китайская коллекция в Петербурге более значительна, «чем те, которые можно обнаружить в любых других европейских собраниях». Беллерман очень подробно описывает собрание тангутских, манчжурских, китайских книг и рукописей, их историю. Бернулли с интересом осматривает китайские карты «земли и неба». Фортиа выделяет японские книги, предоставленные Академии Э. Лаксманом, поскольку они отсутствуют у Бакмейстера. Он же сообщает о рукописях, незадолго перед тем привезенных из Монголии и Тибета Иоганном Иеригом, но отзывается о них пренебрежительно: «Большинство этих сочинений молитвенники, нравоучительные, философские книги, очень мало интересных,

[20] *Bacmeister*, p. 107—108; Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание русских и славянских рукописей XI—XVI веков // Сост.: *Бубнов Н. Ю., Лихачева О. П., Покровская В. Ф.* Л., 1976. С. 105.

[21] Речь идет о книге: *Hakluyt R.* The principal navigations, voiages and discoveries of the English nation. London, 1589; Id. ib. 1600.

[22] В настоящее время хранятся в Архиве ЛОИИ АН СССР.

[23] См. ст. В. Д. Рака в наст. сборнике. В XIX в. восточные книги и рукописи были переданы в Азиатский музей, образованный в 1818 г. В настоящее время материалы Азиатского музея хранятся в ЛО Института востоковедения АН СССР.

имеющих отношение к истории». Беллерман в отличие от других авторов указывает на коллекцию арабских рукописей, оценивая ее невысоко, он сообщает любопытные сведения о том, что после русско-турецкой войны арабские молитвенники можно было легко найти в Петербурге.

Некоторые авторы в первую очередь описывают наиболее интересные их соотечественникам западноевропейские материалы. (В таком же порядке рассказывает о сокровищах библиотеки и сам Бакмейстер.)

Вот мнение лейтенанта Майера, который кратко характеризует европейские фонды библиотеки, в основном повторяя Бакмейстера: «Некоторые разделы хорошо наполнены, только в изящных науках ощущается недостаток, так же как и в разделе северной истории, что все-таки трудно было предположить. В разделе „Теология" есть отдельные редкие издания, как, например, Die Wendischen Evangilien von 1551. В историческом разделе то же самое, причем больше всего представлены немецкие издания. Раздел древностей, а также геральдики и нумизматики хорош и содержит ценные издания.

Географические и морские карты весьма многочисленны, в естественной истории, однако, отсутствуют лучшие книги. В математическом разделе есть почти все лучшие старые и новейшие авторы по каждой относящейся сюда науке. История науки прекрасно укомплектована, но еще лучше филологический раздел.

Все классические авторы здесь есть и большинство из них в лучших изданиях. Юридических трудов равным образом очень много, среди прочих большое собрание произведений немецких публицистов. Среди медицинской литературы много дорогих изданий, как старых, так и новых. Старых рукописей нет вовсе, за исключением немногих греческих; однако есть различные новые: на латинском, французском, немецком и итальянском языках» (s. 91—92).

Беллерман отметил, что в библиотеке лучше всего представлена математика и история, в особенности естественная история и история литературы. Симон Тома — уроженец Вердена, в конце XVIII в. переселившийся в Россию, где занимался воспитанием детей в семьях московской знати, — выделил в составе академического книгохранилища «великолепную французскую библиотеку».[24] Ричардсон обращает внимание на книги, принадлежавшие лейб-медику Петра I

[24] ОР ГБЛ, ф. 183, № 363-1. С. 172.

шотландцу Р. Арескину, — «политические трактаты отстаивающие абсолютную и неделимую власть королей».

Беллерман в составленном им списке раритетов упоминает «Vincentius Bellovacensis. Speculum historiale“ (Strassburg, Johann Mentellin, 1473) как «старейшую печатную книгу здешней библиотеки»[25] и сообщает, что «древнейшая из имеющихся здесь Библия относится к 1482 г.».[26] Фортиа внимательно рассматривает недавнее приобретение Академии: две книги с собственноручными записями Екатерины II — редкое издание Цицерона: Cicero Marcus Tullius. De officiis. Mainz, 1466 — и знаменитое издание книги Лактанция — Lactantius Firmianus. De divinis institutionibus. Subiaco, 1465.[27]

Любопытно, что Фортиа указывает прежде всего материалы, поступившие в библиотеку по распоряжению Екатерины II, — рукописи Кеплера, «Прекрасную рукопись Плиния» и др.[28] Не исключено, что именно рукописи, связанные с именем императрицы, и предлагали его вниманию сотрудники библиотеки.

В это время посетителям показывали и знаменитую несвижскую библиотеку князя Радзивила. Она поступила в Петербург в 1772 г. как трофей русских войск, о чем сообщала даже популярная в Европе «История Екатерины II» Ж.-А. Кастера.[29] По воле императрицы книги Радзивилов были переданы в библиотеку Академии и значительно обогатили ее фонды. Долгое время они хранились неразобранными и необработанными.[30] Спустя двадцать лет после по-

---

[25] Ср.: *Bacmeister*. P. 78; *Боброва Е. И.* Каталог инкунабулов [Библиотеки Академии наук СССР]. М.; Л., 1963. № 802.

[26] См.: *Боброва*... № 144; Biblia. Basel, Johann Amerbach, 1482.

[27] В настоящее время эти издания отсутствуют в БАН. См.: *Боброва*... С. 44. В 1786 г. немецкий естествоиспытатель И.-В. Хюпш предложил Петербургской Академии наук приобрести эти книги. Покупка была осуществлена через С. А. Колычева, русского посла в Гааге. См.: Протоколы заседаний конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. СПб., 1911. Т. 4 (1786—1803). С. 7, 43; Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века: Научное описание. 1783—1800. Л., 1987. № 334, 380, 390, 393, 404.

[28] *Лебедева*... С. 6; *Киселева Л. И.* Латинские рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание рукописей латинского алфавита X—XV вв. Л., 1978. С. 179—181; Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела... С. 223.

[29] *Castéra J.* Histoire de Catherine II, impératrice de Russie. Paris, an VIII [1800]. T. 2. P. 223—224.

[30] История Библиотеки Академии наук... С. 138; См. ст. Н. В. Николаева в наст. сборнике.

ступления библиотеки в Петербург Фортиа заметил, что «книги г-на Радзивила заброшвны», как и многие другие.

П.-Н. Шантро — автор «Литературного, политического и философического путешествия в Россию» (Париж, 1794), в своем описании библиотеки скопировавший У. Кокса, говоря о книгах Радзивилов, дополнил свой английский источник сообщением, что это ценное собрание хранится в Академии наук «благодаря неизменной щедрости Екатерины II, которая является библиоманом в полном смысле этого слова».[31]

Среди материалов, присланных Екатериной в Академию, был и написанный ею собственноручно «Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения», поступивший в библиотеку в 1770 г., — рукопись, о которой с тех пор писали почти все иностранцы, осматривавшие достопримечательности Петербурга. Из «Российской истории» П.-Ш. Левека можно было узнать о том, что «императрица опубликовала в 1767 г. Наказ для совершенствования свода [законов]; вдохновленный одновременно правосудием и человечностью, он является одним из прекрасных сочинений этого века... Оригинальная рукопись [Наказа], написанная на французском языке и почти вся рукой императрицы, хранится в библиотеке Академии наук в Петербурге».[32] Именно «Наказ», который неоднократно издавался на французском языке, в том числе в 1771 г. в Амстердаме у М. М. Рея — знаменитого «издателя философов», окончательно утвердил авторитет Екатерины II в Европе и принес ей славу просвещенной государыни.

Это сочинение императрицы было попыткой положить в основу русского законодательства идеи просветительской философии. Созвав Комиссию о сочинении проекта Нового уложения и опубликовав свой «Наказ» ей, Екатерина продемонстрировала понимание важности социальных реформ в стране. Одновременно, используя авторитет Монтескье и Беккариа, сочинения которых легли в основу книги, императрица стремилась обосновать необходимость самодержавия в России. Как бы то ни было, «Наказ» стал одним из важнейших документов русского абсолютизма и отразил курс русского двора в те годы. В России «Наказ», хотя и оказал влияние на отдельные случаи законодательной и административной практики, никогда не имел силы действую-

[31] *Chantreau P.-N.* Voyage philosophique, politique et litteraire, fait en Russie pendant les années 1788—1789. Hambourg, 1794. T. 1. P. 286.

[32] *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. Paris, 1783. T. 6. P. 36.

INSTRUCTION
DE
SA MAJESTÉ IMPÉRIALE
CATHERINE II.
POUR
LA COMMISSION CHARGÉE
DE DRESSER LE PROJET
D'UN
NOUVEAU CODE DE LOIX.

A St. Petersbourg,

de l'Imprimerie de l'Académie des Sciences

1769.

щего закона. В Европе же он был воспринят с энтузиазмом, особенно после запрета издания «Наказа» парижским парламентом в 1770 г.[33]

Эти настроения нашли отклик и в описаниях коллекций Академии наук, и прежде всего в книге самого Бакмейстера, по мнению которого, рукопись «Наказа» — сокровище, превосходящее все ценнейшие рукописи Библиотеки. Это «вечный памятник законодательного гения восхитительной государыни, ее мудрости, которая простирается на все стороны управления, ее материнских забот устремленных лишь на процветание общества <...> Любознательные посетители библиотеки спешат потребовать эту рукопись, рассматривают ее, осмелюсь сказать, со священным благоговением: особенно иностранцы, которые смотрят на нее с изумлением, неустанно ее разглядывают, а их удивление сменяется восхищением, когда они читают эти великолепные слова, достойные того, чтобы выгравировать их на бронзе», — пишет Бакмейстер и цитирует строки «Наказа» (р. 87—89).

Рукопись «Наказа» хранилась в токарной комнате — мемориальной комнате Петра I среди вещей царя. «У стены комнаты к Западной стороне сделан великолепный шкаф, содержащий в себе бронзовый выложенный червоным золотом ковчег, в котором хранится переплетенная в красный сафьян, в лист книга», — сообщал О. П. Беляев.[34] В соседнем помещении стояла «восковая персона» Петра. Это соседство являлось еще одним подтверждением намерения Екатерины стать наследницей деяний великого монарха.

В русском переводе книги Бакмейстера, выполненным В. Костыговым, приводится описание ковчега, отсутствующее во французском издании: «Такой драгоценный залог требовал отменнаго места. На сей конец изваян ныне на вкус древняго великолепия медной позлащенной и украшенной венками ковчежец. Открывается он с боку, а внутри знатно убран и обит богатым бархатом, на котором лежат неоцененныя те рукописи. Над оным возвышается увенчанное цветами общее блаженство [статуя Екатерины II], держа в одной руке рог изобилия, а другою коснувшись лежащей на столпе с весами книги законов. Таким то образом творения Омировы были некогда заключены в пребогатую скринку. На одной стороне вырезана следующая надпись: «Глас мудрости дает России здесь уставы, // Здесь человечества и пра-

---

[33] *Чечулин Н. Д.* Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проэкта Новаго Уложения. СПб., 1907. С. I—III.

[34] *Беляев О. П.* Кабинет Петра Великаго. СПб., 1800. Отд. 1. С. 164.

восудья правы // Екатериною Второй съединены, // И Россам к щастию пути отворены». Повествуя о сем сочинители истории Академии наук не умолкнут никогда и о том, что сим новым украшением одолжена библиотека старанию Академии директора Его Превосходительства Сергея Герасимовича Домашнева».[35]

Бернулли, которого водил по библиотеке сам Бакмейстер, пишет: «Здесь я дольше всего задержался возле хранящейся в богатом и красивом ларце известной рукописи императрицы „Наказа для составления Свода законов и т. д.“ Это толстый фолиант, исписанный, однако неплотно, главным образом на французском языке; все до самой маленькой вставки, переведенной с русского языка, сделано собственной рукой императрицы. Порой встречается много вычеркнутых и измененных слов и мест, но есть и целых 3—4 страницы, которые написаны без исправлений и легко читаются». Внимательно рассматривая рукопись, Бернулли замечает «тут и там отдельные неясности», некоторые ошибки в правописании и даже ошибку, «которая часто встречается и допускается большинством женщин — это «S» вместо «C»; также «ses» вместо «ces» (эти). Его замечание, конечно, снижает пафос, с которым он вторит Бакмейстеру: «в целом эта рукопись неизменно остается памятником достойным восхищения и служащим бессмертной славе великой Екатерины». Кокс, конечно же, со слов Бакмейстера, сообщает: «Эта рукопись всегда лежит на столе, когда члены Академии собираются на торжественное заседание». Беллерман приводит сведения о немецких изданиях «Наказа». У Фортиа находим описание резного деревянного шкафа, где лежит ковчег с рукописью.

Иезуит Жоржель, посетивший библиотеку позднее, уже в царствование Павла I, писал о «Наказе»: «Академик, показывавший нам все эти предметы, с большой осторожностью открыл маленький вделанный в стену шкаф. Он вынул оттуда массивный золотой ларец, содержащий рукопись <...> Все эти заметки и правка сделаны Екатериной II собственноручно. Нам показалось, что эта рукопись рассматривается здесь как предмет поклонения».[36]

---

[35] *Бакмейстер И.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. Академии наук. СПб., 1779. С. 62—63; См. также: *Чечулин Н. Д.* Наказ императрицы Екатерины II... С. 6. В настоящее время рукопись и ковчег, выполненный французским мастером E. Gastecloux, хранятся в ЛО Архива АН СССР. Рукопись: Разряд 4, оп. 1, д. № 922. Ковчег: Разряд 14, оп. 1, № 1.

[36] *Georgel.* Voyage à Saint-Pétersbourg en 1799—1800, fait avec l'ambassade des chevaliers de l'ordre de St-Jean de Jérusalem. Par le feu M. l'abbé Georgel, jésuite. Paris, 1818. P. 229—230.

В отзывах иностранцев мы находим не только восхищение увиденными раритетами, удивление, что эти сокровища хранятся в стране, еще недавно слывшей варварской, но и вполне конкретные суждения о тех или иных сторонах деятельности библиотеки, ее фондах. Ричардсон настроен скептически: «Книги в плохом порядке и не очень ценные». Бернулли, изучив все имеющиеся к тому времени каталоги библиотеки, советовал опубликовать новые.

Особенно много недостатков отметили Беллерман и Фортиа де Пиль, внимательно осмотревшие библиотеку. По мнению Беллермана, библиотека не столь мала, сколь неполна. Особенно большие лакуны он заметил в литературе Рима, Греции и Древнего Востока, в области изящных искусств и даже, против его ожидания, в истории Севера[37] (ср.: Mayer, p. 91; Bacmeister, p. 63).

Говоря о комплектовании библиотеки, Беллерман, конечно, повторяет услышанное им от Бакмейстера. Он сетует на то, что приобретение книг зависит от директора Академии: выбор поэтому несколько односторонний в соответствии с личными склонностями занимающих этот пост. Домашнев — нынешний директор — предпочитает французскую литературу, бывший глава Академии В. Орлов покупал преимущественно книги по математике.[38] Не менее значительный упрек в адрес Домашнева, который много заботился о внешнем украшении библиотеки, то, что «при нем любовь к роскоши вытесняет всякую пользу», на отделку здания истрачены огромные суммы. «Внешнее великолепие очень выиграло, но каков выигрыш для науки?», — спрашивает Беллерман, а может быть, сам Бакмейстер, несколько лет тому назад приветствовавший вступление Домашнева в управление Академией наук на страницах своей книги: «Достоинства его ума и сердца, услуги, которые он имел случай оказать отечеству, путешествия совершенные им по большей части Европы, также делают его достойным этого поста. Библиотека, которую он не раз обходил, чтобы лучше знать ее состояние, обязана ему недавними поступлениями» (p. 62—63).

Фортиа де Пиль, который посетил библиотеку уже после смерти всезнающего и трудолюбивого Бакмейстера, настроен очень критически: «Как горько видеть, что это прекрасное

---

[37] В раздел «История Севера» включались книги о России.

[38] В 1782 г. академики упрекали С. Г. Домашнева в том, что он приобретал книги, «по большей части как форматом, так и по содержанию для императорской библиотеки негодные». См.: История Библиотеки Академии наук... С. 138.

учреждение [т. е. Академия наук] так плохо выполняет свои функции.» Французскому путешественнику не повезло, ему не сразу удалось найти провожатого, он не увидел стремления сотрудников показать редкости библиотеки, раздражен тем, что не смог получить ответа на вопросы о конкретных книгах, сожалеет, что в Академии нет людей, достаточно осведомленных, чтобы познакомить с восточными коллекциями. «Без книги г-на Бакмейстера было бы невозможно составить впечатление о столь богатом хранилище», но прошло много лет, она уже недостаточна, и Фортиа пытается дополнить сведения Бакмейстера сообщениями о новых поступлениях.

Это ему удается, так как молодой человек, доброжелательный и «не лишенный некоторых познаний» («ему поручена расстановка книг»), помог Фортиа и его спутнику — шевалье де Буажелену осмотреть библиотеку.

Французы поражены беспорядком в расположении книг,[39] тем, что «каталог был вручен новому библиотекарю после того, как книги были уже расставлены». Последнее Фортиа мог узнать только от своего провожатого, равно как и то, что многие из книг «неполны, потому что библиотекарь не смеет в чем-либо отказать человеку, пользующемуся милостию, а тот держит у себя или теряет взятые книги, которые никогда не осмеливаются потребовать обратно». В Академии нет даже полного экземпляра каталога прославленной анатомической коллекции Рюйша, единственный сохранившийся экземпляр находится у княгини Дашковой — директора Академии. «Такое можно встретить только здесь», — возмущается Фортиа.

Несмотря на столь суровую критику положения дел в библиотеке, даже самые взыскательные посетители находили в ней книги и рукописи, которыми Петербургская Академия наук могла гордиться. И. Бакмейстер, своей книгой много способствовавший известности библиотеки как в самой России, так и за ее пределами, объективно оценивал ее фонды и считал, что пока это книгохранилище не может конкурировать с крупнейшими зарубежными библиотеками. Однако он надеялся, что в будущем она займет достойное место среди «самых славных библиотек Европы», а «Петербург войдет в число городов знаменитых богатством своих библиотек» (Bacmeister, p. 46, 63, 78).

---

[39] Ср.: История Библиотеки Академии наук... С. 149.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Отрывок из книги ***И. И. Беллермана***[1] «Заметки о России» (Bemerkungen über Rußland in Rücksicht auf Wissenschaft, Kunst, Religion und andere merkwürdige Verhältnisse. In Briefen, Tagebuchsauszügen und einem kurzen Abriß der russischen Kirche nach ihrer Geschichte, Glaubenlehren und Kirchengebräuchen. Erster Theil. Erfurt: bei G. A. Reyser, 1788. S. 76—92, 165—167).

Санктпетербург в августе 1781

Благородный муж!

Благодаря доброте господина **коллежского асессора Бакмейстера,** библиотекаря здешней Академии наук и смотрителя академического Минц-кабинета, я оказался в состоянии сделать для Вас небольшое описание здешней **Библиотеки и Кунсткамеры.** Г-н Кольбе,* один из первых учителей в немецкой Петершуле, и старший господин фон Ермештедт сопровождали меня при первом посещении господина коллежского асессора, который, как показывает его титул, имеет смотрение над упомянутыми вещами. Это тихий и скромный человек, чью любезную готовность услужить я должен чрезвычайно восхвалить. Как я слышу от других, по отношению к каждому, кто обнаруживает любознательность и лишь некоторые предварительные познания, он столь же услужлив. Качество это ему на его посту следует поставить в настоящую заслугу, даже если нет возможности посредством более основательного знакомства оценить и полюбить его за ум и сердце. Я льщу себя возможностью гордиться не только тем, что он, его семья и его родственники, г-да Швенски и др. столь много способствовали тому, чтобы сделать мое пребывание в Петербурге поучительным и приятным, но и ввиду других доказательств, из коих по моем возвращении я покажу Вам ценный сувенир, интересный с точки зрения моей страсти к монетам — как вид подношения он навсегда останется дорогим для меня. И все же к делу:

Упомянутый господин асессор **Иог. Бакмейстер** сам издал описание вверенным ему вещам под названием: Essai sur la Bibliotheque et le Cabinet de Curiosités et d'histoire naturelle de l'Academie des Sciences de Saint Petersbourg. 1776 in 8°, 245 с. Это описание вышло также по-немецки. Вместо того, чтобы грабить эту действительно ценную книгу, как это случается даже с весьма известными авторами путевых записок, я хочу отметить лишь то, что мне как индивидууму кажется особенно интересным или забавным. Это краткие результаты пяти посещений. Столько раз был я с господином коллежским асессором [Бакмейстером] среди сокровищ природы, искусства и письменности. Они находятся, как я уже недавно отмечал, на восточной оконечности Васильевского острова. Все это в целом обозначается названием «музей».

---

[1] Беллерман Иоганн Иоахим (1754—1842), немецкий философ и теолог, директор гимназии и профессор университета в Берлине. Зимой 1781 г., будучи еще кандидатом в проповедники, совершил путешествие в Петербург в качестве частного лица.

* В настоящее время профессор и директор этого учебного заведения, член Школьной комиссии (Комиссия для заведения народных училищ?) и т. д. (Звездочками обозначены примечания И. И. Беллермана).

Библиотека

Библиотека расположена в двух больших залах, из коих один имеет еще галерею, на которой находятся китайские, тангутские и русские книги. Длина этих залов 77 футов и ширина 49. Внешность, в особенности одного из залов, более блестяща нежели содержание. Ее [библиотеку] отнюдь нельзя сравнить с такими библиотеками, какова Ваша геттингенская, хотя и она содержит некоторые сокровища, которые тщетно искать во всех европейских библиотеках. Один зал свежеокрашен, в основном в темные тона. Книги стоят в красивых дубовых шкафах с полками, окантованными настоящим золотом и с ажурными дверцами из проволоки; на каждом шкафу установлена позолоченная фигура или скульптурная группа, которая держит щит с названием науки, представленной, по видимому, в этом шкафу. Так много важности и так много несообразностей! При умеренном количестве и величине окон темный цвет стен делает зал еще темней. Ажурные дверцы с широкими планками не только скрывают большинство названий книг, но также создают лишнюю работу самому хранителю, так как в публичной библиотеке он должен постоянно их отпирать и запирать. Посещая публичные библиотеки, я часто удивлялся тому, что такой простой, естественный, удобный, целесообразный и дешевый способ расстановки книг, как в Геттингене, не вводится повсеместно. Осторожностью продиктовано, чтобы не каждый мог вынимать книги. Но если дверцы и планки закрывают названия, то это уже нецелесообразно; и если библиотекарю приходится идти за ключом к каждому шкафу, а при открывании дверей ставить то справа, то слева лестницу, то это уже обременительно. При этом ученый на осмотр своего раздела теряет ценное время, и его отпугивают хлопоты, которые он причиняет помощнику. Самым смешным оказалось однако следующее обстоятельство. На шкафах сверху стояли разные фигуры высотой около фута со щитами, на которых указано содержание этих шкафов. При первом взгляде на них я был восхищен великолепием. Вскоре, однако, я должен был заметить, что четко написанная табличка лучше достигла бы цели, так как на вознесенной вверх поверхности этих щитов, которые могут быть только маленькими пропорционально высоте фигур, шрифт должен получаться кривым, мелким и нечитаемым. Большие черные буквы на ровной поверхности в белом поле кажутся мне более подобающими.

Но как же я поразился, когда на щите прочел «Математика», а в шкафу нашел не что иное, как «Историю». На другом стояло, кажется, «Теология», но в нем были математические книги! Я выразил свое изумление, но не получил другого ответа, кроме того, что «расположение фигур и групп сделано по указанию господина директора Академии и теперь должно оставаться так, как есть». Причиной такого весьма смехотворного устройства была мнимая симметрия. Скульптор вырезал все фигуры парными, дабы они стояли симметрично на поставленных друг против друга шкафах. Он не мог знать, сколь много книг будет по каждой науке, а так как число шкафов и число скульптурных пар совпадало не всегда, он охотнее жертвовал правильностью номенклатуры, нежели симметрией друг против друга стоящих фигур.

Это расположение, которое, я надеюсь может быть изменено переделкою щитов, напомнило мне Эскуриал, где книги стоят на этажерках таким образом, что корешок с названием повернут к стене, а золотой обрез, чтобы на него можно было глазеть, выставлен вперед. Мадрид и Петербург, пожалуй, во многом имеют сходство!

Директором Академии наук, а следовательно, Библиотеки и Кунсткамеры, является в настоящее время г-н Сергей Домашнев. При нем лю-

Bemerkungen
über
Rußland
in Rücksicht auf
Wissenschaft, Kunst, Religion
und andere merkwürdige
Verhältnisse.

In Briefen, Tagebuchsauszügen und einem kurzen Abriß der russischen Kirche nach ihrer Geschichte, Glaubenslehren und Kirchengebräuchen.

Erster Theil.

Erfurt 1788,
bei Georg Adam Keyser.

бовь к роскоши вытесняет порой всякую пользу. Он занимает эту должность с 1775 г. До него ее исполнял Григорий Орлов (ошибка И. И. Беллермана — директором Академии был брат Григория — Владимир Орлов. — *Примеч. перев.*). Господин Домашнев во время своего директорства весьма много споспешествовал внешнему украшению. Библиотека заново выкрашена и шкафы переставлены, в Кунсткамере сделаны большие роскошные стеклянные витрины, короче, внешнее великолепие очень выиграло. Но [каков] выигрыш для науки [?] — 2000 рублей, определенные на Библиотеку, до сих пор почти полностью направлялись на здание и на отдельные французские вещи (книги?). На научные произведения оставалось в год едва 50 рублей.*

Библиотека не столько мала, сколько неполна. Особенно большие лакуны обнаруживаются в литературе Рима, Греции и Древнего Востока, в области изящных наук и даже в северной истории, где казалось бы следовало ожидать полноты.

Лучше всего представлены математика и история, в особенности естественная история и история литературы. Однако она [библиотека] является единственной в своем роде благодаря китайским, японским, тангутским, монгольским, манчжурским и южноиндийским вещам, представленным как книгами, так и рисунками и ландкартами.

По отдельным наукам я обратил внимание на следующие произведения, которые я называю здесь, поскольку они кажутся мне редкими:

Армянская библия, напечатанная в Константинополе в 1705 г.

Yllescas, Жизнь пап. Мадрид, in 4°. Las vidas de los Papas.[2]

Speculum historiale Fratris Vincennii impressum per Merellin. 1473. Fol. — старейшая печатная книга здешней библиотеки.[3]

Жизнь Иисуса в гравюрах на дереве. Имеется 40 листов. Каждая страница поделена на три колонки. Средняя изображает эпизод из жизни Иисуса, а обе другие содержат два предсказания из Ветхого Завета, которые считают исполненными согласно Апокалипсису.**[4]

Китаб Джихан наме или Мировой театр Члеби с 37 картами, гравированный и напечатанный в Константинополе.

Древнейшая из имеющихся здесь Библия относится к 1482 г.[5]

Древнейшая книга, напечатанная на славянском языке относится к 1519 г. [:].

Пятикнижие Моисеево, in 4°, вышедшее в Праге, переведенное с вульгаты на славянский язык доктором Франциском Скориной, выходцем из Полоцка.

Первая, собственно в России, в Москве отпечатанная книга, это издание 1564 г., которое содержит деяния апостолов и их послания.[6]

Раздел **старинных манускриптов** здесь совсем пуст. Греческий codex

---

* Теперь президентом (на самом деле — директором. — *Примеч. перев.*) Академии стала княгиня Дашкова, так что все к этому относящееся зависит от нее.

[2] В настоящее время эта книга в БАН не обнаружена.

[3] См.: Каталог инкунабулов [БАН СССР] / Сост. Е. И. Боброва. М.; Л., 1963. № 802.

** Сочинитель видел, если издатель не ошибается, то же самое произведеньице также в Кенигсбергской (или Данцигской) библиотеке, по крайней мере он это ему рассказывал.

[4] По современным данным в БАН не числится.

[5] См.: Каталог инкунабулов... № 145.

[6] «Апостол» И. Федорова и П. Мстиславца поступил в БАН в 1730 г. См.: История Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1964. С. 60.

DIONYSIUS AREOPAGITA десятого века[7] и еще рукопись **Фило**, которая датируется одиннадцатым веком, но мне после беглого осмотра, который я мог сделать, эта датировка представляется слишком ранней.[8]

Древнейшие из имеющихся здесь славянские рукописи относятся к 1298 г.: **Священные легенды** на пергамене. Многие рукописные хроники от **Нестора**, умершего в 12-м столетии и являющегося первым русским собирателем преданий, до новейших указаны у Бакмейстера.

Важнее, на мой взгляд, **новые рукописи**. Среди них:

Китайский лексикон в 26 тетрадях, который был собран и записан крупнейшим ученым-китаистом своего времени, покойным **профессором Байером.**

Манчжурская и монгольская география, составленная также проф. Байером из китайских карт.

[Далее, на с. 83—90 подробно описываются тангутские, манчжурские и китайские рукописи, их история.]

Арабских рукописей довольно много, однако они не имеют большой научной ценности. Великолепно написанный Коран in 12°, прописи и молитвенники привлекли мое внимание своей замечательной отчетливостью. Арабские молитвенники, в особенности со времени последней турецкой войны, весьма часто встречаются здесь и у частных лиц и поэтому имеют невысокую цену. Офицеры и даже рядовые солдаты во множестве приносили такого рода вещи из своей военной добычи. Я сам получил от одного русского офицера некоторые мелочи. Г-н проф. Лаксманн и недавно г-н барон фон Аш посылали подобные вещи в Геттинген, где они будут сохраняться в библиотеке.

Вещи которые в других библиотеках представлены лучше, чем здесь, я полностью обхожу. К примеру малабарские листы, рунические письмена и т. п. — Лапландский календарь, вырезанный на деревянных дощечках in 12°, показался мне похожим на эзельский, который воспроизведен г-ном Хупелем в третьей части его «Топографии Лифляндии и Эстляндии», из коей я только что получил несколько листов.

В середине одного из залов стоит искусно сделанная англичанином Адамсоном **машина**, представляющая мировую систему со всеми планетами и лунами. Она была приобретена для великого князя, чтобы дать ему наглядное понятие о нашей системе, о соотношении Земли с остальными планетами, о солнечных и лунных затмениях, временах года, долготе дня и т. п. Эта конструкция известна здесь под названием «Orery». Она имеет около 4 футов в поперечнике и накрыта стеклянным полушарием, чтобы колеса механизма не страдали от пыли. Это искусное сооружение устроено так, что может представлять три известных системы. Сейчас на ней установлена коперникова. Птолемеева и тихобрагиева лежали рядом в ящике. С помощью тонкого механизма все вместе, подобно тому, как это происходит в природе, приводится в движение, так что позволяет дать наиболее наглядное представление об этих системах.

Что касается **управления** Библиотекой, то директор Академии наук имеет полную свободу приобретать все, что захочет. Поэтому выбор книг становится несколько односторонним и в основном производится лишь в соответствии с личными склонностями одного человека. **Г-н Домашнев,**

[7] В фонде рукописей БАН имеется сборник трактатов Псевдо-Дионисия Ареопагита, датируемый XV веком, который поступил в БАН в XVIII веке. См.: Описание Рукописного отдела БАН СССР. Т. 5. Греческие рукописи / Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1973. С. 78—79.

[8] В фонде рукописей БАН имеется сборник сочинений Филона Александрийского, датируемый XIII веком, который поступил в БАН до 1775 г. См.: Там же. С. 55—58.

нынешний директор, отдает исключительное предпочтение французской литературе перед всякой другой. Предыдущий, г-н граф Григорий Орлов (см. примеч., помеченное *, на с. 34), был за математические науки.

При Библиотеке состоят два библиотекаря. Первое место занимает **г-н профессор Котельников** и второе — упоминавшийся **г-н коллежский асессор Бакмейстер**. Последний уже 25 лет состоит при Библиотеке, но лишь последние 9 лет занимает место второго библиотекаря.

Шесть-семь месяцев в году Библиотека из-за холодов полностью закрыта для посторонних, если они специально не попросят сходить туда г-на коллежского асессора Бакмейстера. А так как он человек услужливый, то едва ли чья-то просьба окажется напрасной.. Летом же она открыта почти ежедневно.

[С. 93—94 — кратко о других библиотеках Петербурга и Москвы; с. 94—95 об интерьерах и коллекциях Кунсткамеры.]

В заключении я должен отметить **манускрипт**, который мыслящий русский ценит выше многих названных ранее вещей и благодетельные последствия которого потомки будут ощущать еще более, чем современники, и который должно рассматривать с прямо-таки священным благоговением. Это собственноручно написанное произведение нынешней императрицы **Екатерины II** — Наказ законодательной депутатской комиссии «Materiaux qui ont servi à composer l'instruction addressée aux deputés de la Commission de Loix». Императрица сама собирала эти материалы многие годы и, наконец, приведя их в порядок, завершила все известным **Наказом комиссии по составлению проекта Нового Уложения.** Эта рукопись была сначала напечатана в 1769 г. в Москве в типографии императорского университета на 156 стр. in Median Quarto на русском и немецком языках в две колонки. Еще в том же году Наказ вышел в свет только по-немецки у г-на Гарткноха в Риге, и с тех пор он был переведен почти на все языки и многими изданиями вышел в разных местах, вызывая восхищение.

Императрица пишет, как показывает этот ее автограф, «расписанной» рукой, причем буквы ровны и в известной степени красивы. Эта книга состоит, впрочем, только из отдельных фолио-листов в том виде, как они были собраны в связку и переписаны автором. Однако будучи переданными на хранение в Академию, они были переплетены. Большинство их представляет собой, как принято говорить, черновик, первичный набросок. Тут на первых страницах многие слова и строчки вычеркнуты и исправлены, из чего виден определенный дух пишущего, который невозможно наблюдать в текстах, переписанных набело, я имею в виду дух изложения. Ведь при этом одна и та же мысль подчас повторяется дважды. Наблюдатель может легко заметить, насколько он в том или другом случае оказался в выигрыше. В этом собственноручном манускрипте императрицы имеются также несколько листов, которые написаны ее секретарем-французом, чье имя я забыл.

Эта книга, переплетенная в красный сафьян, лежит в металлическом позолоченном шкафчике, на бархате. Шкафчик украшен эмблемами барельефной работы, например, улей, в который пчелы приносят мед. Как образец ее французского стиля я выписал одно место, которое приводится у Бакмейстера, тем более что возвышенный образ мыслей, который здесь господствует, не может повторяться часто [далее автор цитирует французский текст «Наказа»].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Отрывок из кн.:

Fortia de Piles A.-T. [*1758—1826*]. Voyage de deux français en Allemagne, Danemarck, Suede, Russie, et Pologne fait en 1790—1792. Paris, chez Desenne, 1796. T. 3. P. 206—235.

Глава XI. Академия наук и ее службы. <...>

Академия наук находится на Васильевском острове, возле Невы; ей принадлежат три здания, где собраны самые интересные и ценные коллекции всякого рода. Как горько видеть, что это прекрасное учреждение так плохо выполняет свое назначение; сколь удивлены будут, узнав, что не существовало каталога предметов, которые оно вмещает, что остался всего лишь один экземпляр каталога знаменитого кабинета Г-на Рюйша!

Первое здание — новое, на Неве возле моста, было построено княгиней Дашковой; казна Академии пострадала, ее деньги было бы лучше употребить на то, чтобы сделать новые приобретения, чем строить здание, которое стоило 100 000 руб. <...>

Второе здание имеет три этажа и подвалы, 27 окон на двух фасадах, по три на торце. Входная дверь на одном из краев; есть крыльцо и караул. Именно в этом здании сосредоточено множество предметов, собрание которых составляет, может быть, самую полную и несомненно самую обширную из подобных коллекций. Единственный раздел, который у других наций представлен шире — это книги; русским нечего желать более из того, что касается их страны и литературы, здесь почти все сочинения, изданные на русском языке. По описанию предметов, содержащемуся в книге Бакмейстера, на которое мы лишь сошлемся, можно судить о множестве уникальных вещей, обладателями которых они [русские] являются. Очень грустно видеть столь интересное учреждение не только пустынным из-за недостатка любителей, но и почти полностью покинутым теми, кто осуществляет руководство; нет возможности составить представление об их невежестве или по крайней мере об их недоброжелательности. Мы всегда будем помнить ответ, полученный в библиотеке; на наш вопрос нет ли каких-нибудь ценных книг, которые предпочитают показывать иностранцам, нам сказали: «Вы первые задаете этот вопрос», так как мы настаивали, спрашивая о какой-либо книге, которая по нашему убеждению должна находиться в библиотеке, нам ответили несколько раз: «Я полагаю, что она есть»; без книги Г-на Бакмейстера, который был унтер-библиотекарем, было бы невозможно составить впечатление о столь богатом хранилище, она во многом верна. но недостаточна. Страсть приводить все в беспорядок ведет к тому, что вынуждены перебегать от одной вещи к другой, дабы найти то, что первоначально было очень хорошо распределено, а затем брошено в том месте, куда имели неосторожность отнести.

Сочинение Г-на Бакмейстера не было продолжено, несмотря на значительные приобретения, которые императрица делает ежегодно и которыми любит обогащать эту коллекцию. Благодаря молодому человеку, исполненному доброй воли и не лишенному некоторых познаний, мы с легкостью провели некоторые изыскания (ему поручена расстановка книг). Пройдя мимо часового, который стоит там для виду, мы вошли в комнату, где находились люди, служащие в этом учреждении.

Существует три комнаты расположенные в ряд, в которых помещены каталоги не только книг, но и всех предметов находящихся в доме. Кроме того, что эти каталоги неполны, они до некоторой степени примечатель-

ны — одни на латыни, другие на немецком, на французском или русском, тогда были заняты тем, что составляли генеральный каталог русской библиотеки, но написанный латинскими буквами. Здесь нам показали несколько маленьких любопытных предметов: часы в форме яйца, их пространное описание есть у Бакмейстера, страница 177. Когда мы спросили, почему их держат в этой комнате, нам объяснили это сильным холодом, царящим в других, где никогда не зажигали огня, и прибавили, что часы останавливаются при незначительном похолодании. Окаменевшие части позвоночника кита <...> Молитвенник на пергамене, новый, но очень красивый и хорошо сохранившийся, в нем не хватает страницы, причина этого объяснена в рукописной помете: он снабжен любопытными пометами, принадлежащими тому, кто прислал эту книгу, процитируем отрывок: лицо о котором идет речь просит услышать о его чувствах августейшую государыню, для которой он писал.

Библиотека. Сначала входят в сводчатый зал, невысокий, поддерживаемый колоннами. Именно здесь находится множество запыленных книг, многие из которых неполны, потому что библиотекарь не смеет в чем-либо отказать человеку, пользующемуся милостью; последний держит у себя или теряет взятые книги, которые у него никогда не осмеливаются потребовать обратно. В этом зале находятся гипсовые портреты (барельефы) многих русских академиков и других знаменитых людей, таких, как Эйлер, Бургаве, Густав III, Монтескье, Вольтер. Очень большая рукописная карта Московской губернии (масштаб — в дюйме — верста); размеры карты мешают ее удобно рассматривать. Деревянная модель каменного моста через Неву <...> Два гипсовых бюста: Петра первого и Екатерины второй. Кусок черного коралла, лежащий в ящике <...>

Шкафов, в которых находятся книги, всего тридцать семь; мы начнем с правого против стены. Первый шкаф — северная история, 2-й — голландская, 3-й и 4-й — французская, 5-й — испанская, португальская, итальянская, 6-й и 7-й — германская, 8-й — римская, 9-й — эмблемы, 10-й — греческие авторы, 11, 12, 13, 14-й — духовные авторы, 15, 16, 17-й — всемирная история, 18, 19, 20-й поэзия, 21-й ораторы, 22-й философия; вокруг колонн слева со стороны стен: первый шкаф — сочинения об Англии, 2-й — иностранные, 3-й — экономика, 4-й и 5-й — естественная история, 6-й — о Германии, 7-й — Морское и военное строительство. Шкафы между колоннами: 1-й и 2-й — Путешествия, 3, 4, 5, 6-й — Древности, 7-й и 8-й — Экономика, Беспорядок, который царит в расположении книг, не так удивит, когда станет известно, что каталог вручен новому библиотекарю после того, как книги были расставлены.

Вторая комната, маленькая очень темная ротонда, где собраны книги Г-на Радзивилла, столь же заброшенные, как книги в предыдущем зале. В маленьком кабинете, сообщающемся с этой ротондой, можно увидеть пешую, в полный рост, статую императрицы Анны, рядом с которой стоит негритенок. Эта статуя была отлита графом Растрелли в 1741 г. Она почти забыта и покрыта пылью. В ротонде мы видели еще модель арочного моста, сделанную швейцарским крестьянином <...>

Третья комната. Кабинет естественной истории. Именно здесь находится прославленная коллекция анатомических препаратов знаменитого голландца Рюйша, купленная Петром Великим в 1717 г. за сумму в 30 000 флоринов <...>

Раньше в каждом шкафу находилась печатная тетрадь, извлеченная из латинского описания кабинета Рюйша, которая содержала пояснения о каждом предмете; теперь большинство тетрадей потеряно, и существует только один полный экземпляр этой книги. Наши читатели, несомненно, думают, что он в библиотеке, мы не собираемся оставлять их долго в за-

блуждении, этот единственный экземпляр находится у госпожи княгини Дашковой; такое можно увидеть только здесь.

Второй этаж <...>

Из галереи переходят в коридор устроенный вокруг свода, который освещает библиотеку Радзивила. На окнах и отверстиях, предназначенных для того, чтобы проходил свет, видны ископаемые кости, о которых говорил Паллас и другие путешественники, они найдены в различных местах Российской империи <...>

Из этого перехода, устроенного вокруг свода, входят в библиотеку с хорами. Там, посредине, находится очень красивый планетарий, сделанный в Англии и предназначенный для великого князя <...> На окне — модель печатного станка. Книги расположены в шкафах следующим образом: 1-й — астрономия, 2, 3, 4, 5 и 6-й — критика; 7, 8, 9-й — история литературы; 10-й — философия; 11-й — коллекция академических сочинений; 12, 13-й — философия; 14-й — политика. В этой библиотеке нам показали книгу, очень примечательную как своей редкостью, так и записью на ней, которая сделана императрицей: Cicero de officiis, chez Jean Fust, 1466, petit in — folio, очень хорошей сохранности, на пергамене. Запись указывает на продажу, совершенную Г-ном Шварцем, в Нюренберге, где эта книга не могла быть оценена ввиду ее редкости. Маленькая картина — Преображение Господне, написанная красками по воску кавалером Орнна, венецианцем: он претендует на то, что обнаружил секрет, известный древним.

В маленькой комнате можно увидеть четыре токарных станка, которыми пользовался Петр I. Множество его собственноручных изделий украшают стены, они в большинстве своем из меди и представляют осады и сражения <...> В застекленном шкафу в ларце из позолоченной меди находится рукопись, переданная на хранение Екатериной II. Она написана ею собственноручно, за исключением отдельных, очень кратких и немногочисленных мест. В ней есть помарки. Вот заглавие, которое она сама написала: Matériaux dont les traductions sont dans le sénat et qui ont servi pour composer l'instruction de la comission établie pour faire le projet des lois. Деревянное убранство шкафа очень искусно. Обрамление замка представляет ростральную колонну, вокруг створок — медальоны, которые напоминают о главных событиях царствования Екатерины, таких, как Чесменская победа, основание Воспитательного дома и т. д.; из этой комнаты переходят в ту, где находится Петр I, сидящий в кресле, поставленном в альковe, под балдахином <...>

Мы были в различных кабинетах, в которых много книг, еще не приведенных в порядок. В первом находятся главным образом сочинения по церковной истории. Там можно увидеть знаменитое издание 1465 г. книги Лактанция De divinis institutionibus, напечатанное in venerabili monasterio Sublasensi: полный экземпляр на бумаге, хорошей сохранности; в собственноручной помете императрицы цитируется Journal de France за 1784 г., страница 447, где стоимость этой книги возводят до 3500 ливров.

В другом кабинете восковой бюст Меншикова <...> Сорок томов рукописей Кеплера Прекрасная рукопись Плиния на пергамене, совсем новая. В другом кабинете, который сообщается с предыдущим, научные труды всякого рода. Много книг, запрещенных Синодом. В двух других кабинетах можно увидеть инструменты, которыми пользовался Петр I, много таких, как топоры, пилы, молотки и др.; также много старых картин, которые гибнут, покрытые пылью <...>

Выйдя из этих кабинетов, мы прошли на хоры библиотеки, о которых говорили выше.

Справа при входе стоят два шкафа, заполненные русскими книгами по религии и теологии. Во втором — различные русские библии. Новый Завет на голландском и русском языках, напечатанный в Гааге в 1717 г. Различные библии. Новый Завет, напечатанный в Москве в 1628 г., в довольно плохом состоянии. Русская Библия 1651 г., без места издания: вот все, что нам показали из стоящего внимания. 3-й шкаф — русские церковные рукописи. 4-й и 5-й — словари и грамматики различных народов. 6-й и 7-й — японские, китайские и монгольские рукописи.

Японские книги являются новым приобретением, их предоставил Г-н Лаксман, который и дал им немецкие заглавия. Основы наук, таких, как история, география, арифметика. Японский календарь на очень тонкой бумаге. Жизнеописания древних воинов и героев, собенно времени Ёритомо. Очень мало памятников письменности, почти все покрыты плохими рисунками. История, озаглавленная Ку-Тин-Че, без рисунков. Маленький молитвенник религии тридцати трех храмов. История мученичества генерала А-О-Я-Му-Ка-Сон-Ма. Два тома произведений для театра. Две трагедии, в двух маленьких томах, озаглавленные: Трагедии древней и подлинной истории. Если захотят узнать подробности о китайских книгах, которые были в библиотеке раньше, см. Бак., стр. 128. Недавно прибыли многие рукописи и книги из Монголии и Тибета. Большинство этих сочинений молитвенники, нравоучительные, философские книги, очень мало интересных, имеющих отношение к истории. Коллекция содержит девяносто пять эстампов или изображений, представляющих идолов и воинов. Сто шестьдесят три вещи, как рукописи, так и печатные книги. Есть несколько тибетских рукописей, переведенных на монгольский язык. Имя того, кто доставил эту коллекцию, Иоганн Иериг, он немец по происхождению. Он прибыл в Россию с палатинскими поселенцами, которые обосновались в Сибири, в 1769 г., прожил шестнадцать лет среди монголов и возвращался туда в то время, когда мы были в Петербурге. Еще были известны только заглавия сочинений, о которых идет речь; они плохо переведены на немецкий, очень часто неясны, чтобы не сказать невразумительны. Их перевели для нас, все или почти все, но ни одно не показалось нам достаточно интересным, чтобы быть упомянутым. Поскольку эти последние вещи, как и японские книги, были новым приобретением, Бакмейстер не мог говорить о них. Это громадное собрание дало нам повод спросить, есть ли здесь люди, достаточно образованные, чтобы познакомить с китайскими, монгольскими и другими книгами, которые украшают эту библиотеку; ответ был отрицательным. Мы осведомились также, существовала ли школа для изучения языков Азии, а также языков различных народов, подчиненных русскому господству, ответ был тоже отрицательный. Нужно полагать, что императрица не будет пренебрегать тем, чтобы создать учреждение, столь важное и необходимое для прогресса просвещения в ее стране.

Восьмой шкаф — русские рукописи (см. Бак., стр. 84). У нас было время взглянуть только на донесения и подлинные письма к князю Меншикову (начиная с 1713 г.). Девятый и десятый — книги эстампов, сочинения полные гравюр и рисунков. Одиннадцатый и двенадцатый — современные русские книги, большое число романов, хотя они переведены с различных языков. Тринадцатый — театр, история и грамматика. Четырнадцатый — русские книги. Собрание оригинальных русских сочинений, печатных, достигало в 1791 г. до 1760 с небольшим; общее число 3000, кроме церковных книг. Самые древние рукописи — славянские; русские рукописи, хранящиеся здесь, восходят только ко временам Петра I, хотя они были в монастырях 300 лет тому назад и раньше. В библиотеке насчитывается 40 000 томов, на содержание библиотеки и астроно-

мических инструментов отпущено 3000 рублей.

Библиотека сообщается с ротондой, которая находится между Радзивилской библиотекой и обсерваторией. Посредине можно увидеть глобус, подаренный Генеральными штатами царю Алексею Михайловичу, немного одежды и оружия разных народов Южного моря, большое число глобусов, особенно интересен первый, с надписями на русском языке, сделанный в 1701 году, множество астрономических и физических инструментов, большинство из них очень пострадало, и мы не представляем, почему их оставляют гибнуть таким образом, впрочем они были бы значительно лучше размещены в другом месте, здесь они не приносят никакой пользы, так как в этом доме не дают уроков физики; различные модели кораблей, галéра, украшенная лилиями; двустворчатый шкаф, заполненный исключительно атласами и книгами по географии, принадлежавшими Петру I; шкаф, где находятся модели крепостных укреплений; шахматы нового вида, состоящие из нескольких сот фигур <...>, вырезанная из слоновой кости картина жертвоприношения Авраама в деревянной раме, достаточно хорошо исполненная, но уступающая подобным, которые встречаются в Мюнхене и Копенгагене.

Кабинет монет и медалей: три маленькие комнаты, великолепный английский гербарий, растения, принадлежащие Г-ну Фотергилю, из графства Эссекс, нарисованные г-ном Миллером на пергамене, шесть томов; другие произведения того же рода, птицы, цветы и т. п., среди прочих выполненные госпожой Мериан <...>

Н. А. КОПАНЕВ

ГОЛЛАНДСКИЙ ИЗДАТЕЛЬ ПЬЕР ВАН ДЕР АА И БИБЛИОТЕКА ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Одним из первых поставщиков иностранных книг для личной библиотеки Петра I, а затем и Библиотеки русской Академии наук был привилегированный издатель лейденского университета, известный ученый-картограф Пьер Ван дер Аа (1659—1733). Этот голландский деятель книги вошел в историю прежде всего как автор знаменитого и очень редкого Атласа мира («Galerie agréable du Monde“), включившего в себя кроме географических карт еще почти 3000 гравюр in-fol. с видами городов, дворцов, замков, изображениями античных памятников, национальных костюмов различных стран, предметов искусства и т. д. Пьер Ван дер Аа имел крупное книжное собрание, вел оживленную книготорговлю.

Деловые связи П. Ван дер Аа с Россией завязались, по всей видимости, еще в конце XVII века: в 1696 г. он выпустил в свет в Лейдене «Облегченный атлас», в который вошло не менее 5 карт различных частей Русского государства.[1] Привлекает внимание, что традиционное для западноевропейцев название «Московии» было заменено в этом «Атласе» на «Московскую империю», что прямо отвечало интересам русской дипломатии, стремившейся официально на международном уровне закрепить за русскими царями династии Романовых, и в частности за Петром I, императорский титул.

Можно предположить, что Петр I встречался с П. Ван дер Аа во время своих путешествий в западноевропейские страны в 1697—1698 и 1716—1717 гг. Во всяком случае инте-

[1] L'Atlas soulagé de son gros pésant fardeau, ou nouvelles cartes géographiques du Nord contenant la Suède, le Danemark, la Pologne et l'Empire de Moscovie avec les parties prancipales qui les composent. Se trouve à Leide chez Pierre Van der Aa, marchand en livres et en cartes géographiques, dans la cour de l'Academie (1696).

ресен тот факт, что в 1719 г. лейденский издатель выпустил в свет «Описание путешествий» Адама Олеария («Voyages très curieux et très renommez faits en Moscovie, Tartarie et Perse, par le Sr Adam Olearius... traduits de l'original et augmentez par le Sr de Wicquefort». Leide, P. Van der Aa, 1719. 2 vol.).

В 1721 г. Петр I послал во Францию, Англию, Германию и Голландию своего библиотекаря И. Д. Шумахера, который встретился в Лейдене с П. Ван дер Аа, приобрел у него некоторые издания, договорился о дальнейших отношениях и взаимных расчетах. Пересылка книг в Россию должна была осуществляться и в дальнейшем осуществлялась через русского консула в Амстердаме Ягана Фан дер Бурга. Особое удовлетворение голландского издателя вызвало то, что И. Д. Шумахер предложил расплачиваться за посланные в Петербург книги «раз в шесть месяцев» по его счету «при посредстве одного из министров Его царского величества в Голландии».[2] П. Ван дер Аа очень дорожил званием официального поставщика книг для библиотеки русского царя. В его письме от 19 июля 1721 г. читаем: «Я могу время от времени доставать вам все книги, которые вы ни захотите. Предлагаю свои услуги, надеясь на ваши милостливые заказы. Будьте уверены, что я приложу все усилия для их исполнения по истинным ценам, которые я всегда буду быстро сообщать при отсылке книг, причем книги будут всегда комплектны и в лучших изданиях».[3] Такие же просьбы и заверения встречаем и в позднейшей переписке голландского издателя с царским библиотекарем.

О том, какие книги присылал П. Ван дер Аа в Россию, свидетельствуют документы по истории БАН, сохранившиеся в ЛОААН СССР. Для удобства рассмотрения этого вопроса, приведем точную копию списка новых иностранных поступлений в Библиотеку за 1724 г.[4]

ANNUS MDCCXXIV

In Folio

34.[5] Thesaurus Italiae Tom. 9. Vol. 6, 7 et 8. Lugd. Batav. 1723.

39. ——— Siciliae Vol. 6—10. Lugd. Bat. 1723.

43. Forces de l'Europe. a Amsterdam chez P. Mortier 4 voll.

44. Portraits des Empereurs, des Eveques du Pais Bas et des Comtes d'Hollande. a Leide chez Pierre van der Aa.

---

[2] ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 7. л. 233.

[3] Там же, л. 232.

[4] ЛОААН СССР, ф. 158, оп. 1, № 256, л. 1 об. 2.

[5] Номера по общей ведомости новых поступлений в царскую библиотеку (позднее — в Библиотеку Академии наук).

45. Imagines Principum. Lugd. Bat ap. P. van der Aa.
46. Effigies virorum et foeminarum illustrium. Lugd. Bat. ap. P. van der Aa.
47. XLV Portraits divers des Papes et des Empereurs. a Leide chez P. van der Aa.
48. Cabinet des XLI grands Ducs etc chez P. van der Aa.
49. Miroir des premiers Reformateurs. a Leide chez Pierre van der Aa.
50. XIX Imagines clarissimorum Theolog. et Philosophorum item XLI Imagines viror. celebr. in Politicis. a Leide chez P. van der Aa.
51. XV Portraits des Hommes celebres. a Leide chez P. van der Aa.
52 et 53. Magnificence de France 2 voll. a Leide chez P. van der Aa.
54—58. Thesaurus Antiq. Siciliae. Tom. 11—15. Lugd. Batav. 1723.
59. Icones XX Clarissimorum Philosophorum. a Leide chez P. van der Aa.
60. XLVIII Portraits des Comtes, Barons etc. a Leide chez P. van der Aa.

In 8vo et min. forma

61 et 62. Histoire de la Philosophie Payenne. 2 voll. a La Haye 1724.
63. Vaillant Botanicon Parisiense. Lugd. Batav. 1723.

Как видим, издания самого П. Ван дер Аа составляли подавляющую часть всех новых поступлений. В основном это были альбомы естественнонаучного, исторического, искусствоведческого и теологического содержания. Привлекает внимание наличие в списке многотомного издания «Thesaurus Antiquitatum et historiarum Italiae viri Petri Burmanni...“ («Сокровища Античности и истории Италии...»). Для успешного распространения этого труда П. Ван дер Аа выслал в мае и декабре 1722 г. в Петербург его подписные листы. Как мы уже отмечали, это был первый известный случай распространения в России зарубежного издания по подписке.[6]

Большой научный интерес представляет письмо П. Ван дер Аа к Шумахеру от 25 апреля 1724 г., в котором голландский издатель восторженно отозвался об учреждении в России Академии наук, по уже сложившейся в то время традиции сравнил Петра I с античным героем, сообщил о тех трудностях, с которыми молодой Академии предстояло неизбежно столкнуться в первые годы своего существования. Именно в этом письме голландец впервые обратил внимание на то различие, которое должно было существовать и существовало в последующем между царской библиотекой и Библиотекой Академии наук. «У новой Академии, — писал Ван дер Аа, — кроме библиотеки Его И. В. должна быть своя

---

[6] ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 7, л. 299—299 об., 313—314 об.; *Копанев Н. А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII века (из истории международной книготорговли). Л., 1988. С. 27.

собственная библиотека. Предоставьте мне честь и удовольствие поставлять туда книги и не сомневайтесь, что я смогу добросовестно удовлетворить пожелания Его И. В., так как обладаю библиотекой, которая складывалась почти 50 лет».[7] Тут же голландский издатель предложил русскому царю свою знаменитую коллекцию медных гравировальных досок. К сожалению это ценнейшее собрание не было приобретено для России.

Смерть Петра I повлияла на многие книготорговые и издательские начинания того времени: в 1726—1730 гг. переписка с П. Ван дер Аа практически прекратилась. В эти годы Шумахер стремился к упрочению деловых связей прежде всего с другой голландской издательской фирмой — Янсон-Весберг, которая лучше, чем П. Ван дер Аа могла удовлетворить заказы бывшего царского библиотекаря на новое типографское оборудование, необходимое для заведения при Академии наук своей типографии. Однако после того, как в 1729—1730 гг. из под прессов новой академической типографии вышли первые издания на иностранных языках и Академия столкнулась с проблемой их распространения за границей, Шумахер вспомнил о своем старом компаньоне и в феврале 1731 г. предложил ему возобновить книгообмен. Заметим, что в письме 1731 г. речь шла именно о книгообмене, а не о поставке книг для Библиотеки Академии наук или царской библиотеки. Такие условия, по-видимому, не очень устроили П. Ван дер Аа. Возможно, голландский издатель не мог уже взяться за восстановление старых деловых связей. В 1733 г. он умер в возрасте 74 лет.

В заключение следует отметить, что издания, купленные в 1720-х гг. у П. Ван дер Аа, и до сего дня хранятся в основном фонде и фонде редкой книги БАН СССР за исключением нескольких экземпляров, пострадавших во время пожара 1988 г.

---

[7] ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 8, л. 150.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо П. Ван дер Аа к И. Д. Шумахеру от 19 июля 1721 г. (ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 7. л. 232—233.)

Monsieur,

J'ai recu hier votre tres honorée lettre. Je suis bien aise que vous avez recu les livres et je vous remercie pour l'ordre que vous avez donné touchant le payement. Je suis faché que je ne puis pas procurer a vous le livre du Prof. Boerhaave Methodus Studendi Medicinam, 8°. anglice. Je l'ai demandé a beaucoup des etudiens anglois, quelq'uns l'ont, mais ils ne le veulent point vendre, je l'ai meme demandé a Mon S^r^. Boerhaave, mais il m'a dit qu'il n'a jamais vu.

Suivant votre ordre je vous envoye ici inclose Sphaera Copernica solano. Je suis en etat de vous procurer de tems en tems tous les livres que vous plait avoir. Je vous offre mes tres humbles services esperant que vous me plait honorer avec votre chalandise. Soyez assuré Monsieur que je ferai tousjours mon possible pour vous donner contentement, avec le plus juste prix du quoi je vous envoyerai toujours le notte (*sic*) et avec promtitude en l'envoi des livres, aussi que tout sera complet et des meilleurs editions. Lisez si vous plait (*sic*), monsieur, les deux catalogues que j'ai eu l'honneur de vous avoir donner ici. et vous trouvera la dedans un grand nombre des beaux livres, qui ne sont a vendre ailleurs. J'ai imprimé depuis peu de tems Index Altes Plantarum Horti Acad. Leident. auctore H. Boerhavio, 8° 2 voll. avec Fig., Colloques d'Erasme par Gedeville 12°. 6 voll., Plaute par le meme, 12°, 10 voll. et autres que j'ai oublié de vous montrer. Je suis entierement content Monsieur de votre proposition qui est que je vous envoye chaque six mois une compte general des livres que j'aurai envoyé dans ce tems et que vous me les laissez payer par un des Ministres de Sa Majesté Czarienne en Hollande.

Leide ce 19 de juillet 1721

Votre tres humble et tres obeissant serviteur
Pierre Vander Aa

P. S. M^r^ la Goert m'a dit qu'il a desja a vous repondu hier sur votre lettre que j'ai laisser porter a lui sur la recue.

Перевод

Господин,

Вчера я получил ваше милостивое письмо. Очень рад, что вы получили посланные мной книги и благодарю вас за распоряжение относительно оплаты. Очень раздосадован, что не смог достать книгу профессора Бургаве Methodus Studendi Medicinam, 8° на английском языке. Я спрашивал ее у многих английских студентов,[8] у некоторых из них эта книга есть, но они не хотят ее продавать, я спросил ее даже у самого г-на Бургаве, но он ответил, что никогда ее не видел.

По вашему заказу посылаю вам Sphaera Copernica solano.

Я могу время от времени доставать вам все книги, которые вы ни захотите. Предлагаю свои услуги, надеясь на ваши милостивые заказы. Будьте уверены, что я приложу все усилия для их исполнения по истинным ценам, которые я всегда буду быстро сообщать при отсылке книг, причем книги будут всегда комплектны и в лучших изданиях. Прочтите, пожалуйста, два каталога, которые я имел честь передать вам здесь, и вы

[8] В нашей недавней работе (*Копанев Н. А.* Французская книга и русская культура. Л., 1988. С. 26) по ошибке вместо слова «студентов» было поставлено слово «издателей».

найдете в них множество хороших книг, которые нигде кроме как у меня не продаются.

Я недавно напечатал Index Altes Plantarum Horti Acad. Leident. auctore H. Boerhavio, 8°, 2 voll. avec Fig., Colloques d'Erasme par Gedeville 12°. 6 voll., Plaute par le meme, 12°, 10 voll. и другие, которые я забыл вам представить. Я полностью удовлетворен, господин, вашим предложением расплачиваться со мной за посланные книги раз в шесть месяцев по моему счету при посредстве одного из министров Его царского величества в Голландии

Лейден 19 июля 1721

Ваш покорный и преданный слуга
Пьер Ван дер Аа

P. S. Г-н Горт сказал мне, что уже ответил вам на ваше письмо, которое я передал ему сразу же по получении.

Письмо П. Ван дер Аа к И. Д. Шумахеру от 1 сентября 1722 г. (ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 7. л. 297—298 об.)

Au tres Noble et tres Docte Seineur I. D. Schumacher

Monsieur,

J'ai recu votre tres honoré lettre du 20-e juillet passé vous remerciant tres humblement que vous avez souvenu encor a moi et aussi pour vos ordres, sur les quels j'ai envoyé aujourdhui a Mon Sr. Van der Burg a Amst. (pour suivre vos ordres) une caisse des livres tous reliez en veaux doré sur le dos et a la mode francoise, selon la facture ici inclose, esperant Monsieur que vous aura contentement en tout. Je n'ai ajouté d'autres livres dehors vos ordres que seulement les deux derniers, qui sont nouveaux, a cause que j'ai doubté (*sic*) si vous n'avez donné ordre en Allemagne et autres païs pour des livres nouveaux, qui viendront autrement double chez vous. Ils manquent Cantabrigia Illustrata, fol et Varrea Fol. 2 voll, le premier est vendu et j'attend le dernier d'Italie. Je m'etonne que vous n'avez pas demandé le Rocabirti Bibliotheca Pontif. in Fol. 21 voll. et plusieurs autres livres considerables qui manquent certainement encor dans la Bibliotheque de Sa Majesté Impériale Russienne. Je prie Monsieur de me vouloir commander en suite pour les autres livres. Soijer assuré, je les livrai promtement et fidellement. J'espere donc de recevoir souvant vos ordres, etant en joye Monsieur que vous etes en bon santé, priant Dieu de vous vouloir benir avec toutes sortes de ses pretieuses benedictions. Je suis et reste avec toute sort de respect.

Leide ce 1 sept. 1722 *Pierre Vander Aa*

Перевод

Господин,

Я получил ваше милостивое письмо от 20 июля и очень благодарю вас за то, что вы вспоминаете обо мне и делаете мне заказы, выполняя которые, я отослал сегодня г-ну Ван дер Бургу в Амстердам (как вы приказывали) ящик с книгами. Все книги в телячей коже с золочеными корешками на французский манер. Список этих книг приложен, надеюсь, что вы будете довольны. Кроме заказанных книг я прибавил всего две из боязни, что вы могли заказать книги не только у меня, но и в Германии и других странах, а следовательно, могли бы получить дублетные экземпляры. По вашему списку отсутствуют Cantabrigia Illustrata, fol. и Varrea Fol. 2 voll. Первая из них уже продана, вторую я жду из Италии. Удивляюсь, почему вы не заказали Rocabirti Bibliotheca Pontif. in

Fol. 21 voll. и множество других замечательных книг, которые явно отсутствуют в Библиотеке Его величества русского императора. Прошу вас, господин, и в дальнейшем делать мне заказы на книги. Они будут доставлены вам быстро и обязательно. Итак, надеюсь на новые заказы и, выражая радость, что вы в добром здравии, прошу Бога одарить вас своими милостями. Остаюсь в величайшем почтении.

Лейден 1 сентября 1722 *Пьер Ван дер Аа*

Письмо И. Д. Шумахера к П. Ван дер Аа в Лейден от 14 марта 1724 г. (ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 197)

J'espere que vous me pardonnerez de ce que j'ay [в тексте неразборчиво. — *Н. К.*] si longtemps ma reponse, si vous apprendrez par celle cy, que j'ay ete depuis si malade que je ne pouvois m'occuper ă aucune affaire. A cette heur etant restitué je me donne l'honneur de vous dire Mons. que vous avez à recevoir 500 monnoye d'Hollande, chez Mons Van der Burgh, agent de sa Maj. Impl. a Amsterdam. Quand j'ordonneray des autres livres je payeray le reste. En attendant, je vous remercie du credit que vous avez bien voulu m'accorder.

L'academie etant etablie a present je me flatte que nous pourrons vous rendre plus de service. Si vous connoissiez quelques personnes de merite dans la Republique des lettres, ayez la bonté de nous les recomender, je vous assure que nous les accomoderons tres bien, car les apointemens que Sa Maj. donne sont tres considerables. Mais elle n'admet non plus que des personnes qui ont donné des Epreuves de leur habilité.

St. Petersb. ce 14 mars 1724. [*J. D. Schumacher*]
à Mr Van der Aa

Перевод

Надеюсь, вы простите меня за запоздание с ответом, если узнаете, что я был все это время болен и не мог заниматься никакими делами. Теперь я поправился и имею честь сообщить, что вы сможете получить 500 флоринов у г-на Ван дер Бурга поверенного Его Имп. Величества в Амстердаме. Остальную часть денег я выплачу тогда, когда закажу новую партию книг. А пока благодарю вас за кредит, который вы нам предоставили.

В связи с тем, что Академия в настоящее время уже учреждена, я надеюсь оказывать вам еще больше услуг. Если вам известны какие-нибудь ученые, почитаемые в Литературной республике, соблаговолите нам их представить: уверяю вас, что мы обустроим их очень хорошо, так как Его Величество устанавливает очень значительные жалованья. Но в то же время он принимает услуги лишь тех людей, которые на деле доказали свои способности.

Письмо П. Ван дер Аа к И. Д. Шумахеру от 25 апреля 1724 г. (ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 8. л. 150)

Au tres docte et celebre Monsieur Schumacher

Monsieur,

J'ai bien reçu votre honoré lettre du 14. mars passé, et suis joyeux que vous est retabli en bon santé, je prie Dieu qu'il plait laisser continuer cela longtems avec toute sortes de ses precieuses benedictions. Monsieur Van der Burg qui a eu la bonté de m'avoir donné votre lettre, m'a dit que je puis avoir de lui les cinq cent florins que vous m'avez ordonné de prendre a compte des livres que j'ai a vous envoyées ci-devant. Monsieur, mon cher

Patron et Ami, je remercie pour le bon payement et suis obligé. L'Erection de l'Academie par Sa Majesté Imperiale est un chef d'oeuvre et tres digne que cela est pratiqué et executé par un si Grand Prince et Heros, cela restera dans le memoire des hommes en eternité.

Sa Majesté Imperiale trouvera avec le tems (par les tres considerables appointemens) hommes de merite dans la Republique des Lettres, mais a present consideré, Monsieur s'il vous plait, que celles qui sont deja ici renomées, ont deja des bonnes places, et ne les quiteront point pour aller si loin, et pour ceux qui n'ont encor (*sic*) reputation, faudront bien prendre garde avant resolver (pour n'etre apres renvoyées) s'il sont capables pour repondre aux demandes que Sa Majesté Imperiale leurs saura faire sur les Arts et Sciences, car je sai (*sic*) que ce Grand Monarque entend dans le fond tous, et cela fera bien des douttes (*sic*) a quelques un s'ils seron en état pour donner satisfaction. Je ne manquerai poit pour recomander ceux qui sont capables quand je les puis trouver et qui ont inclination pour y aller.

Dans la dite nouvelle Academie faut etre une Bibliotheque outre celle de S. M. I. Faite moi l'honneur et plaisir que je livre la les Livres que S. M. I. plait avoir et je le ferai si honetement comme S. E. I. saura desirer, ne doutant point ou (*sic*) je donnerai contentement, ayant une Bibliotheque ramassé depuis circa 50 ans, priant votre recomandation, et je vous remercierai de votre bonté. Outre cela j'ai un Cabinet des Plaches en cuivre, qui viendront dans les livres que j'ai imprimées depuis longtems, comme les Thesauri Antiq. Grecor. Rom. Italia, Erasmi Opera, et un grand nombre des autres, aussi des Cartes geographiques, villes, forteresses, portraits etc, etc. Quand Sa Majesté Imperiale aura inclination pour faire une Chambre des Tableaux de cuivre, mis dans des quadres avec verre devant, cela sera un Cabinet qui n'aura son pareil dansle monde. Je suis agé de 65 ans c'est pourquoi je le voudrois bien vendre a Sa Majesté tout ensemble et cela sera honneur pour moi apres ma mort que cela resta (*sic*) a un si Grand Prince.

J'espere Monsieur, que vous m'ordonnerai en continuation, au tems un bon nombre des Livres. Me recomandant dans vos bonnes graces. Je suis et reste avec toute sorte de respect.

Leide ce 25 avril 1724 *Pierre Van der Aa*

Перевод

Ученому и знаменитому господину Шумахеру

Господин,

Я только что получил ваше милостивое письмо от 14 марта, очень рад, что вы поправились, и молю бога, чтобы ваше хорошее самочувствие сохранилось как можно дольше. Господин Ван дер Бург, соблаговоливший передать ваше письмо, сообщил мне, что я могу получить от него 500 флоринов за те книги, которые я отослал вам ранее. Мой покровитель и друг, благодарю вас за точный расчет, я вам обязан. Учреждение Академии Его Императорским Величеством — выдающееся событие, оно навечно останется в памяти людей, и тем более, потому, что оно было задумано и осуществлено столь Великим Монархом и Героем. Со временем Его Императорское Величество найдет (за очень высокое жалование) людей, досточтимых в Литературной республике, но учтите, пожалуйста, что в настоящее время те, кто уже имеют здесь имя, имеют и хорошие места и не оставят их, чтобы отправиться так далеко. А те, которые не составили еще о себе хорошего мнения, должны будут (дабы не быть отправленными обратно) крепко подумать, смогут ли они ответить тем требованиям, которые Его Имп. Величество сможет им предъявить по

части знания наук и искусств. Мне известно, что Великий Монарх глубоко разбирается во всех предметах, а это заставит некоторых засомневаться, смогут ли они понравиться ему. Я обязательно предложу наиболее способных людей (как только их найду), склонных отправиться [в Россию].

У новой Академии кроме библиотеки Его. И. В. должна быть своя собственная библиотека. Предоставьте мне честь и удовольствие поставлять туда книги и не сомневайтесь, что я смогу добросовестно удовлетворить пожелания Его И. В., так как обладаю библиотекой, которая складывалась почти 50 лет. Прошу вашего покровительства и отблагодарю за доброту.

Кроме того, я имею собрание медных досок, которые издавна использовались мной при печатании таких книг, как «Сокровища античной Греции, Рима и Италии», «Произведения» Эразма, а также при выпуске географических карт, планов городов, портретов и т. д. и т. д. Когда Его Императорское Величество будет склонно учредить Кабинет медных гравировальных досок, помещенных в застекленные рамы, этот кабинет не будет иметь равных в мире. Мне 65 лет, вот почему я хотел бы продать собрание целиком Его И. В. Для меня было бы честью, если бы все это после моей смерти осталось у столь Великого Монарха.

Надеюсь, господин, и в дальнейшем получать от вас заказы на большое количество книг. Полагаясь на вашу милость, остаюсь в величайшем почтении.

Лейден 25 апреля 1724 *Пьер Ван дер Аа*

Письмо И. Д. Шумахера к П. Ван дер Аа в Лейден от 18 января 1725 г. (ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 2. л. 264)

J'ay recu votre agréable du 15 9bre de l'année passée conjointement avec le compte de quelques livres montant à f. 278.13. Je souhaiterois que vous me voudriez envoyer un compte court general pour avoir l'honneur de vous satisfaire entierement. Un autre fois je vous prie de ne m'envoyer aucun livre sans ordres, mais me marquer ce qu'il a de nouveau qui mérite d'etre acheté que nous puissions nous regler ladessus. Envoyez moi s.v.p. Card. Imper. Biblioth. et de Larrey Histoire d'Angleterre.

St. Petersbourg ce 18 janvier 1725 *Schumacher*

Перевод

С радостию получил ваше письмо от 15 ноября прошлого года, с приложенным к нему счетом за книги стоимостью 278.13 флоринов. Хотел бы получить от вас общий краткий счет для того, чтобы удовлетворить вас полностью. Прошу вас в следующий раз присылать только те книги, которые мы вам заказали, но в то же самое время сообщать и о всех новинках литературы, которые заслуживают быть купленными, для того чтобы мы могли дать вам распоряжение по их покупке. Пришлите мне, пожалуйста, Card. Imber. Biblioth. и Larrey Histoire d'Angleterre.

18 января 1725

Письмо И. Д. Шумахера к П. Ван дер Аа в Лейден от 24 августа 1725 г. (ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 2. л. 297 об.)

Vous trouverez cy joint une lettre de change de 581 f. à charge de Mons. Jean Lups à Amsterdam en votre faveur. Voici donc nos contes reglés pour cette fois. Si à l'avenir j'auray besoin de quelque chose pour la Bibliothèque de Sa Maj. j'auray l'honneur de vous demander.

A Mons. Von der Aa 24 August 1725 [*J. D. Schumacher*]

Перевод

При настоящем письме вы найдете вексель, высланный для вас через Жана Лупа в Амстердам. Таким образом, на сегодняшний день наши счеты урегулированы. Надеюсь, что буду иметь честь обратиться к вам и в будущем, если мне понадобится приобрести что-нибудь для Библиотеки Его Величества.

24 августа 1725.

Письмо П. Ван дер Аа к И. Д. Шумахеру в Петербург от 1 октября 1725 г. (ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 10. л. 111 об.)

Je vous remercie pour votre bonne payement. J'ai pressé La Galerie du monde in folio 62. voll. tous en tailles douces. Cela sera achevé en peu de mois, ne doutant point ou (*sic*) cela faut etre dans la votre Bibliotheque, sur quoi j'attend vos ordres...

à Monsieur Schumacher ce 1.9^{bre} *Pierre Van der Aa*

Перевод

Благодарю вас за хорошую оплату. Я напечатал «Всемирное обозрение» in-folio, в 62 томах, состоящих из гравюр, оттиснутых с медных досок. Издание будет закончено менее чем через месяц. Не сомневаюсь, что оно должно быть в вашей Библиотеке, о чем и жду распоряжений.

Лейден 1 октября 1725.

Письмо И. Д. Шумахера к П. Ван дер Аа в Лейден от 20 февраля 1731 г. (ЛОААН, ф. 1, оп. 3, № 16. л. 190)

C'est si longtemps que je n'ay pas eu de vos nouvelles, que je ne peux pas plus m'empecher de m'informer de l'etat de votre santé. Si elle est bonne comme je ne veux pas en douter je vous assure Monsieur que je m'en rejouis avec vous, de tout mon coeur. Vous aurez appris Monsieur et vous l'apprendrez encore plus amplement par M^{r} le Secret. d'ambassade Heintzeilmann que l'Academie ait etabli icy une imprimerie, d'ou sont sortis les livres marqués dans le catalogue et les autres sortiront au printemps sans faute. Nous vous les offrons Monsieur contre ceux de votre impression ou ceux que le dit Mr Heintzelmann vous marquera. Si nous pouvons vous rendre quelque autre service dans ces quartiers cy ordonnez Monsieur s.v.p. Vous nous trouverez toujours prets et moy en particulier. Avec un attachement parfait.

St. Petersbourg 20 fev. 1731 *[J. D. Schumacher]*
à Mr Van der Aa à Leyden

Перевод

Я так долго не получал от вас никаких известий, что не могу не обеспокоиться о вашем здоровье. Если вы в добром здравии, в чем я не хочу сомневаться, то я рад от всего сердца. Вы знаете и узнаете еще во всех подробностях от секретаря посольства г-на Гейнцельмана, что Академия основала здесь типографию, которая отпечатала уже несколько книг, обозначенных в приложенном каталоге, другие обязательно выйдут к весне. Мы меняем их на ваши издания или на те издания, которые назовет вам г-н Гейнцельман. Если мы сможем оказать вам еще какую-либо услугу в этих краях, приказывайте, пожалуйста, мы все, и я в особенности, всегда готовы оказать вам услугу.

Искренне ваш [*И. Д. Шумахер*]

П. И. ХОТЕЕВ

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ДУБЛЕТНОГО ФОНДА БИБЛИОТЕКИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Уже в первые десятилетия своего существования академическая Библиотека располагала обширным фондом дублетов. К середине XVIII в. он насчитывал сотни томов и занимал отдельное помещение.[1] В дублетный фонд поступали новые книги на русском и иностранных языках, печатавшиеся в типографии Академии наук. Среди дублетов было много зарубежных изданий, которые либо передавались в Библиотеку из академической книжной лавки, либо отбирались из частных книжных собраний, приобретавшихся Академией наук. В иностранном разделе дублетного фонда наряду с изданиями XVIII в. имелись книги, напечатанные в XVII и даже в XVI столетиях.

Дублетный фонд выполнял прежде всего резервные функции: случайные утраты книг из основного фонда Библиотеки могли быть восполнены за счет дублетов. Часть дублетов могла использоваться при книгообмене с зарубежными научными учреждениями, издателями и книготорговцами. Наконец, книги из дублетного фонда брали с тем, чтобы преподнести их кому-либо в качестве дара или награды.

До нас дошли документальные материалы, связанные с эпизодом, который имел место в 1749 г., когда за успехи в учебе книгами из дублетного фонда Библиотеки были награждены девять студентов университета при Петербургской Академии наук — Алексей Протасов, Семен Котельников, Василий Теплов, Антон Барсов, Михаил Софронов, Филипп Яремский, Григорий Павинский, Борис Волков и Степан Румовский. Названия книг, доставшихся студентам, приводятся в двух дополняющих друг друга документах, которые публикуются ниже. Вот первый из них:

«Переводчик господин Фрейганк, сего генваря „27“ числа по определению канцелярии академии

[1] История Библиотеки Академии наук СССР: 1714—1964. М.; Л., 1964. С. 24, 51, 59, 72, 102, 113, 114 и др.

наук велено из находящихся при библиотеке дублетов выбрать тебе в награждение нижепомянутым студентам следующих книг, а имянно Протасову Јоанна Антона Линдена о медицынских делах в ниренберге „1686", Котельникову Невтона философия натуралная в амстердаме „1714", Теплову Столлова историю ученых дел в иене „1727", Барсову волфова Логику в франкфурте „1728", Софронову виргилиевы дела „1618", Яремскому юлия цесаря дела в франкфурте „1606", Григорью Павинскому горация ламбинов в ранфурте „1596", Волкову греория геометрия в патавии „1668" годов, Румовскому такета элементы геометрическия, которые по отборе вами взнесть в канцелярию при репорте.

І. Д. Шумахер Секретарь *Петр Ханин*
генваря 27 дня 1749 году».[2]

Советник Канцелярии Петербургской Академии наук Иоганн Даниил Шумахер, подписавший это распоряжение 27 января 1749 г., несколько запоздал с оформлением этого документа. Как выясняется, двумя днями раньше, 25 января, перечисленные Шумахером книги получил из Библиотеки для последующего вручения студентам профессор Герхард Фридрих Миллер. Об этом свидетельствует следующий документ:

«Aus den Doupletten der Kayserl. Bibliothec sind nachfolgende Bücher, um als Praemia unter die Studenten auszutheilen, genommen worden

Protasow. Lindenius Renovatus, sive Joh. Ant. van der Linden de Scriptis medicus libri duo. Norimb. 1686. in. 4to.

Kotelnikow. Newtoni Philosophiae naturalis Principia Mathematica. Amst. 1714. 4to.

Teplow. Stollens Historie der Gelahrheit. Jena 1727 4to.

Barsow. Volfii Philosophia rationalis sive Logica. Francof. 1728. 4to.

Sophronow. Virgilius Taubmanni. 1618. 4to.

Jaremski. C. Julii Caesaris qua extant. Francof. 1606. 4to.

---

[2] ЛО ААН, ф. 3. оп. 1, № 843, л. 109.

Gr. Pavinskoi. Horatius Dion. Lambini. Francof. 1596. 4to.
Volkow. Christ. Wolffii Elementa Matheseos. Tom. 1. Halae 1717. 4to.[3]
Rumowski. Andr. Tacquet Elementa Geometriae. amst. 1683. 8vo.
Obige Bücher sind dem Hr. Prof. Müller d. 25. Jan. 1749 eingehändigt worden».[4]

Книги были вручены студентам в торжественной обстановке.[5] Как видим, в награду им достались практические пособия, издания научного характера, публикации классических латинских текстов с комментариями. Иными словами, награждение не свелось к формальной процедуре: книги, вне всякого сомнения, оказались полезными для каждого из девяти студентов. Судя по отобранным книгам, в дублетном фонде академической Библиотеки имелись интереснейшие образцы зарубежной научной и учебной литературы.

---

[3] Остается неясным, какой именно книгой был награжден студент Борис Волков. В соответствии с предыдущим документом, ему предполагалось вручить другую книгу.
[4] ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 843, л. 110.
[5] Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1897. Т. 9. С. 620, 683—685; *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб., 1875. Вып. 2. С. 24—27; *Павлова Г. Е.* Степан Яковлевич Румовский. 1734—1812. М., 1979. С. 21.

Б. В. ЛУКИН

К. М. БЭР КАК ЧИТАТЕЛЬ И РЕФОРМАТОР БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК

Академик К. М. Бэр (1792—1876) был не только естествоиспытателем мирового масштаба, но и профессиональным библиотекарем. Более четверти века он руководил основной, иностранной частью Библиотеки Петербургской академии наук, умея сочетать это с экспедициями, музейной и лабораторной работой. У БАН никогда не было более просвещенного и разностороннего администратора. Бэр считал, что фундаментальные законы природы должны выявляться чередованием частных и глобальных объектов изучения, его словами — использованием и микроскопа, и телескопа. В последнем случае он имел в виду не столько астрономию, сколько всю историю человечества, тоже способную подсказывать закономерности жизни. Авторитеты его времени признавали главным образом «микроскоп» в качестве инструмента и соответствующий угол обзора. Бэр же чувствовал в себе две не одобрявшихся традиционной наукой склонности — разгадывать загадки бытия на любом материале, а с другой стороны — популяризировать знания, причем популяризация и упрощение служили и ему самому. Свою речь-лекцию о науках, произнесенную в Академии в 1835 г., он считал беседой с собой в познавательных целях.

Из академических учреждений только Библиотека могла удовлетворить биологические, географические, гуманитарные и прочие интересы Бэра, его широкий подход к проблемам науки и общества, страсть к систематизации. В Библиотеку он и был приглашен в качестве одного из директоров после возвращения на родину из Восточной Пруссии. Результаты его работы здесь были настолько весомы, что и в наше время они остаются предметом исследования для библиотековедов, прежде всего ленинградских.[1] Различные аспекты работы

[1] *Шеходанова В. Н.* Библиотечная классификация К. М. Бэра // Библиотечно-библиограф. информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. 1964. № 53. С. 176—192; *Копа-*

Бэра с книгой, составление им специальных книжных собраний и его библиотековедческие инициативы привлекли также внимание ученых Эстонии,[2] Украины,[3] ФРГ.[4]

Бэр смолоду с интересом относился не только к книгам, но и ко всему, что с ними связано: книгопечатанию, книготорговле, библиотекам, истории редких изданий. Этот интерес и побудил его принять должность академика-библиотекаря. Даже города он оценивал по богатству их библиотек. Правда, давая советы своему младшему коллеге, он рекомендовал ему предпочесть изобилию библиотеки Гёттингена карликовую в Кёнигсберге, и только потому, что там есть специалисты, в том числе сам Бэр, которые сразу подскажут самые нужные книги, а это позволит сберечь много ценного времени.

Еще летом 1827 г. Бэр установил переписку с академиком Х. Д. Френом, долго возглавлявшим Отделение Библиотеки Петербургской академии наук. Это была не только старейшая научная библиотека государства, но и одна из самых крупных в мире. Френ снабжал Бэра многими редкими книгами о путешествиях, а он в Берлине доставал по его заказу книги для Академии.

Бэр был большим знатоком «Россики», библиографии главным образом, иностранных изданий о России. Он давал по этим вопросам консультации не только в Петербурге, но и иностранным ученым, например английским географам. «Все, что печатается о России и в России, имеет для меня постоянный интерес, — писал он из Кёнигсберга, — особенно труды Академии».[5] По своей инициативе он взялся за налаживание реализации сочинений Петербургской академии за

нев Л. И. Библиотечная деятельность академика К. М. Бэра // Там же. 1968. № 1 (67). С. 115—129; *Елкина Н. Н.* К. М. Бэр — организатор фонда II (Иностранного) отделения Библиотеки Академии наук // Проблемы формирования и раскрытия фондов Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1985. С. 6—22.

[2] *Kudu E.* Üliõpilane K. E. v. Baer ja Tartu Ülikooli Raamatukogu // Folia Baeriana. 1975. K. 1. Lk. 72—85; *Noodla K., Valt M.* E Caroli Ernesti a Baer Thesauro librorum de historia evolutionis scriptorum // Ibid. 1976. K. 2. Lk. 46—67; *Лыхмус У. Ю.* «Собрание Бэра» в Научной библиотеке Академии наук Эстонской ССР // Ibid. 1978. K. 3. Lk. 226—232.

[3] *Туров В.* Академік — бібліотекар // Соціалістична культура. 1968. № 8. С. 44.

[4] *Krüger H.-J.* Karl Ernst von Baer als Bibliothekar // Dona Bibliothecaria. Festschrift für Gertrud Krallert zum 65. Geburtstag. München, 1979. S. 79—83. (Beiträge zur Kenntnis Südosteuropas und des Nahen Orients, Bd. 34).

[5] *Лукина Т. А., сост.* Карл Бэр и Петербургская академия наук: Письма деятелям Петербургской академии. Л., 1975. С. 63—64.

границей. «Я считаю целесообразным для Академии иметь собственного комиссионера как в Петербурге, так и в Лейпциге, — сообщал он осенью 1830 г. — Я спрашивал об этом господина Леопольда Фоса в Лейпциге, которого знаю уже много лет как очень деятельного и надежного человека. В Берлине я получил от него утвердительный ответ».[6] Фос (1793—1868), издатель знаменитого бэровского труда о яйцеклетке, на много десятилетий стал распространителем публикаций петербургских ученых на Западе и главным поставщиком иностранных изданий в БАН, посредником в ее книгообмене. Фирма Фоса оставалась постоянным контрагентом Библиотеки и через сто лет!

Библиотеку Академии, основанную Петром I и делившую с несколькими музеями помещение Кунсткамеры, называли «первой ученой принадлежностью» Академии, главным ее учреждением. Зарубежные книги имели огромное, быть может, определяющее значение для развития науки в стране. Иностранное отделение Библиотеки своим фондом превосходило Русско-славянское. Оба они были относительно самостоятельны, а их руководители подчинялись непосредственно президенту Академии.

В первые же месяцы своей работы Бэр погрузился в историю библиотек. У Френа он взял востоковедческие источники, чтобы проверить, верно ли, что в 641 г. арабы месяцами в александрийских банях использовали на растопку египетские свитки, изведя 7 миллионов книг. Он подверг сомнению «очевидную сказку» о разорении крупнейшего книгохранилища древности, заключив, что величайшую библиотеку можно уничтожить за одни сутки. К изданию своей речи о развитии наук Бэр, посоветовавшись с Френом, добавил примечание. Сведения о сожжении библиотеки в Александрии могут быть интересны, полагал он, для российского читателя, не имеющего специального исторического образования. Бэр любил напомнить, что от состояния библиотек зависит развитие науки в России.

Ни теоретическое, ни практическое библиотековедение тогда у нас еще не было достаточно развито. Петербургские академики периодически получали пятнадцать научных журналов из мировых исследовательских центров. Вошедшая в практику «циркуляция» — передача новой литературы по списку от академика к академику — препятствовала их быстрому ознакомлению с последними успехами науки. Конфе-

[6] Там же. С. 61.

ренцией была назначена комиссия — во главе с Бэром — для выработки нового порядка оперативного пользования новинками. В нее вошли академики Х. Д. Френ, А. М. Шёгрен и Г. И. Хес. 15 мая 1835 г. от имени Комиссии Бэр доложил о введении «института чтения журналов», или создании в Библиотеке выставки новых поступлений. Все книги, журналы и газеты, поступавшие в Библиотеку, отныне до сдачи в фонд следовало выставлять в течение восьми дней в конференц-зале. Непременному секретарю, правда, конференц-зал не представлялся подходящим для этого местом.[7] Охрана Библиотеки и хранение ключей вверялись солдату караульной службы. Он же должен был впускать академиков в зал в светлое время дня. Выносить из зала новые книги и журналы, тем более брать их домой не позволялось. На случай утраты какого-нибудь журнала академики давали ручательство о ее возмещении. В их числе помимо членов Комиссии были М. А. Дондуков-Корсаков, Ф. Ф. Брандт, Я. И. Шмидт, Э. Х. Ленц, П. В. Тарханов, Г. П. Бонгард, К. Ф. Хэрман.[8]

Всякое дело Бэр начинал с изучения опыта прошлого. 2 июня, более чем за месяц до своего вступления в должность, он попросил выдать ему копии протоколов Конференции за последние десять лет. В них он изучал все, что могло касаться устройства Библиотеки. В ноябре 1836 г. Бэр представил на обсуждение академической Конференции некоторые параграфы наброска инструкции для читателей. Он сообщил о работах по учету книжных запасов Библиотеки и о перспективах напечатания алфавитного каталога.[9] Ни одно, ни другое Отделение не располагало тогда алфавитными каталогами на карточках, принятых теперь повсюду. Не было в Библиотеке и единого принципа счета книг.

Бэр стремился сделать Библиотеку широкодоступной. Им был составлен в сущности первый свод правил пользования Библиотекой. 20 января и 13 февраля 1837 г. Бэр высказал академикам свои предложения о распорядке работы Библиотеки. Составленные им по-немецки правила были переведены на русский язык. 2 декабря 1848 г. Положение, состоявшее из сорока параграфов и проверенное на практике в течение десяти лет, было утверждено Общим собранием

---

[7] ЛО ААН, ф. 1, оп. 1а, № 52. Протоколы Конференции, 1835. § 261.
[8] Там же, оп. 2 — 1835, № 17, § 261, л. 1—5.
[9] Там же, ф. 1, оп. 1а. № 52. Протоколы Конференции. 1836. § 536, 550.

Академии наук.[10] С тех пор, на протяжении 60 лет оно не раз переиздавалось. Основные принципы этого документа сохранились в качестве традиций Библиотеки.

В праве пользования Библиотекой к действительным членам Академии приравнивались и «чиновники по ученой части» — хранители музеев, лаборанты, помощники библиотекаря, архивариус и переводчик Конференции. Кабинет для чтения был открыт всякому образованному человеку. Однако чтение там романов и прочих художественных произведений не дозволялось. Книги на дом выдавались посторонним для Академии лицам только по получении свидетельства от кого-либо из академиков, что читатель занимается именно наукой. Академик мог взять по абонементу не более 25 томов сразу. Ему не разрешалось иметь дома одновременно свыше 100 книг из одного и того же Отделения Библиотеки. Справочники выдавались на дом только академикам, и то на один день. Согласно § 6 Положения работники Библиотеки должны были выдавать книги академикам даже в праздничные дни. Споры об очередности пользования литературой решались Конференцией или Отделением. Члены Конференции обладали преимуществом. По их требованию книга немедленно изымалась у пользователя, не состоящего в Академии.

Издания, запрещенные цензурой, сохранялись в особом шкафу. Их выдавали на дом только действительным членам Академии. Другие лица к шкафу не допускались. Абонемент был открыт для любого горожанина, если кто-либо из академиков давал письменное ручательство в возвращении взятых книг. Посторонний мог получать до 6 томов и держать их не дольше трех месяцев. С разрешения Конференции или Отделения в каждом частном случае действовал и междугородный абонемент. Международный обмен тоже осуществлялся с такой санкции через дипломатических представителей.

Каждый академик расписывался в индивидуальной долговой книге. В начале года осуществлялась «ревизия». Альбом долгов посылали на три дня держателю библиотечных книг для контроля. Дольше двух лет хранить книги дома не разрешалось. При ревизии академик не мог оставить у себя более 50 изданий. В случае утраты книги виновный должен был оплатить приобретение аналогичной. Об этом ставились в известность Конференция или Отделение.

---

[10] [*Бэр К. М.*]. Положение о порядке пользования Библиотекою имп. Академии наук. СПб., 1848. 12 с.

Сам Бэр строго выполнял библиотечные предписания. Он брал книги только под расписку. Сохранилось его письменное обращение к Х. Д. Френу о выдаче на два дня в декабре 1835 г. «Справочника по истории литературы» Й. Вахлера (Лейпциг, 1833. 3 изд.). За книгами, которых он не находил в Отделении, Бэр обращался в Публичную библиотеку. В сентябре 1836 г. он попросил у ее директора А. Н. Оленина ознакомить его с «Описанием Северной Америки» Н. Дени (Париж, 1672), «Историей и общим описанием Новой Франции» П.-Ф. Шарлевуа (Париж, 1774) и «Северной и Восточной Сибирью» Н. Витсена (Амстердам, 1725).

Наиболее сложной библиотечной работой было и остается составление систематического каталога. Именно к ней Бэр и приступил. На несовершенство книжного каталога Академии, составленного около 1790 г., он обратил внимание в свой первый приезд в Петербург. В 1835 г. он приступил к его изучению и обновлению.[11] Все книги на иностранных языках Бэр решил привести в строгую систему, причем каждую снабдить, как тогда говорили систематическими сигнатурами. Он первым начал проставлять на корешках книг придуманные им буквенно-цифровые шифры. Книг в Отделении было сравнительно немного, а в распоряжении Бэра оказалось несколько свободных помещений.

Заполнение первых 24 тематических каталожных книг, именовавшихся по-немецки банд-каталогами, продолжалось до 1840 г. Своей классификацией Бэр охватил и иностранную рукописную часть Библиотеки. В 1838 г. он начал публиковать по-латыни пособие «Систематическая расстановка в Библиотеке императорской Петербургской академии наук». 21 декабря им был представлен отчет об упорядочении Второго отделения.

В 1841 г. вышла из печати тоже на латинском языке «Схема систематических рубрик Библиотеки имп. Петербургской академии наук. II Отделение. Книги, изданные на иностранных языках». Примечательным было помещение на первые места в бэровской библиотечной иерархии знаний (включавшей сотни рубрик) таких дисциплин, как библиотековедение и библиография. Составляя каталог и схему, Бэр учитывал специфику академической Библиотеки и практические потребности ее читателей. Расстановку книг стали производить тематическими гнездами согласно подразделениям системы. Схема Бэра стала первым печатным руководством

[11] ЛО ААН, ф. 129, оп. 1, № 699, л. 1 об.

по систематизации и размещению книг в Библиотеке. Эту рубрикацию использовали при подготовке ежегодника новых поступлений, например за 1855 г., печатавшегося по предложению Бэра для каждого члена Академии.

Книжная классификация на основе объектов наук была разработана Бэром впервые. С точки зрения систематики знаний его схема была самой замечательной библиотечно-библиографической классификацией в России XIX в. Она получила признание как одна из наиболее рациональных в мировой практике. Каталог использовался в Библиотеке вплоть до конца 20-х годов XX в., когда в ходе ее реорганизации была введена форматно-хронологическая расстановка книг.

Создавая оригинальную библиографическую классификацию для Петербургской академии, Бэр использовал свой опыт работы в германских университетских книгохранилищах. Начатое им творческое сотрудничество ученых России и Германии в области классификационной мысли продолжается по сей день. В ГДР, например, не только адаптируется и широко используется в библиотеках советская ББК, но изучается и практика ее применения. Составление систематического книжного реестра было академической обязанностью Бэра, а также его повседневным домашним занятием. К собственной библиотеке он тщательно вел тематический реестр, который сохранился в Архиве Исторического музея АН ЭССР в Таллинне. Личная библиотека Бэра была приобретена Тартуским университетом. Часть ее поступила в Научную библиотеку АН ЭССР в Таллинне.

Хорошо подобранные книги представлялись Бэру лучшей наградой за подвиги, а дарение научных изданий заинтересованным и способным людям — государственно полезным делом. В конце 1837 г. Бэр предложил преподнести его спутнику, отважному исследователю Севера А. Цивольке небольшую библиотеку: «Метеорологию» Л. Кемца, «Руководство к метеорологическим наблюдениям» А. Купфера, «Историю морских путешествий» и «Попытки открытия северо-восточного пути в Японию и Китай» Ф. П. Аделунга, наконец, «Сообщение об арктических зонах» У. Скорсби. «Если Академия передаст господину Цивольке небольшой запас подобных книг в постоянное пользование, — писал Бэр ее руководителям, — то этим она не только выразит ему свою благодарность за услуги, оказанные ей экспедицией этого года, но и будет способствовать непосредственно своим научным це-

лям».[12] Через два года Бэр, следивший за этими работами, был потрясен известием о трагической гибели Цивольки, мечтавшего о Севере и нашедшего там свою могилу.

Весной 1839 г. Второе отделение пополнилось книжным собранием Нумизматического кабинета. В Библиотеку были приняты также книги бывшей Российской академии и академика Е. Е. Кёлера. В его наследии, купленном за 50 тыс. рублей, Бэр недосчитался некоторых важных изданий и потребовал от наследников предоставить Библиотеке равноценные. Эта коллекция (около 2 тыс. названий литературы по античности) составила особый неделимый фонд.

Основным для Библиотеки, а следовательно, и для себя как руководителя Бэр считал, так сказать, «вопрос кадров». Один из трех помощников библиотекаря уроженец Пруссии Б. Геер работал в Отделении еще со времен Французской революции, около полувека, другому — И. Эммерику, по замечанию Бэра, недоставало «твердой руки и свежей головы». В 1837 г. Бэр пригласил себе в помощники А. И. Перщетского (1814—1885), скромного учителя словесности. Академик-библиотекарь говорил, что всегда может на него положиться. Он подчеркивал, что каждому члену Петербургской академии «главным образом надлежит заботиться, чтобы не только Библиотека была бы приведена в полный порядок и легко могла быть использована, но чтобы и служащий, который всегда на месте, обладал бы некоторыми библиографическими познаниями».[13]

В те времена считалось, что хорошим библиотекарем может быть только образованный латинист. Бэр же утверждал, что библиотекарю полезнее знать историю науки. В библиотековедении как зарождающейся дисциплине, по его словам, специалисты в классической древности должны уступить место новым профессионалам. Требования, предъявлявшиеся им к претендентам на должность помощника библиотекаря, были высоки. Надлежало знать не только древние, но и самые распространенные из новых языков, иметь общее разностороннее, его словами, «энциклопедическое» образование, разборчивый изящный почерк, активный интерес к книгам, быть человеком ответственным и любезным, уметь прилагать изобретательность к каталогизации и организации выставок, наконец, быть способным на жертвы: ведь нужно проводить в Библиотеке лучшее время дня при довольно скудном воз-

[12] *Лукина Т. А.* Карл Бэр... С. 77.
[13] ЛО ААН, ф. 1 оп. 2 — 1839, № 21, § 373, л. 1.

награждении. Бэр признавал, что сыскать такого человека в Петербурге нелегко.

С 1838 г. к составлению нового каталога Бэр привлек образованного и работоспособного иностранца Зантисона, который за год изготовил копии титулов почти всего фонда. Но работа остановилась. Устав Академии 1836 г. не позволял этому библиографу надеяться на содержание выше 1200 рублей в год. Бэр с сожалением говорил академикам, что едва Зантисон ушел из Библиотеки, как получил жалование почти в три раза больше. Академик не считал справедливым, что помощнику библиотекаря Перщетскому выдавали ежемесячно всего 14 рублей серебром.

К Бэру приходили искатели синекур. Он подвергал их экзамену, показывал объем работ, и они поспешно уходили. Некоторые жаловались на Бэра вице-президенту, тому самому, о котором А. С. Пушкин легкомысленно написал:

В Академии наук
Заседает князь Дундук...

Академик-библиотекарь объяснял, что отдает должное, например, г-ну Цинзерлинку, его литературной эрудиции, однако Библиотеке он не подходит: творит путаницу да еще докучливо требует непомерных задатков.

Зимой 1838 г., наконец, удалось найти и взять на работу толкового молодого человека — начинающего журналиста, книговеда и переводчика Ф. Е. Лёве (1809—1889). Бэр так писал о нем Конференции: «Школу он окончил в Гамбурге, университет — в Лейпциге и Галле, а здесь 3 года назад выдержал экзамен на домашнего учителя. Господин Лёве знает не только древние языки, но еще французский, английский и до некоторой степени итальянский, немного владеет и русским. К тому же господин Лёве имеет достаточные библиографические познания и при продолжении таких занятий он станет очень подготовленным библиотекарем. Он обладает живым интересом к изучению книг и хорошим почерком».[14] Выбор Бэра был точным. Лёве любил книги и литературу, хорошо знал писателей пушкинского круга, позднее переводил на немецкий язык с русского и с прибалтийских языков. Бэр проверил его в деле. Лёве за три месяца составил систематический каталог БАН по истории Германии и теологии. Он обязался продолжать работу с банд-каталогами безвозмездно.

---

[14] Там же, л. 2 об.

Бэр удержал Лёве от поступления на работу в Смольный (учителем в Институт благородных девиц), представил его вице-президенту Академии и рекомендовал Конференции. Его последним аргументом в пользу Лёве были слова: «Дело не только в том, чтобы обладать книгами, но и в том, чтобы легко было их использовать».[15]

Вице-президента и Конференцию Бэр убедил в необходимости увеличить штат Библиотеки введением новой должности — хранителя. Получив ее, Лёве, по ходатайству Бэра, стал обладателем казенной квартиры близ Библиотеки (постоянного жилища тогда у него не было) и жалования в 2 тыс. рублей в год. Назначение было утверждено 4 октября 1839 г.[16] Условия, выхлопотанные Бэром, были много лучше, чем у любого помощника библиотекаря в стране. Столь высокое жалованье и квартирные по тогдашним меркам не полагались, например, университетскому лектору.

По словам Бэра, Лёве был «душой» его систематического каталога. Он помогал академику и в других работах: перевел на немецкий язык исследование выдающегося историка И. Даниловича о литовских летописях и труд академика М. П. Погодина о Несторе, авторе «Повести временных лет». Оба перевода составили десятый выпуск серии источников для изучения России, вышедший из печати в 1844 г. под редакцией Бэра. Лёве, кроме того, сотрудничал в академической газете «С.-Петерсбургер цайтунг», публиковал свои переводы А. С. Пушкина и других виднейших российских литераторов,[17] а впоследствии подготовил немецкое переложение эстонских сказок и эпопеи «Калевипоэг».[18]

Во время экспедиций Бэра, в частности па Север в 1840 г., Лёве безукоризненно исполнял обязанности библиотекаря. Он трудился при академике до своего временного отъезда из Петербурга в конце 1848 г. На его место был принят старший учитель петербургской Первой гимназии филолог А. А. Шифнер (1817—1879). По своему обыкновению Бэр предварительно убедился в больших возможностях нового работника, доверив ему составление и подготовку к печати алфавитного каталога фондов Иностранного отделения. Как

---

15 Там же, л. 3.

16 Там же, л. 4.

17 *Цигенгейст Г.* Фердинанд Лёве — забытый пропагандист русской литературы // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 249—255.

18 *Anvelt L.* Ferdinand Löwe, Kreutzwaldi tõlkija // Keel ja Kirjandus. 1973. № 4. Lk. 213—222; *Lukin B.* F. R. Kreutzwaldi muinasjutu kauge ränd // Ibid. 1977. № 2. Lk. 88—100.

и Лёве, Шифнер не был заурядным учителем словесности. Уже работая в Библиотеке, он прославился как переводчик. Его немецкий вариант рун «Калевалы», опубликованный в 1852 г. в Финляндии и Германии, сделал эту эпопею всемирно известной. Переводом зачитывался Х.-У. Лонгфелло, создавая «Песнь о Хайавате». Шифнер стал также специалистом в области языков Востока, он писал о поступлении книг из Пекина, о работах молодого китаиста В. П. Васильева. Бэр увлек его еще одним своим любимым делом — этнографией и антропологией. Поручил ему описать краниологическую коллекцию, доставленную из Южной Америки, доверил руководство Этнографическим музеем.[19] Проработав три года библиотечным хранителем, Шифнер, как финно-угровед и знаток Востока, был избран в академики, а через десять лет Бэр передал ему и заведование Иностранным отделением Библиотеки. С 1860 г. помощником хранителя стал Ф. Ф. Шмальгаузен, земляк Бэра и дед будущего знаменитого биолога-эволюциониста. Прежде он служил в Ревеле инспектором и учителем в той самой школе (примечательной во многих отношениях), где в детстве обучался Бэр. А в 1849 г. подготовил и опубликовал «Каталог Библиотеки Главного педагогического института» в Петербурге.

Основная тяжелая работа ложилась на плечи помощников библиотекаря. Бэр всегда говорил, что Академия и управлявшее ею Министерство народного просвещения мало о них пекутся и эти люди существуют на грани нищеты. Чтобы помочь с жильем Б. И. Гееру, старейшему работнику Библиотеки, он устроил складчину среди академиков. «Воздадим от наших „щедрот“ старому Гееру столько, чтобы он мог теперь и умереть достойно, — писал Бэр Френу. — Он пятьдесят лет верой и правдой служил государству, но оно, по закону, ничего не может для него сделать».[20]

Планы Бэра по устройству Библиотеки и изданию каталогов, зависевшие от его помощников и начальников, многим казались химерой. В России всё только сеют, да не пожинают, — говорил Бэр, сопоставляя с практикой отечественный афоризм. Он сетовал, что его сообщения о нуждах Библиотеки наталкиваются на бюрократическую стену. Обстановка

---

[19] Подробнее см.: *Лукин Б. В.* Этнографические сведения о Перу середины XIX века в дневнике Л. И. Шренка // Сов. этнография. 1965. № 1. С. 124—133; *Лукин Б. В., Лукина Т. А.* Карл Максимович Бэр (1792—1876). Л. (В печати).

[20] *Лукина Т. А., сост.* Из эпистолярного наследия К. М. Бэра в архивах Европы. Л., 1978. С. 182.

рабочих комнат, например, считалась как бы личным его делом. В декабре 1839 г. Бэр писал академику Э. Х. Ленцу: «Вы, мой уважаемый друг, однажды в Конференции усмехнулись, когда зашла речь о завершении каталогизации. Для меня очень важно также, чтобы Вы убедились, что ни по какому вопросу ни от какой инстанции я не получил какого-либо ответа. Выложи я несколько тысяч рублей из собственного кармана, дело давно бы сдвинулось с места. Знаете ли, стулья, которые появились в Библиотеке 3 дня тому назад, о чем я просил в апреле, за весь нынешний год — это единственное ощутимое свидетельство того, что хоть какое-то мое ходатайство относительно Библиотеки дошло до Конференции и князя».[21]

К работе над систематическим каталогом Бэр по рекомендации руководителя Нумизматического кабинета академика Х.-Ф. Грефе привлек немца В. Шпревица (1796—?), потомка ростокских книготорговцев. С марта до мая 1840 г. он составил каталог книг по сельскому хозяйству и промышленности, а также еще один — по архитектуре. Бэр уплатил за эту работу 250 рублей. В одном из майских писем он сообщил друзьям, что заглавия всех книг в Библиотеке уже переписаны и каждая имеет теперь свой шифр. До середины октября Шпревиц изготовил реестр по антропологии, каталоги по художественной литературе и изобразительному искусству. Он переделал указатель богословских сочинений, переписал их титулы, скопировал названия трудов по истории Древней Греции и Рима. Затем до конца года он писал каталоги рукописей и добавлений и реестр книг, выделяемых из фонда.

В середине февраля 1841 г. Шпревиц сообщил Бэру, что продолжает работу по газетным материалам, и попросил уплатить ему причитающиеся за все виды работ 1025 рублей. Бэр выдал ему 270 рублей $37^1/_2$ копеек. Больше денег у него не было. Шпревиц подождал до начала мая и написал умоляющее письмо своему поручителю: «...Мои дела все сквернее и совсем грозят мне погибелью, а уплаты за произведенные по Вашей рекомендации у господина фон Бэра для здешней Академии работы все еще нет. Помогите мне своим влиянием возможно скорее получить эти деньги...». Через неделю Грефе обратился к Бэру: «Кто знаком с этим человеком, должен пожалеть его; что он хороший работник, Вы сами знаете, тем не менее я не вижу для него места. Если

[21] Набросок письма сохранился в библиотеке Гисенского университета им. Ю. Либиха (ФРГ). Цит. по: *Krüger H.-J.* Op. cit. S. 81.

Вы, уважаемый друг, не можете официально получить от Академии средства, на что надо было рассчитывать, то, думаю, нам остается с помощью складчины, как на квартирные деньги для старого Геера, выпрашивать Христа ради у остальных академиков».[22]

Желая выручить Бэра (и помочь Отделению), академики Г. И. Хес и Ф. Ф. Брандт в апреле 1841 г. предложили Академии приобрести коллекцию книг из его личной библиотеки. В каталоге, который они изучили, значилось 1125 сочинений по зоологии, анатомии, физиологии, ботанике и 255 работ по эмбриологии. Была назначена цена — 6 тыс. рублей ассигнациями, или 1714 рублей 28 коп. серебром. Бэр согласился получить эту сумму на следующий год и частями — 850 и 864 рубля 28 коп.[23] Так его коллекция изданий легла в основу одного из лучших специальных книжных собраний не только Академии, но и всего мира — библиотеки Зоологического музея.[24] Бэр пользовался этими книгами как читатель и в своих экспедициях.

Богатую библиотеку Бэр считал более значительным двигателем прогресса, чем целый университет. Еще задолго до своего назначения библиотекарем он, как и другие академики, уведомлял Академию о книгах, которые он считает целесообразным приобрести для Библиотеки. Докладывал Конференции о новых книжных поступлениях, например посылках от И. Х. Гамеля, многих отечественных и заграничных ученых. Он предложил Академии купить книги из собрания Эггерса, сочинения географов Г. Хасселя и А.-Х. Гаспари. После путешествия по Прибалтике в 1838 г. Бэр представил Академии рапорт о редких книгах, касающихся истории России и необходимых академической Библиотеке.

В 1839 г. умер выходец из Венгрии И.-А. Феслер, проживший последние 12 лет в Петербурге. Когда-то это был католический монах, потом лютеранский пастор, но Бэра он привлекал как славист, востоковед и литератор. Весной 1841 г. академик услышал о распродаже феслеровой библиотеки. Посетив вдову, Бэр увидел, что многие интересовавшие его книги по славистике уже распроданы. Он сразу же купил «Историю вендско-славянских государств» Л.-А. Гебхарди

[22] Ibid. S. 82.

[23] ЛО ААН, ф. 1, оп. 1а, № 52. Протоколы Конференции, 1841. § 190.

[24] Бэровские книги влились в так называемый «особый фонд», выделенный по принципу *издания до 1825 г.* К. Б. Юрьев (1921—1986) много лет готовил к печати «Каталог особого фонда библиотеки Зоологического института» (около 3 тыс. описаний), занимающий четыре каталожных ящика.

и «Историю венгерского государства и прилежащих стран» Й.-Х. Энгеля. При этом он так объяснил свою поспешность Конференции Академии: «Об этих краях наша Библиотека ничего не имеет, а о них часто спрашивают», — и поскольку покупки обсуждались коллегиально, добавил: «Без договоренности я не осмелился взять что-либо еще».[25] Бэр попросил г-жу Феслер предоставить ему каталог библиотеки и предложил Отделению истории приобрести все отсутствующие в Библиотеке книги по Венгрии.

Коллегиально, но с упреждением со стороны Бэра решались и вопросы покупки книг из наследия погибшего путешественника А. Лемана. Ф. Ф. Брандт выбрал для Библиотеки «Набросок естественной истории Лифляндии» Я.-Б. Фишера, «Изображения естественноисторических объектов» Й.-Ф. Блуменбаха, двухтомный «Карманный справочник по птицам» Б. Майера и Й. Вольфа, а также кое-что еще. Бэр заплатил за эти книги свои деньги, выложил покупки для обозрения на академическом столе и потом уже попросил Конференцию возместить ему расходы.[26]

Он рекомендовал выкупить книги о религиях разных народов из наследия французского ориенталиста С. де Саси, добился получения Библиотекой многотомного «Путешествия в Скандинавию», издававшегося французской Научной комиссией по изучению Севера и ставшего вскоре же большой редкостью.

Для книжных закупок Бэр наведывался на столичную «толкучку». Рассказывали, что жена архитектора А. А. Монферрана за пять рублей серебром купила там у какого-то офени Библию гутенберговой печати. Экземпляр, оказавшийся вторым в Европе, был перепродан ею в Париже за пять тысяч франков. Бэр выгодность своих сделок оценивал с точки зрения ликвидации тематических лакун Второго отделения. Он, например, искал у букинистов надежные справочники и словари, особенно его интересовал датский лексикон.

При посредничестве Бэра за 2 тыс. рублей была приобретена библиотека академика Ф. И. Круга, состоявшая из 2400 книг и 500 брошюр. Из них более полутора тысяч поступило во Второе отделение. Наибольшее значение имели публикации по истории и сравнительному языкознанию. Эти новые приобретения Бэр оценивал вместе с Шёгреном, а А. А. Куника попросил изучить маргиналии на многих из

[25] ЛО ААН, ф. 1, оп. 2 — 1841, № 23, § 398, л. 1.
[26] Там же, оп. 2 — 1845, № 16, § 63.

них. Они оказались комментариями к неизданным сочинениям Круга.

Одновременно Бэр делал заказы и покупки для библиотеки Медико-хирургической академии, где тоже служил, и для своей собственной. Определяя цену, он исходил из обычного для него принципа: «В качестве установки для оценки я взял половину магазинной цены таким образом, что для хороших и ходовых книг считал немного больше, для менее ходовых или, если труд неполный, — немного меньше этой цены».[27] Бэр следил за тем, чтобы фонды Библиотеки пополнялись планомерно и целесообразно. У него был список дезидерат, разыскиваемых изданий для Академии. Среди них — полное собрание сочинений Ж. Бюффона в 120 томах. 20 декабря 1850 г. он сообщил, что покупка, наконец, состоялась и обошлась в 50 рублей серебром.

При участии Бэра был составлен и в 1851 г. издан указатель 566 дублетов иностранных и русских книг по истории и географии, имевшихся в Библиотеке, для налаживания обмена. По представлению О. Н. Бётлинга БАН приобрела за 3 тыс. рублей серебром книжное собрание X. Д. Френа, первого директора Азиатского музея и старейшего в Академии друга и советчика Бэра, его предшественника по должности в Библиотеке. Бэр равно хлопотал о приобретении для Академии нового издания «Хозяйственно-статистического атласа Европейской России» и целой мемориальной библиотеки крупнейшего германского биолога Й. Мюллера. В марте 1859 г. вместе с А. А. Шифнером они предложили приобрести в Берлине книги умершего в 1857 г. профессора М.-Х. Лихтэнштайна, продававшиеся за 180 талеров. В апреле 1860 г. Бэр пригласил Шифнера и Куника участвовать в отборе для академической Библиотеки книг, запрещенных царской цензурой. Они были присланы из цензурных комитетов Петербурга, Москвы, Дерпта и других городов. Ко всему этому на протяжении многих лет Бэр регулировал выписку иностранных научных журналов, в частности из Лондона, куда в 1859 г. сам ездил. Он поддерживал журнальный обмен Библиотеки с научными обществами Восточной Пруссии, в которых издавна состоял.

Бэр часто выступал и в качестве рецензента и члена конкурсной (наградной) комиссии Академии. Из научных исследований он всегда старался выделить и поощрить такие, улучшения которых, как он говорил, не приходится ожидать

---

[27] *Лукина Т. А.* ... С. 191. Из эпистолярного наследия.

в ближайшие полвека. Формируя заграничный заказ на книги, Бэр исходил из реально сознаваемых им нужд тех или иных отраслей знания в России. Он напоминал, например, Физико-математическому отделению о необходимости приобретения за границей медицинской литературы, без чего тормозилось развитие анатомии и физиологии.

В Петербурге второй трети XIX в. Бэр был одним из виднейших деятелей книги. В своих статьях, публиковавшихся в изданиях Академии и за границей, он старался показать ценность книги как источника исторических исследований, интересовался происхождением раритетов академических книжных фондов. В конце 40-х годов он произвел разыскание о некоторых книгах из библиотеки Петра I. Опроверг утверждение голландских историков книги, будто в Петербурге сохранился экземпляр латинского «Зерцала человеческого спасения», и доказал, что речь могла идти только о «Библии бедных», доставленной в Россию И. Шумахером в 1722 г.[28] Бэр написал специальную статью об этом уникуме из собрания Библиотеки Академии, вызвавшую интерес прессы и комментарий крупного лейпцигского историка печати Т.-О. Вайгеля.

Между руководителями двух отделений Библиотеки временами возникали хозяйственные трения. Бэр был недоволен, например, что русскими книгами иногда без его ведома заполняли анатомический кабинет, из-под ключа уносились рабочие стулья и т. п. Об этом он сообщал своим коллегам сдержанными письмами. Подобные осложнения никогда не сказывались на общей научной работе. Еще в 1836 г. Бэр составил памятную записку о взаимоотношениях главной и подчиненных, отраслевых библиотек Академии.[29] И через тридцать лет он проявлял внимание к тому, чтобы библиотеки подразделений формировались как узко специальные и не загромождались сочинениями общего характера. При этом Бэр держался идеи единства академического книжного фонда.

Он считал своей заботой и комплектование картографических, иллюстративных и рукописных коллекций Библиотеки. В 1839 г. по его ходатайству Академия наук запросила из Азиатского департамента два составленных за четверть века до того в Оренбурге трактата — «Новейшая история

[28] Журн. М-ва народного просвещения. 1849. Ч. 61. Отд. 7. С. 26—30.

[29] *Копанев А. И.* Зарождение сети филиальных библиотек Академии наук СССР // 250 лет Библиотеке Академии наук СССР. М.; Л., 1965. С. 284—298.

Кабульского царства» и «Киргизская степь и ее обитатели». Через два года по его настоянию из Гидрографического департамента Морского министерства в Архив Конференции были переданы морские карты и рукописные журналы Второй экспедиции В. Беринга. Уже оставив пост библиотекаря, в июне 1864 г. Бэр ознакомил своих прежних сотрудников с завещанной Е. И. Раухом коллекцией акварелей, которые, вероятно, принадлежали художнице-натуралистке Марии Сибилле Мериан. Поскольку Библиотека уже располагала ее произведениями из собрания Петра I, академики постановили присоединить к ним эти новые материалы.[30] Первые историки Академии и археографы, работавшие в Библиотеке, особое внимание уделяли колоритной фигуре немецкого мыслителя XVIII в. Х. Вольфа и его связям с Петербургом. А. А. Куник подготовил к изданию переписку Вольфа с петербургскими учеными.[31] Желая содействовать таким исследованиям, Бэр подарил Библиотеке свою многотомную коллекцию манускриптов Вольфа. Академик-библиотекарь обращал внимание не только на своевременное поступление информации из книг к ученым, но и на доведение трудов исследователей до печатного станка, а следовательно, и до читателей. Он заботился об оперативности опубликования научных данных и обработки экспедиционных материалов.

В своих экспедициях Бэр мирился со многими лишениями, которых немало выпадало на его долю и в стенах Кунсткамеры. Сторож при Русском отделении Библиотеки Сидоров помогал Бэру в разных работах, библиотечных и анатомических. Подвозил спирт, мыл столы и посуду. Бэр любил его и за услуги делал ему небольшие подарки к Новому году и на пасху. В 1850 г. сторож умер. Теперь для наведения порядка и поддержания необходимых температур в лаборатории Бэру приходилось то и дело подниматься с постели среди ночи.[32] В Библиотеке долго не было печей. От холода часто замерзали чернила. Сотрудники зимой должны были сидеть в шубах и галошах. Печи, сложенные, наконец, в рабочих комнатах Библиотеки и главном здании Академии, где Бэр жил, доставляли много беспокойства. Они дымили, и их часто приходилось перекладывать. «Я скорее съеду, чем позволю снова перекладывать печь... — грозил Бэр архитектору и Комитету правления Академии. — Ужасная пыль при кладке новой печи в комнате, где находится много бумаг и

---

[30] ЛО ААН, ф. 1. оп. 2 — 1864. № 20, § 134, л. 2.
[31] Моск. ведомости. 1860. № 253, 256.
[32] ЛО ААН, ф. 129, оп. 1, № 255, л. 1 — 1 об.

книг, — это настоящий исход жизни, ибо проходят недели, пока книги снова будут приведены в порядок».[33]

Бэр настаивал на неукоснительном исполнении всеми правил пользования Библиотекой, не раз предлагал рассылать читателям перед их отъездом из Петербурга на вакации печатные памятки о возврате книг согласно требованиям Положения. Но правила разрешали академикам в случае ведения научной работы в пути увозить с собой и взятую специальную литературу. Отправляясь в экспедиции, даже такие отдаленные, как на Новую Землю, Бэр брал с собой книги Иностранного отделения. Письмами из Архангельска и других мест он запрашивал оттуда новые издания для научной работы. В экспедициях, при любых условиях, он не только читал, но писал и даже публиковал. В 1857 г. Бэр присылал в Библиотеку из Астрахани свои сочинения, напечатанные «по дороге». Между тем, 65-летний путешественник, с трудом передвигавшийся из-за болезни ноги, заразился там лихорадкой и ослабел настолько, что терял сознание после самых коротких занятий за столом. Город одолевали пожары, репортеры сообщали о многочисленных убийствах. Казнокрадство и взяточничество опутали высшее гражданское и военное чиновничество.

Все эти обстоятельства, прямо касавшиеся Бэра, во время путешествий по России не отвлекали его внимания от домашних библиотек горожан. Особенно благоприятное впечатление на него в этом смысле произвел Тифлис (Тбилиси), где в домах оказалось много научных изданий, а ученые были в почете. Когда-то живший в российской провинции брат Бэра предостерегал его от переезда из Кёнигсберга: ученых здесь могут принять за шпионов или колдунов, а плохо говорящего по-русски того и гляди побьют только за это. Бэр не внял уговорам. Он ездил куда угодно без охраны и нередко вступал в конфликты, но не с темной частью населения, а с властями в ее защиту. В той же Астрахани его возмутило, что экипаж флота погряз в пьянстве и картежных забавах. Бэр усмотрел причину утраты высоких традиций российских мореходов в отсутствии признаков интеллектуальной работы в городе. Он обследовал основанную там библиотеку и к своему огорчению не нашел в ней ни единой серьезной книги об этом крае. Ученый тут же написал адмиралу Ф. П. Литке и предложил бороться с отсталостью и

[33] Гос. Публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей и редких книг; ф. П. Л. Ваксeля, № 844, л. 2—2 об.

распущенностью учреждением в Астрахани Морской библиотеки. Он даже продумал, как добиться ее рентабельности. Бэр запросил разрешение Петербурга на получение дублетов изданий из Севастополя и Николаева.[34] Он верил в могущество библиотечной социальной терапии.

Оставив службу в Академии, Бэр не забывал своих старых сослуживцев. В 1866 г. к нему обратился за помощью его многолетний помощник Перщетский. Он припомнил, как во время очередной перестройки залов Библиотеки, когда укреплялись потолки, ему, Перщетскому, пришлось одному перенести в Большой конференц-зал и обратно, в новые шкафы, почти сто тысяч томов. Бэр подал прошение по начальству о награждении ветерана за его безупречные 26 лет работы в Библиотеке.[35] С тех пор Перщетский прослужил при академическом книгохранилище еще около 20 лет, до самой своей смерти.

В июне 1867 г. Бэр, уезжая из Петербурга в Дерпт (Тарту), попросил своего преемника А. А. Шифнера выдать ему для продолжения научных занятий из фондов Библиотеки книгу А. Годри «Ископаемые животные и геология Аттики на материале исследований в 1855—1856 и в 1860 гг. под эгидой Академии наук» (Париж, 1862). Академия разрешила предоставить своему почетному члену эту французскую книгу до сентября. В Лифляндии Бэр оставался деятельным и аккуратным читателем петербургской библиотеки. Академик Л. И. Шренк с разрешения Физико-математического отделения в 1872 г. высылал ему ненадолго «Военный сборник» (т. 21) за 1861 г., «Записки Гидрографического департамента» (ч. 9) за 1851 г., «Историю царствования Петра I» Н. Г. Устрялова и даже сравнительно редкую немецкую книгу Г.-А. Шляйзинга «Новооткрытая Сиверия» (1690).[36]

В Дерпте недуги Бэра умножились, он почти совсем лишился зрения и для чтения пользовался услугами постоянно нанятого чтеца. Но объем книг, которые он тогда изучил, был огромным. Из его переписки с А. А. Котляревским, например, видно, что беспрерывное получение новых изданий и отсутствие места побуждало Бэра рассылать уже прочитанное из собственных книг своим коллегам. Он диктовал тогда работу о неосуществленных планах путешествий по России. Заказы в Библиотеку — Шифнеру и Перщетскому — пересы-

---

[34] *Лукина Т. А., сост.* Переписка Карла Бэра по проблемам географии. Л., 1970. С. 295.

[35] Библиологический сб. 1918. Т. 2, вып. 2. С. 78—83.

[36] ЛО ААН, ф. 1, оп. 2 — 1872, § 149, л. 1.

лались через академика Г. П. Хельмерсена. Л. И. Шренка он просил доставлять ему и редкости, среди них карту России XVII в., вызывавшую споры ученых. И в отдалении Бэр внимательно следил за петербургскими библиотечными новостями. В 1871 г. город был потрясен делом библиотекаря Публичной библиотеки А. Пихлера, уличенного в хищении книг. Он был выслан судом сначала в Сибирь, а затем за границу. Бэр интересовался причинами и обстоятельствами этого преступления.

Итак, Бэр был одним из самых усердных и плодотворных читателей академической Библиотеки. В ее истории с именем академика-библиотекаря, законописца и исполнителя, были связаны введение нового порядка комплектования, каталогизации и организации фондов, разработка правил обслуживания читателей, определение взаимоотношений создававшихся отраслевых библиотек с главной. В течение нескольких десятилетий он работал над превращением Библиотеки из хранилища книжных и рукописных богатств в информационно-библиографический центр мирового масштаба. Бэр хотел, чтобы учет научных изданий соответствовал новейшим представлениям о взаимосвязях наук. От других реформаторов Библиотеки он отличался разнообразием своих начинаний и тем, что, быть может, в силу приверженности медицинской заповеди «не повредить» его деятельность приносила только пользу.

А. И. КОПАНЕВ

ОБ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЕ

В данной заметке мы хотели бы обратить внимание на некоторые материалы, позволяющие высказать ряд соображений по поводу одного факта из биографии В. И. Ленина, а именно посещение им в 1917 г. Рукописного отделения Библиотеки Академии наук.

Единственным источником для этого факта являются воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича.

Впервые Бонч-Бруевич говорит о посещении Лениным Библиотеки в 1917 г. в своей статье 1939 г. «Об архивных фондах литературных деятелей», помещенной в журнале «Архивное дело».[1] Отметив активную деятельность Рукописного отделения Библиотеки Академии наук по сбору революционных изданий и архивных материалов и указав на участие в этом деле Ленина (Ленин не только дал указание большевистским организациям отправлять в Отделение их нелегальные издания, но и сам, находясь в эмиграции, посылал сюда партийные издания), Бонч-Бруевич замечает: «Вот почему в Рукописном отделении Академии наук к 1917 году сосредоточился самый обширный фонд нелегальной большевистской литературы, который Владимир Ильич, по приезде в Петроград, лично сам осмотрел и остался им очень доволен».[2]

С большими подробностями посещение Лениным Библиотеки Академии наук описывает Бонч-Бруевич в воспоминаниях, напечатанных в 1946 г. в «Новом мире». Здесь Ленин, по словам Бонч-Бруевича, познакомился с В. И. Срезневским, ученым хранителем Рукописного отделения, и провел более двух часов за осмотром коллекций. «Он особенно заинтересовался иллюстрациями в уникальных книгах, причем уделил особое внимание великолепному исполнению миниатюр, заставок, первых букв и иллюстраций, нарисованных

---

[1] *Бонч-Бруевич В.* Об архивных фондах литературных деятелей // Архивное дело. 1939. № 2. С. 15—27.

[2] Там же. С. 16.

тончайшей акварелью. Тут же он осмотрел газетный и журнальный отделы, которые просто пленили его внимание. Он быстро осматривал бесконечные ряды полок и все время повторял: «Какое огромное богатство, и как это все нужно!» Поблагодарив Всеволода Измаиловича за то, что он ему показал, Владимир Ильич извинился за отнятое время и тут же спросил, возможно ли будет ему приезжать работать в этом Отделении».[3] Сообщение Бонч-Бруевича было принято с полным доверием. Интерес В. И. Ленина к Рукописному отделению, где активно собиралась в дореволюционное время нелегальная литература и куда отдельные организации партии, да, видимо, и сам В. И. Ленин направляли различные материалы (подпольные издания, архивы и т. д.), был вполне естественным. О посещении Библиотеки Академии наук В. И. Лениным в апреле 1917 г. со ссылками на Бонч-Бруевича говорят многочисленные работы, касающиеся Библиотеки Академии наук. Этот факт цитируется и в общей литературе.[4] Он отмечен в летописи жизни и деятельности В. И. Ленина, опубликованной в Полном собрании его сочинений[5] и в «Библиографической хронике», изданной в 1973 г.[6]

Однако некоторые материалы позволяют высказать сомнения в точности этого сообщения Бонч-Бруевича.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что подробное описание посещения Ленина появилось в поздней редакции воспоминаний Бонч-Бруевича об Академической Библиотеке (1946 г.) и выглядит, как дополнение к ранней редакции, напечатанной в 1925 г. в газете «Известия».[7] В статье 1925 г., озаглавленной «Нелегальный Отдел Библиотеки Академии наук», Бонч-Бруевич говорит о своих связях с Рукописным отделением, установившихся после 1905 г., о его помощи в собирании нелегальной литературы здесь (о передаче им сюда своей библиотеки, некоторых архивных фондов), о преследованиях полиции, которым подвергался хранитель Срезневский, и т. д. О Ленине здесь не говорилось ни слова. В редакции воспоминаний о Библиотеке 1946 г.,

---

[3] *Бонч-Бруевич В. Д.* В. И. Ленин и Библиотека Академии наук // Новый мир. 1946. № 8. С. 98—102. Статья из «Нового мира» перепечатана в Избранных сочинениях Бонч-Бруевича (т. 2. Статьи, воспоминания, письма 1895—1914 гг. М., 1961. С. 453—461).

[4] История Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1964. С. 298; и другие работы; Ленин в Петербурге. Л., 1957. С. 265.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 660.

[6] В. И. Ленин: Биограф. хроника. М., 1973. Т. 4. С. 143.

[7] *В. Д. Бонч-Бруевич.* Нелегальный отдел Библиотеки Академии наук // Известия. 1925. № 203.

включающих полностью текст 1925 г., сделано два добавления о Ленине в духе цитированной выше статьи 1939 г.: 1) об указании Ленина партийным организациям пересылать в Рукописное отделение свои нелегальные издания и 2) о посещении им Библиотеки Академии наук в 1917 г. Если первое сообщение находит подтверждение в ряде фактов — в Рукописное отделение действительно поступали пакеты с нелегальными изданиями от местных парторганизаций (например, в 1906 г. из Вятки),[8] о поступлении революционной литературы из разных городов говорят и отчеты Академии наук,[9] — то второе сообщение не подтверждается никакими другими материалами. Рассказывая подробно о посещении Библиотеки Лениным в 1917 г., Бонч-Бруевич не сообщает источник его сведений, хотя из изложения видно, что он Ленина сюда не сопровождал. Следовательно, такие точные факты, как время, проведенное Лениным в Рукописном отделении, слова, сказанные Лениным, его извинения перед Срезневским, вопрос о возможности работать в Отделении, манера поведения Ленина («быстро осматривал») и т. д., — все эти факты Бонч-Бруевич мог получить только от самого Срезневского.[10]

Чтобы правильно оценить важность этого вывода для выяснения достоверности версии Бонч-Бруевича, необходимо сказать несколько слов о взаимоотношениях Бонч-Бруевича и Срезневского.

Срезневский, как хранитель Рукописного отделения, был связан с Бонч-Бруевичем издавна. В переписке они находились с 1900 г., а после возвращения Бонч-Бруевича из эмиграции в 1905 г. и лично познакомились. Срезневский, придерживавшийся демократических взглядов, содействовал Бонч-Бруевичу в его научной работе по изучению религиозно-бунтарских движений в русском народе — раскола и сектанства, иногда помогал скрыть материалы Бонч-Бруевича от полиции, хлопотал о его делах перед властями и т. д. Со своей стороны, Бонч-Бруевич активно работал совместно со Срезневским по пополнению нелегальной литературы, хранящейся в Рукописном отделении. Можно с уверенностью сказать, что содействию Бонч-Бруевича, тесно связанного

---

[8] История Библиотеки Академии наук. С. 275—276.

[9] Отчет о деятельности имп. Академии наук за 1907 г. СПб, 1907. С. 39; Отчет... за 1908 г. СПб., 1908, С. 36.

[10] В устном сообщении, сделанном Бонч-Бруевичем в Библиотеке АН СССР в 1954 г, он говорил, что посещение Ленина состоялось «в один из воскресных дней» и что о посещении ему рассказывал «сам Срезневский». Но этих данных в печатном тексте нет.

с партийной печатью и с многими партийными организациями, Библиотека Академии наук обязана своим превосходным фондом нелегальных изданий, собранным в ней в дореволюционные годы.

После революции, заняв высокий пост Управляющего делами Совнаркома, Бонч-Бруевич продолжал тесное общение со Срезневским. Срезневский неоднократно обращался к Бонч-Бруевичу с разными просьбами и личного, и служебного характера. Например, в связи со смертью академика А. А. Шахматова Срезневский просит похлопотать о том, чтобы за семьей Шахматова оставили паек умершего «по обычаю Москвы» (письмо от 25 августа 1920 года).[11] А через 2 дня, в письме от 27 августа он обращается к Бонч-Бруевичу по библиотечным делам: просит о содействии в реэвакуации рукописей Библиотеки Академии наук из Саратова.[12] Активная переписка между ними шла вплоть до смерти Срезневского в 1936 г.[13] Особенно оживленной она была в конце 20-х и начале 30-х годов, когда Срезневский, войдя в конфликт с дирекцией Библиотеки,[14] нуждался в поддержке Бонч-Бруевича. Срезневский просил Бонч-Бруевича о помощи, ссылаясь на свои заслуги перед революцией, выразившиеся в собирании в дореволюционное время нелегальной литературы. Так, в письме от 16 августа 1931 г. Срезневский пишет Бонч-Бруевичу; «Прошу дать отзыв обо мне и о созданном мною, отчасти вместе с А. А. Шахматовым, том громадном революционном отделе в Библиотеке Академии наук, который собирался с 1899 г. мною с большим риском и можно сказать со смелостью в царское время... Вы знаете это мое дело лучше других, так как сами принимали много участия в его исполнении».[15] В письме, посланном Срезневским Бонч-Бруевичу, он указывает снова на эту свою главную заслугу. К 1917 г. собрание революционной литературы «достигло — по его словам — своего апогея, превысив все до того времени русские и иностранные собрания, коли-

[11] ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 369, карт. 338, № 17, л. 39.

[12] Там же, л. 40.

[13] Переписка между ними сохранилась в фонде В. Д. Бонч-Бруевича (Отдел рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 369) и в фонде Срезневских (ЦГАЛИ, ф. 436).

[14] Конфликт Срезневского с дирекцией Библиотеки объясняется тем, что Срезневский не понял как необходимости реформы Библиотеки вообще, так и целесообразности перестройки рукописного отделения, проводившихся дирекцией. Он болезненно переживал передачу собранных им материалов в другие библиотеки (например, в библиотеку Института им. В. И. Ленина) и архивы.

[15] ГБЛ, Отдел рукоп., ф. 369, карт. 338, № 18, л. 12.

чественно дойдя до нескольких десятков тысяч экземпляров». Указывает Срезневский и на скопления рукописных материалов, «сохраненных от опасности со стороны царской власти» и спасенных в 1917 г. от уничтожения полицией.[16]

Возвращаясь к основной теме данной заметки, приходится высказать удивление, что ни в одном архивном документе, вышедшем от Срезневского, как, впрочем, и во всех его печатных статьях и воспоминаниях о Библиотеке, нет и намека на его встречу и знакомство с Лениным в 1917 г.

Не говорит, как сказано выше, о встрече Срезневского с Лениным и Бонч-Бруевич в своей печатной работе 1925 г. Нет упоминания об этом и в архивных материалах — в письмах его к Срезневскому, в характеристиках, отзывах. В справках-характеристиках Бонч-Бруевича начала 30-х годов Срезневский изображается как человек демократических убеждений, как помощник революционеров (он собирал литературу, предоставлял Рукописное отделение для укрытия транспортов большевистской литературы), как спаситель полицейских архивов в 1917 г., ценных не только для истории революционного движения, но и для целей раскрытия революционными властями «шпиков и предателей».[17] Одного в них нет — нет упоминаний о знакомстве Срезневского с Лениным. Факт же встречи с Лениным был бы, несомненно, важным обстоятельством для характеристики политического лица Срезневского, и его бы не забыли, конечно, ни Срезневский, ни Бонч-Бруевич.

Не знала о встрече с Лениным и семья Срезневского. В активной переписке[18] сестер Срезневского с Бонч-Бруевичем после смерти брата по поводу его архива, пенсии, квартиры и т. д. много говорится о заслугах Срезневского перед революцией, но совсем не упоминается о факте знакомства его с Лениным. Для такой дружной семьи, какой была семья Срезневского, хранившей бережно семейные предания, просто немыслимо, чтобы Срезневский сохранил в тайне свою встречу с Лениным. Сестры же его, несомненно, использовали бы этот факт в своих хлопотах перед Академией.

Все сказанное, на наш взгляд, позволяет полагать, что этого факта совсем не было.[19] Ленин в 1917 г. Библиотеку Академии не посещал. Сообщение же Бонч-Бруевича можно

---

[16] Там же, л. 55—56.

[17] ГБЛ, Отдел рукоп., ф. 369, карт. 206, № 7, л. 28, 42—43.

[18] Там же, карт. 338, № 13.

[19] О наших сомнениях по поводу сообщения Бонч-Бруевича о встрече В. И. Срезневского с В. И. Лениным в 1920 г. мы скажем ниже, отметим

рассматривать как вполне возможную ошибку, объяснимую давностью, возрастом автора и т. д. Такого рода ошибки памяти встречаются в воспоминаниях Бонч-Бруевича о Библиотеке и в других местах. Например, события в Библиотеке после обыска в Рукописном отделении 3 июля 1910 г. Бонч-Бруевич изображает так: «Пришел Шахматов. Узнав об обыске, немного переполошился, но быстро успокоился, стал советоваться, не нужно ли принять меры, чтобы обезвредить эту гадину Охранного отделения. Поговорили. Решили не трогать. И дело быстро зачахло без всяких последствий для Академии наук и для Срезневского».[20] Несмотря на «точные детали» — «пришел», «переполошился», «поговорили», «решили», — ничего этого не могло быть, так как Шахматов в это время находился в Саратовской губернии в своем именье Вязовка в отпуске. Он узнал об обыске в Библиотеке из телеграммы непременного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга и из его писем (первое от 4 июля 1910 г.[21] и второе — от 10 июля 1910 г.),[22] в которых Ольденбург описывал ход обыска как очевидец. Беспокойство Шахматова было, видимо, огромно. В письме к Срезневскому от 8 июля 1910 г. он спрашивал: «Уж не арестованы ли Вы?».[23] 14 августа Срезневский отвечал в Вязовку: «Пока у меня все благополучно — никто не тревожит».[24] Подробно свое «благополучное» положение Срезневский описывает в другом письме.[25] Из приведенных документов очевидно, что в цитированных словах Бонч-Бруевича справедливо лишь то, что обыск был «без всяких последствий для Академии наук и для В. И. Срезневского».

В воспоминаниях Бонч-Бруевича обстоятельно рассказывается о важнейшем для Библиотеки АН СССР деле — о реэвакуации рукописей из Саратова в 1920 г. — и показывается большое внимание и прямое участие В. И. Ленина при проведении этого мероприятия. Но некоторые детали в этом рассказе вызывают сомнения. К ним мы относим сообщение Бонч-Бруевича о двух встречах А. А. Шахматова с В. И. Ле-

здесь только, что и эту встречу с Лениным, если бы она состоялась, Срезневский не стал бы скрывать ни от сотрудников Библиотеки, ни от своей семьи.

[20] Цитирую по газете «Известия» (1925, № 203). В редакции воспоминаний 1946 г. текст несколько изменен. Под «гадиной» имеется в виду особо отвратительный агент Охранного отделения, производивший обыск.

[21] ЛО ААН СССР, ф. 134, оп. 3, № 1068, л. 42—43.

[22] Там же, л. 44.

[23] ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 3038, л. 43.

[24] ЛО ААН СССР, ф. 134, оп. 3, № 1088, л. 50.

[25] Там же, ф. 134, оп. 3, № 1458, л. 25—26.

ниным по поводу реэвакуации и сообщение о посещении В. И. Срезневским В. И. Ленина после проведения реэвакуации. «Явившись к нам в Кремль, — пишет Бонч-Бруевич, — В. И. Срезневский был в восторге от четкой организации дела и трогательно благодарил Владимира Ильича за его внимание к перевозке этих важнейших культурных ценностей». Далее говорится о беседе В. И. Срезневского с В. И. Лениным о делах Библиотеки.[26]

Сомнение в подлинности этих двух фактов возбуждает не только отсутствие каких-либо данных в архиве Библиотеки АН СССР, подтверждающих встречи с главой правительства двух ведущих сотрудников Библиотеки — директора (Шахматов) и заведующего Рукописным отделением (Срезневский) — и странный факт полного незнания в Библиотеке этого, казалось бы, важнейшего события, а следовательно, и странное умолчание о нем Шахматова и Срезневского, но и то, что, судя по переписке Срезневского и Бонч-Бруевича 1919—1920 гг., ход переговоров о реэвакуации рукописей из Саратова шел несколько иначе. Из переписки видно, что Шахматов не принимал в переговорах личного участия. Так, в письме от 23 августа 1919 г. Срезневский, намереваясь поехать в Москву, писал Бонч-Бруевичу: «Мне бы очень хотелось побеседовать с Вами, чтобы переговорить о наших саратовских рукописях, каковые теперь нуждаются в особой охране. Я думаю проехать туда и получил командировку, но помимо нея может быть надо было бы... заручиться какой-либо бумагой, а может быть и помощником для вывоза хотя бы части их и помощи мне в охране по пути. Пожалуйста распорядитесь, чтоб меня пропустили в ворота».[27] Мы видим, что Срезневский в 1919 г. ставит вопрос о вывозе части рукописей, об усилении охраны в Саратове и просит «какую-либо бумагу», т. е. авторитетный документ от правительственного учреждения, так как на одну академическую командировку не расчитывает. Ничего не говорит Срезневский о переговорах А. А. Шахматова с В. И. Лениным, когда он десять дней спустя после смерти Шахматова в письме 27 августа 1920 г. просит Бонч-Бруевича исполнить его желание — «беспокойство Алексея Александровича о перевозке наших рукописей из Саратова». Далее он замечает: «Когда я был в Москве в июле, никак не мог доступиться к Вам и потому

---

[26] Из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича о первых встречах В. И. Ленина с учеными Академии наук в 1918—1920 гг. в кн.: Ленин и Академия наук. М., 1969. С. 25.

[27] ГБЛ, Рукоп. отдел, ф. 369, карт. 338, № 17, л. 34.

и не попал. А нужно бы именно поговорить о Саратове по поручению Алексея Александровича».[28] Как видим, «переговорить» о реэвакуации рукописей с Бонч-Бруевичем Шахматов поручает Срезневскому, который, это ясно из письма, ничего не знает о переговорах Шахматова с Лениным, о которых пишет Бонч-Бруевич. Вряд ли бы Шахматов скрыл этот факт от Срезневского.

Реально вопрос о перевозке рукописей встал после смерти Шахматова. 1 сентября 1920 г. Срезневский обратился к управляющему делами Совнаркома, т. е. Бонч-Бруевичу, с запиской, в которой сообщал, что ему поручили перевозку рукописей из Саратова. «Ввиду крайне высокого научного значения академических рукописей, — писал далее Срезневский, — необходимо обставить их перевозку так, чтобы никакие случайности не могли помешать правильности их передвижения по ж. д. и чтобы перевозка их не подвергла целости и сохранности». Далее Срезневский просит: 1) дать для перевозки «4 товарных надежных вагона», 2) получить распоряжение от Наркомата пути «о прицепке вагонов к пассажирским поездам», 3) дать военную охрану, 4) дать охранный лист, чтобы никто не вскрывал вагоны и ящики, 5) предоставить лицам, командированным Академией наук, отдельные купе, где будут перевезены особо ценные рукописи.[29]

План Срезневского был принят и нашел отражение в том удостоверении Совнаркома за подписью В. И. Ленина, которое было выдано Срезневскому, командированному срочно в Саратов.[30] Этот документ и служил для Срезневского тем драгоценным охранным листом, который был, несомненно, полезным в условиях 20-го года. Из приведенного документа

[28] Там же, л. 40.

[29] ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 12, № 45, л. 1—2.

[30] Текст удостоверения, выданного В. И. Срезневскому для вывоза из Саратова рукописей и ценных изданий, принадлежащих Академии наук см. в книге: Ленин и Академия наук, с. 81. Отметим здесь, что текст этого документа и цитированная записка В. И. Срезневского послужили, видимо, впоследствии Бонч-Бруевичу основой для написания воспоминаний о реэвакуации академических рукописей. Однако фактическое содержание передается не совсем точно. Так, предписание удостоверения выделить 2 вагона и прицеплять их к пассажирскому поезду превратилось у Бонч-Бруевича в «товарный поезд с прицепом пассажирского вагона»; этот поезд, якобы, сформирован был в Москве и прошел здесь технический осмотр. Из удостоверения же можно заключить, что как выделение вагонов, так и их технический осмотр возлагался на саратовских железнодорожников. Просьба правительства к председателю Саратовского исполкома, выраженная в удостоверении, «взять дело этой погрузки и перевозки рукописей Академии наук под свою личную заботу и ответственность» передается Бонч-Бруевичем как личная просьба Ленина.

очевидно, что план реэвакуации рукописей выработан был Срезневским, а не Шахматовым в его беседах с Лениным, о чем писал Бонч-Бруевич. Вероятнее всего, что эти беседы — вообще плод ошибки мемуариста. Точно также ошибочным можно считать и сообщение Бонч-Бруевича о беседах В. И. Ленина с В. И. Срезневским в Кремле по возвращении его из Саратова.

Приведенные нами два сообщения Бонч-Бруевича касательно Библиотеки АН СССР, не подтверждающиеся документами, нам кажется, подкрепляют наши соображения о легендарности известия Бонч-Бруевича относительно посещения Лениным Библиотеки Академии наук весной 1917 года.

И. Н. ЛЕБЕДЕВА

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЦАРЯ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА

В 50-х годах текущего столетия в отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР образовалась новая коллекция — личная библиотека Петра I. Книги, принадлежавшие Петру I, поступили в академическую библиотеку вскоре после смерти их владельца, но, как и другие первые поступления, не сохранились как целостные комплексы, растворившись в фондах, организованных по систематическому принципу. Восстановление Петровской библиотеки стало возможным после того, как в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР сотрудницей отдела рукописей М. Н. Мурзановой были обнаружены «Реестры» — списки, по которым книги Петра передавались после его смерти в Библиотеку Академии наук. Мария Николаевна Мурзанова — подвижник библиотечного дела, всю свою жизнь посвятившая изучению, упорядочению, описанию рукописных материалов, хранящихся в отделе рукописной и редкой книги БАН. Большая часть описей рукописных собраний написана каллиграфическим почерком Марии Николаевны; характеристика каждой единицы хранения дается в этих описях очень подробная, так что даже если описываемый материал не был точно определен, то по подробному его описанию специалист легко мог установить, с каким именно литературным или иного рода письменным памятником он имеет дело. Обнаружить и прочитать «Реестры» было лишь половиной дела. Самая трудная часть работы заключалась в расшифровке библиографических записей, очень кратких, неполных. Иностранные книги или рукописи назывались в «Реестрах» по-русски, часто с искажением имени автора или названия. Часто такое название представляло искаженную русскую транслитерацию или транскрипцию оригинального звучания. В этой части работы М. Н. Мурзановой помогала Елизавета Ивановна Боброва, другой замечательный сотрудник рукописного отдела. Итогом такой работы по восстановлению Петровской библиотеки явилось издание боль-

шого тома материалов по Петровской библиотеке и другим ранним поступлениям в академическую библиотеку.[1] В этом томе были опубликованы «Реестры», помещены обзоры библиотеки Петра I, библиотеки его сына Алексея Петровича и другие материалы, а также краткая опись петровской библиотеки. Опись книг Петра состоит из двух частей, соответственно организации самого хранения коллекции. Первая часть — это книги родных Петра: отца Алексея Михайловича, брата Федора Алексеевича, сестер царевен Софьи и Наталии. Вторая часть — книги, принадлежавшие самому Петру, приобретенные им либо подаренные ему. Книги родных Петра, кроме библиотеки его сына Алексея Петровича, хранятся теперь как одно целое, без выделения разных владельцев. В то время, когда происходило восстановление библиотеки Петра, это было оправданно. В ходе дальнейшего изучения появилась возможность выделить в этом едином целом составные части, и прежде всего это относится к личным библиотекам брата Петра царя Федора Алексеевича и сестры царевны Наталии Алексеевны. Еще в XVII в после смерти Федора Алексеевича была составлена опись его библиотеки. В начале текущего столетия она была опубликована.[2] В ней перечисляются около 300 рукописных и печатных книг, русских и иностранных. Цель настоящей статьи — анализ состава библиотеки Федора Алексеевича на основании опубликованной описи. В настоящее время еще нет возможности сразу выделить принадлежавшие Федору Алексеевичу книги среди книг Петровской библиотеки: требуется большая работа по восстановлению состава этой библиотеки. О некоторых рукописных и печатных книгах мы уже сейчас можем сказать, что они происходят из библиотеки Федора Алексеевича, но для большинства их еще предстоит выяснение этого. На книгах, принадлежавших Федору Алексеевичу, нет его владельческих записей, но в описи его библиотеки указаны индивидуальные приметы почти каждой книги: особенности переплета, обреза, наличие украшений и другие особенности.

Переходим к анализу описи. Описания книг расположены в ней по форматам: в десть (большой фолио), в полдесть (малый фолио) и в четверть (кварта). У печатных книг обычно указан год издания, или говорится: «печатная», для

[1] Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I: XVIII век // М. Н. Мурзанова, Е. И. Боброва, В. А. Петров. М.; Л. 1956. 483 с.

[2] *Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1915.

рукописных книг — «писменная». Примерно для одной четверти всех книг не указано, рукописная или печатная это книга, поэтому приходится исходить из ее содержания для решения этого вопроса. Книги на иностранных языках (их немного) обычно характеризуются недостаточно, типа «Книга латинская печатная, переплетена в коже, на ней наведен золотом орел двоеглавой» (с. 601).

Перечислим некоторые книги так, как они охарактеризованы в описи:

«Книги в переплете в десть:

Евангелие по обрезу желтой краски, доски не оболочены, 162 году (192 октября 4-й день сию книгу к великому государю в хоромы принял столник князь Иван княж Иванов сын Галицин).

Два Евангелия по обрезу зеленой краски, доски не оболочены, 186 году.

Евангелие без досок, а которого году выход, и то выдрано.

Четыре книги Евангелия, неделные, переплетены в коже, по обрезу розными красками, 160 году.

Две книги писменные на Евангелие Иоанна Богослова да Матфея Беседы иже во святых... Иоанна Златоустаго».

Всего в описи перечислено 280 книг. Из них 131 рукописная, 69 печатных и 80, для которых не указано, рукописные они или печатные. Но, разумеется, это не самое существенное разделение книг для библиотеки русского человека XVII в. Гораздо важнее, что представляли собой эти книги по содержанию. В публикации М. Н. Мурзановой перечислены многие названия книг,[3] мы же попробуем дать общий анализ. Личная библиотека Федора Алексеевича отличалась значительным разнообразием. Кроме книг на русском языке в описи перечислена 41 книга на латинском языке и 4 на польском. Эта часть библиотеки охарактеризована очень скупо: «Персонник на латинском языке», «Две книги латинские чертежные», «Гранограф на латинском языке», «Книга латинская, а по подписи „Книга восточных судов“, взята из Посольского приказу». Русские книги описаны более подробно, поэтому и возможно проанализировать их состав. Большую часть библиотеки Федора Алексеевича составляли книги литургического назначения: Евангелия и Апостолы апракос, Псалтири с восследованием, Октоихи, Триоди, Минеи,

[3] Исторический очерк... С. 37. См. также: *Луппов С. П.* Книга в России в XVII в. Л., 1970. С. 115—116.

Анфологионы, Служебники, Ирмологии, Канонники, Службы разным святым, Требники, Часословы и др. Литургических книг в описи насчитывается 64. На втором месте после литургических — книги Священного писания: Библии печатные и рукописные, Новый завет, Евангелия и Псалтири. Такое большое количество библейских и литургических текстов объясняется не только личными интересами царственного владельца, но и тем, что дворцовые церкви для совершения богослужений нуждались в большом количестве подобного рода книг.

Далее следуют книги исторические и творения отцов церкви, и тех и других по 15. История представлена летописцами, хрониками, историческими повестями, документами, относящимися как к русской, так и к всемирной истории. Обращает на себя внимание наличие в библиотеке Федора Алексеевича одного из томов Московского лицевого свода, в описи он назван: «Библия в лицах с летописцем (191 февраля 27 сию Библию государя Петра Алексеевича в хоромы принял окольничей Тихон Микитичь Стрешнев)».[4] Кроме того, 24 марта 1677 г. дьяк Андрей Юдин принес в Оружейную палату по распоряжению царя Федора Алексеевича Царственную книгу в лицах на 613 листах, из которой выпадали отдельные листы и не были «выцвечены рисунки». Переписчикам было приказано выпадающие листы переписать вновь, а рисунки «расцветить». 12 мая 1677 г. иконописцы Филипп Павлов «с товарищи» получили за расцвечивание 1072 рисунков 32 рубля 5 алтын.[5]

Кроме томов Лицевого свода у Федора Алексеевича были еще Летописцы киевский и римских царей, русский Хронограф и Хроника Матвея Стрыйковского, Степенная книга и «Описание пяти древних монархий» Помпея Трога в русском переводе. Это все книги рукописные. Документы охарактеризованы в описи следующим образом: «Книга годовой роспис 1660 г.», «Три книги переписные церковной утвари Спаса Нерукотворенного, Иоанна Белоградского, великомученицы Евдокии, что в Верху», «Три книги переписные церквам и церковным землям, 165 году Кремля, Китая, Белого, Земляного городов».

Из отцов церкви более всего представлен Иоанн Златоуст (8 книг из 15, по-видимому, рукописных). Есть также творения Григория Богослова, Иоанна Дамаскина, Кирилла Иерусалимского, аввы Дорофея.

---

[4] *Забелин И.* Домашний быт... С. 603.

[5] Исторический очерк... С. 37.

Десять рукописных книг содержали памятники агиографической литературы. Из них прежде всего заслуживает упоминания сборник житий Алексея человека Божия, Марии Египетской и царевича индийского Иоасафа. Сборник, украшенный множеством рисунков, был написан в 1663 г. специально для двухлетнего Федора Алексеевича. В царской семье существовала традиция «потешных» книг как наглядного метода обучения и воспитания. Напомню, что сборник содержал жития небесных покровителей отца (Алексея Михайловича) и матери (Марии Ильиничны) царевича, а также весьма почитаемого при дворе святого — царевича Иоасафа. За два года маленький царевич Федор так «зачитал» или «заиграл» книгу, что ее в 1665 г. пришлось отдать в реставрацию, после чего она снова вернулась в хоромы царевича.[6] Остальные книги — это жития русских и общеправославных святых: преп. Сергия Радонежского, Саввы Сторожевского, Макария Желтоводского, Анны Кашинской, Галактиона Вологодского, Антония Римлянина, Антония Великого, Николая Чудотворца и др.

Можно выделить также небольшую группу рукописных книг, относящихся к естественным и точным наукам: «Книга лекарственная», «Лечебник», «О пушках в лицах», «Травник», «Цыфирная», «О луне и о всех планетах небесных». Сюда же можно отнести три латинские чертежные книги.

И, наконец, большую часть книг трудно объединить в какую-нибудь одну группу, кроме «Разное». Это азбуки и буквари, богословие и церковная полемика, описание городов и соборов, стихотворные и прозаические произведения, посвященные царствующим особам. Это, например, «О благоговейном стоянии в храме», «Брачное приветство», «Азбука, писана уставом», «Букварь письменный», «Венец веры», «О вере единой восточной и истинной православной, и о церкви восточной», «Вертоград душевный», «Вертоград многоцветный», «Верши плачевные на смерть Алексея Михайловича», «Вопросительная от великого государя о здравии окрестных государств государей у послов и у посланников и у гонцов», «Жезл правления», «Зерцало великое», «Катихизис», «Лекарство душевное», «Лексикон», «Месия», «Меч духовный», «Многособрание о различных вещех», «Небо новое», «Нотипеиц ран Христовых», «Обеды душевные», «Огородок пре-

---

[6] *Лебедева И. Н.* К истории издания Симеоном Полоцким Повести о Варлааме и Иоасафе // Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения. Л., 1988. С. 60.

святые Богородицы», «Патерик Печерский», «Книга Полатного строю», «Книги ратного строю» и т. д.

Какова же судьба этой библиотеки? После смерти Федора Алексеевича в 1682 г. его книги были переданы боярином И. М. Милославским в хоромы царевны Софьи Алексеевны, кроме 12 книг, взятых окольничим Т. Н. Стрешневым для Петра Алексеевича. Но в хоромах Софьи Алексеевны книги пробыли недолго, немногим более двух недель, после чего были переданы в Государеву Мастерскую палату. Что было с книгами далее? Они не сохранились в качестве единого целого, а видимо, разошлись по разным владельцам и хранилищам. Изучение так называемых «Реестров» показало, что книги, принадлежавшие Федору Алексеевичу, удается найти в двух из них: «Реестр имеющимся книгам российским и на разных языках в казенных его имп. величества палатах»[7] и «Реестр российским книгам, которые приняты из дому государыни царевны Наталии Алексеевны».[8] Разумеется, в реестрах не отмечено, что та или иная книга принадлежала царю Федору Алексеевичу. Лишь сопоставление записей в реестрах с описью, опубликованной Забелиным, дает возможность выделить принадлежавшие старшему брату Петра I книги благодаря индивидуальным признакам книг: переплету, обрезу, застежкам и украшениям. Всего по этим двум реестрам удалось выделить 54 единицы: 41 в реестре Казенных палат и 13 в реестре книг из дому Наталии Алексеевны. Но это лишь менее одной четверти от 280 книг перечисленных в опубликованной Забелиным описи. Значит, остальные книги разошлись иными путями, и их надо искать в других хранилищах. Хотя мы знаем случаи, когда в одно и то же хранилище книги одного и того же владельца поступают из разных источников. Так, например, многие книги, принадлежавшие царевне Софье Алексеевне, поступили в БАН вместе с книгами остальных членов царской семьи. Но по крайней мере одна — рукопись Нотная псалтирь, поднесенная царевне певчим дьяком Василием Титовым, который положил на ноты стихотворный текст Симеона Полоцкого, попала в Рукописный отдел БАН почти на полтора века позже, с рукописными книгами из собрания графа Ф. А. Толстого.

Как уже говорилось, специальной работы по выявлению книг, принадлежавших Федору Алексеевичу, до сих пор не проводилось. Но и без такой предварительной работы мы мо-

[7] Исторический очерк... С. 280—295.
[8] Там же. С. 295—306.

жем назвать 13 рукописных и одну печатную книгу, которые происходят из библиотеки Федора Алексеевича. Все 13 рукописей кратко охарактеризованы в описи первой части собрания Петра I, составленной и опубликованной М. Н. Мурзановой.[9] Это номера описи 3—5, 13—15, 26, 28, 47, 48, 50, 70, 88. Перечислим эти рукописные книги.

№ 3. Стихотворный «Плач» Лазаря Барановича по поводу смерти царя Алексея Михайловича и восшествия на престол царя Федора Алексеевича. Подносной экземпляр 1676 г. с подписью автора. 4°. 25 л. Переплет — малиновый атлас с парчевыми лентами.

№ 4. Симеон Полоцкий. «Глас последний ко господу Богу святопочившего великого государя... Алексея Михайловича... ко новобогомданному великому государю... Феодору Алексеевичу... со заветом отчим». Подносной экземпляр 1676 г., подписанный автором. 4°. 74 л. Переплет — черная кожа с тиснением.

№ 5. Юрий Крижанич. «Царю и великому князю Феодору Алексеевичу на счасливое его государьское венчание... благоприветствование». Подносной экземпляр 1676 г. 4°. 18 л. Переплет — доски в алом атласе.

№ 13: Сборная рукопись исторического содержания: Степенная книга и другие тексты. Середина XVII в. 2°. 583 л. Переплет — доски в коже с золотым тиснением.

№ 14. «Книга летописец римских цесарей и пап, и патриархов вселенских». Синхронистические таблицы римских и византийских императоров, пап римских и патриархов, турецких султанов, великих царей и князей, митрополитов и патриархов русских (до 1619 г.). Конец XVII в. 4°. 86 л. Переплет — желтая кожа.

№ 15. Исторический сборник: «Краткое пяти монархий древних описание» Помпея Трога и «Книга Зерцало старовещности». XVII в. (последняя четверть). 4°. 213 л. Переплет — доски в черной коже с золотым тиснением.

№ 26. Лицевой сборник, содержащий жития Алексея человека Божия, Марии Египетской, Иоасафа царевича; сказания о знамении в Царьграде,

[9] Исторический очерк... С. 382—395.

о взятии Иерусалима Навуходоносором, о трех отроках в Вавилоне и о пророке Данииле в львином рву. 1663 г. 2°. 106 л. 91 миниатюра. Переплет — доски в красном бархате.

№ 28. Служба и житие царевича Димитрия Московского и Иулиании Муромской. Конец XVII в. 4°. 93 л. Переплет — доски в коже с золотым тиснением.

№ 47. Служба и житие преп. Макария Желтоводского. XVII в. (вторая четверть). 4°. 60 л. Переплет — красный сафьян с золотым тиснением.

№ 48. Служба и житие преп. княгини Анны Кашинской, составленное Игнатием Римским-Корсаковым. XVII в. (последняя четверть). 4°. 153 л. Переплет — доски в малиновом бархате с серебряными застежками.

№ 50. Житие преп. Нифонта Кипрского. XVI в. (третья четверть). 2°. 193 л. 337 миниатюр. Переплет — доски в черной коже с золотым тиснением.

№ 70. Учебная азбука Федора Алексеевича. XVII в. (60-е гг.). 4°. 16 л. Переплет — красный сафьян с золотым тиснением. Существует фототипическое издание рукописи.[10]

№ 88. Каноны: Спасу, Богородице в наведение печали, великомученику Феодору Стратилату, преп. Сергию Радонежскому и Савве Сторожевскому. XVII в. (последняя четверть). 4°. 102 л. Миниатюры и заставки с золотом. Переплет — доски в красном сафьяне с золотым тиснением.

К этим 13 рукописям еще можно добавить один из томов Лицевого свода, хранящийся во второй части собрания Петра I под № 76.[11] Это второй том Лицевого свода, содержащий библейские книги Руфь, Царств, Товии, Эсфирь, пророка Даниила; выписки из хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы; Александрию второй редакции; «Иудейскую войну» Иосифа Флавия и другие тексты. В рукописи 1469 листов и 2549 миниатюр.[12]

---

[10] *Успенский В., Воробьев Н.* Учебная азбука царевича Федора Алексеевича. СПб., 1902.

[11] Исторический очерк... С. 409.

[12] Подробное описание рукописи и большую библиографию см. в кн.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 2. Исторические сборники XV—XVII вв. М.; Л., 1965. С. 14—24.

Вероятно, дальнейшие разыскания позволят выявить и остальные рукописные и печатные книги, принадлежавшие Федору Алексеевичу и поступившие в БАН более 250 лет тому назад.

Библиотеки Петра I и членов его семьи хранятся сейчас в отделе рукописной и редкой книги БАН как единый комплекс. Исключение сделано лишь для рукописных книг царевича Алексея Петровича, сына Петра. Но благодаря наличию старых описей личных библиотек членов царской семьи мы можем и должны выделять и изучать каждую из этих отдельных библиотек. Изучение состава этих библиотек помогает нам лучше понимать характер и особенности личности того или иного владельца, особенно в тех случаях, когда скудны другие источники. Это относится и к личной библиотеке Федора Алексеевича, и к книгам, принадлежавшим царевичу Алексею Петровичу, и особенно к книжному собранию одной из первых русских образованных женщин — царевны Наталии Алексеевны, любимой сестры Петра. Правда, трудности изучения состава этих библиотек заключаются в том, что книги часто переходили из рук в руки в связи с такими событиями, как смерть владельцев. Поэтому в описи книг Наталии Алексеевны мы находим книги и царя Федора Алексеевича, и царевича Алексея Петровича, и не всегда легко отделить такие «новые поступления» от книг, органически входивших в ту или иную библиотеку. Но так или иначе, любовь к книге и книжное собирательство, которое исследователи единодушно отмечают у Петра I, оказывается имеющим глубокую фамильную традицию. Не только царь Алексей Михайлович, но и все его дети — старшие и младшие братья и сестры Петра были причастны к книжному собирательству. Интерес к книге унаследовал и сын Петра Алексей

Как явствует из вышесказанного, изучение личных библиотек царя Федора Алексеевича и других членов царской семьи, особенно царевны Наталии Алексеевны, выявление принадлежавших им книг на основе изучения описей и реестров — дело будущего. Без изучения книжной культуры этого времени историческая картина XVII—XVIII вв. остается неполной.

Е. А. САВЕЛЬЕВА

А. А. КУНИК И ЕГО СОБРАНИЕ КНИГ О РОССИИ XVIII ВЕКА

В настоящее время в Советском Союзе и за рубежом внимание историков, занимающихся Россией периода феодализма, все больше привлекает обширная тема в источниковедении отечественной истории, а именно сочинения иностранных авторов. Уже в XVI в. русское правительство прислушивалось к мнениям иноземцев. В XVII в. в нашей стране начали появляться переводы на русский язык сочинений преимущественно польских историков XVI—XVII вв. — Марцина и Иоахима Бельских, Мацея Стрыйковского и других.[1] В первой половине XVIII в. появился печатный каталог трудов иностранцев о России. Его автором был А.-Б. Селлий (в монашестве Никодим).[2]

Императорская Публичная библиотека первой из крупнейших государственных библиотек страны поставила своей целью собрать все, что писали о России на иностранных языках. В эту коллекцию, получившую название «Russica», включены также и издания по истории Финляндии и Польши, входивших в XIX в. в состав нашего государства. В 1873 г. был напечатан каталог этого собрания, до сих пор не потерявший своего значения. Он является важнейшим пособием при изучении и собирании западноевропейских материалов, касающихся истории России.[3]

Много внимания изучению западноевропейских и восточных известий о Русском государстве и сбору сочинений иностранцев о России уделял академик Петербургской Академии наук по классу истории, директор I-го (русского) отделения Библиотеки Академии наук, основатель Славянского фонда

---

[1] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. 41, 47.

[2] *Sellius A. B.* Schediasma literarum de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossicae scriptis illustrarunt. Revaliae [Revel], 1736.

[3] Bibliothèque Impériale publique de St.-Petersbourg. Catalogue de la section des Russica ou Écrits sur la Russie en langues étrangeres. T. 1—2. St. Pétersbourg, 1783.

этой библиотеки, Арист Аристович Куник (1814—1899).[4] Будучи по своему происхождению силезским немцем, он учился сначала в Бреславском (Вроцлавском) университете, затем в 1838 г. окончил курс Берлинского университета по отделению философии. В 1839 г. он появился в Москве, где вскоре был рекомендован историку М. П. Погодину, в журнале которого «Москвитянин» и появились первые исторические работы Куника.[5]

В 1844 г. Куник был определен в Академию наук адъюнктом по классу русской истории, а в 1850 г. избран экстраординарным академиком. С 1859 г. он был старшим хранителем Эрмитажа, сначала коллекции русских монет и медалей, а затем галереи Петра I и драгоценных вещей.[6]

В 1849 г. Куник становится членом Археографической комиссии и главным ее редактором для иностранных актов. Он способствовал изучению богатого собрания летописей Библиотеки Академии наук в связи с регулярным печатанием Полного собрания русских летописей. По рукописи Рукописного отделения Библиотеки Академии наук он опубликовал в 1851 г. Хронику Конрада Буссова, касающуюся событий Смутного времени в России конца XVI — начала XVII в. По цензурным соображениям издание было осуществлено с купюрами.[7] Принял участие Куник также и в подготовке факсимильного издания «Остромирова Евангелия», старейшей русской рукописной книги (середина XI в.).

Главной темой научных занятий Куника было изучение сравнительного языкознания, которому в то время ученые-историки уделяли очень мало внимания. В разгоревшейся в середине XIX в. борьбе между норманистами и антинорманистами Куник присоединился к сторонникам норманской (скандинавской) теории происхождения государственности на Руси. Он считал также, что важным является не столько определение имени и национальности основателей Русского

---

[4] Эрнст Эдуард Куник родился близ силезского города Лигнице в селе Грановицах, где в то время сохранились славянские языки, которыми он владел в достаточной степени, что впоследствии помогало ему при изучении русского языка и в занятиях сравнительным языкознанием.

[5] В Москве Куник был известен сначала как Иван (иногда Александр) Петрович или Орест Орестович. В 1845 г. Н. Г. Устрялов назвал его Арист Аристович. Под этим именем он и был известен в России.

[6] *Лаппо-Данилевский А. С.* А. А. Куника. Очерк жизни и трудов // Известия Академии наук. Сер. VI. 1914. С. 1459—1462.

[7] *Kunik E. E.* Aufklärungen über Konrad Bussow und die verschiedenen Redactionen seiner Moskowitischen Chronik. St. Petersburg, 1851; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отделения БАН СССР. Вып. 2. XIX в. Л., 1958. С. 439.

государства, сколько установление того, какие новые начала были внесены ими в русскую жизнь. Основополагающим был его двухтомный труд «Призвание шведских Родзов Финнами и Славянами».[8]

Все свои научные работы Куник строил на сочетании лингвистического метода исследования с историческим. В связи с этим он много внимания уделял сочинениям иностранных писателей XIV—XVIII в. о России. Одним из первых он предложил опубликовать корпус иностранных источников, содержащих материалы по русской истории. В его важнейшей статье, посвященной этой теме, — «Исторические отрывки или собрание материалов, служащих к познанию источников по русской истории» — анализируются части из сочинений греческих, латинских и арабских авторов, касающиеся Русского государства.[9]

Однако академик Куник был не только издателем и исследователем. В XVIII и XIX в. во главе отделений Библиотеки Академии наук, как 1-го (русского), так и 2-го (иностранного), стояли, как правило, ученые-академики, которым были близки интересы этого учреждения. В начале XIX в. Русским отделением заведовал член Российской Академии П. И. Соколов (1819—1835), опубликовавший первый каталог русских рукописей Библиотеки Академии наук. Его сменил академик по классу филологических наук Я. И. Бередников (1835—1855), затем на этот пост был назначен академик Н. А. Коркунов (1855—1858), а с 1858 по 1899 г., то есть до самой смерти, во главе Русского отделения стоял А. А. Куник.[10]

Куник принимал непосредственное участие в решении всех важнейших вопросов, имеющих непосредственное отношение как к комплектованию фондов библиотеки, так и к их расстановке и обработке. Он был совершенно убежден в том, что Библиотеке Академии наук необходимо добиться получения обязательного экземпляра из Польши, как она получала его от Финляндского княжества. Покупка крупнейших частных собраний также была для него одной из главных проблем пополнения фондов, в частности, он принял решение о необходимости приобретения третьей библиотеки Ф. А. Тол-

---

[8] *Kunik E. E.* Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven. Bd. 1—2. St. Petersburg, 1844—1845.

[9] *Kunik E. E.* Analectes historiques ou Choix de matériaux pour servir à la connaissance des sources de l'histoire russe // Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Imp. des Sciences de St. Petersbourg. 1849—1851.

[10] История Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1964. С. 168.

стого, содержащей печатные книги и русские и иностранные рукописи. Куника интересовали вопросы составления каталогов, создания специальной библиотеки академических изданий при Архиве, восполнения лакун журнального фонда, печатания исторической библиографии, составленной Ламбиными и пр. Главной заслугой Куника перед Библиотекой Академии наук и перед исследователями было создание при библиотеке Славянского фонда, в который включались все издания на славянских языках, кроме русского.

А. А. Куник имел хорошо подобранную личную библиотеку, насчитывавшую более 8000 томов. Точное число изданий указать почти невозможно, поскольку на треть она состояла из знаменитых куниковских конволютов, составленных по тематическому признаку и включавших в себя от двух до 40 сочинений.[11] В 1900 г. после смерти Куника его книжное собрание было приобретено Библиотекой Академии наук. Купили также рукописные материалы и архив, в составе которого находились почти все копии знаменитых портфелей Г. Ф. Миллера, ныне находящихся в Центральном государственном архиве древних актов. Разбор русской части Куниковского собрания происходил в 1901 и 1902 гг. В то же время производили описание книг. Эта часть его библиотеки сохранилась единым комплексом в Русском фонде БАН СССР. Иностранная часть собрания, состоящая большей частью из конволютов, до сих пор до конца еще не разобрана. Она описана только по первому аллигату. Именно это и служит причиной невозможности определения размеров библиотеки Куника.

В протоколах общего собрания Библиотеки Академии наук 1900 г. было записано следующее решение: «Хранить все книги и бумаги А. А. Куника как одно целое в виде части академической библиотеки, под названием Куниковской библиотеки „Bibliotheca Kunikiana“».[12] Но принятое решение исполнено не было. Уже в 1900 г. автографы трудов, переписка Куника и копии портфелей Миллера были переданы в Архив Академии наук, 5 русских рукописей попали в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук. В 1907 г., когда рукописи Иностранного отделения переводились в помещение Минц-кабинета, рукописи Куника на иностранных языках поступили также в это собрание.[13] В настоящее время

---

[11] История Библиотеки Академии наук... С. 242.

[12] Там же. С. 242; Протоколы общего собрания Библиотеки Академии наук за 1900 г. СПб., 1900. § 132, 182, 229.

[13] История Библиотеки Академии наук... С. 283.

книги Куника находятся в трех отделах библиотеки: собрание русской книги в Русском фонде отдела обслуживания, в собраниях иностранных и русских книг отдела рукописной и редкой книги, часть иностранных и русских книг — в отделе ретроспективного комплектования и обменно-резервного фонда. Эта часть впоследствии будет передана в отдел рукописной и редкой книги.

Нельзя сказать, что в 1900 г. все книги Куника были разобраны и описаны. В 1925 г. снова началась предварительная разборка книжных собраний Куника и Корша, а в 1926 г. решили выделить из нешифрованного фонда Библиотеки Академии наук собрание Куника и поставить его в Русском отделении.[14] Работа по описанию книг Куника продолжалась и в 1929 г., когда была обработана большая часть русских книг — 8601 библиотечных единиц и составлена алфавитная картотека на русскую часть.[15]

В 1937 г. уникальные библиотеки Куника (обработанная часть) и Черткова были переведены в отдел особых фондов при Русском отделении, где они находятся до настоящего времени.

Тем не менее даже не все русские книги из собрания Куника попали в 1-е отделение. Часть их, включенная в конволюты, описанные по первому иностранному аллигату, была отдана в обменно-резервный фонд в том же 1929 г. Свои конволюты Куник, как правило, составлял не по языковому, а по тематическому принципу, включая в них издания разного времени и на различных, не всегда европейских языках. Некоторые темы были настолько полно собраны, что эти подборки составляли не один конволют. Примером может служить история варягов, славянская филология, Полоника, Руссика и т. п. Все собрание Куника систематизировано и имело свои шифры и номера. Этой шифровки не придерживаются ни в одном отделе, имеющем книги Куника, и его пометы на титульных листах и на корешках конволютов часто служат единственным определителем принадлежности книги. Книжное собрание Куника не имело, кроме характерных помет на титульных листах, ни экслибриса, ни суперэкслибриса. Конволюты из его библиотеки также можно узнать по характерному темно-серому коленкоровому переплету и желтой наклейке на корешке.

Хотя в собрании Куника и были отдельные редкие издания, в целом оно служило ему рабочим инструментом, и мно-

---

[14] История Библиотеки Академии наук... С. 345, 359.
[15] Там же. С. 360.

гие книги носят следы работы: пометы, исправления, дополнения, ссылки на литературу по теме, неизвестную автору, указания на библиографические справочники, раскрытые анонимы и т. п. Однако на изданиях XVI—XVIII в., которые очень ценил Куник, никаких помет, за исключением номеров, не имеется. Были у Куника и уникальные издания. Главным образом, это книги на польском языке, изданные на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, сохранившиеся, как правило, в одном-двух экземплярах. В его библиотеке имелись: «Grammatyka polsko-niemecka» (Polock, 1793), «Krotkie sebranie historyi rzymskiey od załozenia Rzymu az do naszych czasów» (Polock, 1795), «Upior Ukrainski» (Warszawa, 1789) и т. д.

Самыми редкими в этом собрании являются «Библия вульгата», изданная на латинском языке в 1532 г., «Индекс запрещенных книг», публикуемый папской курией в Риме начиная с 1564 г., принятый на Тридентском соборе и регулярно выпускавшийся с дополнениями и исправлениями, «Катехизис природы» Ф. Г. Штрубе де Пирмона, направленный против Гельвеция и Гольдбаха и др.[16]

Наиболее ценной в собрании Куника была часть, посвященная истории России, особенно ее международным связям. Куник специально не коллекционировал издания сочинений иностранных авторов о Русском государстве, но поскольку его интересы касались сравнительной лингвистики и истории образования государства на Руси, исторические труды о нашем государстве XVII—XVIII вв., в которых затрагивались вопросы, связанные с происхождением славянских народов, должны были попасть в его библиотеку.

Смутное время в истории России — один из тех периодов, которому много внимания уделяли западноевропейские писатели, путешественники и очевидцы. Особой популярностью пользовались сочинения участников этих событий. Донесение французского капитана на русской службе Жака Маржерета (Маржере) «Состояние Российской империи и великого княжества Московского. С тем, что произошло наиболее памятного и трагического во время царствования четырех императоров: а именно, с 1590 по 1606 г. В сентябре» в XVII веке издавалось дважды — в 1607 и в 1669 годах. В нем описываются события русской истории конца XVI — начала

---

[16] Biblia vulgata. S. l., 1532; Index librorum prohibitorum. Zamosci, 1604; *Strube de Pyrmont F. H.* Cathèchisme de la Nature. St. Petersbourg, 1774.

XVIII в. (время правления Бориса Годунова, походы самозванцев на Москву, гибель Лжедимитрия I и т. д.). В собрании Куника имелось второе издание этой книги.[17]

Дополняет и развивает события Смутного времени сочинение лейб-медика царя Алексея Михайловича Самюеля Коллинза «Любопытное донесение о современном состоянии России, переведенное с английского, автора, который девять лет был при дворе великого царя. С историей революций, происшедших при захвате власти Борисом и самозванцем Димитрием, последних императорах Московии». Вторая часть этой книги является переводом на французский язык брошюры Р. Менли «Русский самозванец, или История Московии при узурпаторе Борисе и самозванце Димитрии», изданная, как и сочинение Коллинза, на английском языке, но не в 1667, а в 1674 г. Имевшийся в собрании Куника французский перевод обоих сочинений был издан в Париже в 1679 г. анонимно. На титульном листе своего экземпляра Куник указал: «Par Sam. Collins".[18]

О России времени царствования Алексея Михайловича подробно рассказал в своей книге придворный математик и библиотекарь герцога Голштейн-Готторпского Адам Олеарий, который с посольством этого герцога дважды, в 1633 и 1636 гг. посетил Московское государство по пути в Персию. В 1647 г. на немецком языке впервые появилось описание этого путешествия и надолго стало одним из важнейших трудов о Русском государстве середины XVII в. В 1659 г. вышел в свет его перевод на французский язык, сделанный А. де Викефортом и озаглавленный: «Донесение о путешествии Адама Олеария в Московию, Татарию и Персию. Дополненное в этом новом издании более чем на треть и особенно во второй части, содержащей путешествие Жана Альберта де Мандельсло в Восточные Индии» (Париж, 1669).[19]

Известия о первых годах жизни Петра I содержатся в книге Фуа де Невилля, который по поручению француз-

---

[17] *Margeret J.* Estat de l'Empire de Russie, et Grande Duche de Moscovie. Avec ce qui s'y est passé de plus memorable et tragique, pendant le regne de quatre Empereurs: à savoir depuis l'an 1590. jusques en l'an 1606. En Septembre. Paris, 1669.

[18] *Collins S.* Relation curieuse de l'estat present de la Russie avec histoire des revolutions arrivées sous l'usurpation de Boris et de l'imposture de Demetrius, derniers Empereurs de Moscovie. Paris, 1679.

[19] *Olearius A.* Relation du voyage d'Adam Olearius en Moscovie, Tartarie et Perse. Augmentée en cette nouvelle edition de plus d'un tiers, et particulierement d'une seconde partie contenant le voyage de J. A. Mandelslo aux Indes Orientales. P. 1—2. Paris, 1659.

ского правительства под видом польского посла посетил Русское государство в августе — декабре 1686 г. Это сочинение озаглавлено: «Любопытное и новое донесение о Московии, содержащее современное состояние этой империи. Походы Московитов в Крым в 1689 г. Причины последней революции. Их нравы и религия. Рассказ о сухопутном путешествии Спафария в Китай» (Гаага, 1698).[20]

С 1668 по 1670 г. жил в Русском государстве голландец Ян Янсен Стрейс (Стрюйс), который принял участие в восстании Степана Разина и даже плавал с ним по Волге. Возвратясь в Голландию, он описал свое путешествие и издал описание в Амстердаме в 1676 г. По сообщению Ф. Аделунга одна из современных копий этого сочинения хранилась в Библиотеке Академии наук.[21] Книга Стрейса в собрании Куника была в переводе на французский язык с дополнениями господина Гланиуса. На этом экземпляре, кроме поставленных рукой Куника номеров, нет никаких помет.[22]

История правления Петра I и материалы к его биографии также интересовали Куника, который собрал в своей библиотеке наиболее интересные прижизненные и посмертные издания XVII—XVIII вв., посвященные жизни и деятельности первого русского императора и опубликованные за рубежом. Одним из ранних сочинений иностранцев о России времени правления Петра I является 7-й том «Исторических путешествий по Европе», в котором дается описание Московии. Восьмитомный труд, в состав которого входит это описание, представляет собой компиляцию из разных сочинений, посвященных различным государствам Европы. Он составлен книготорговцем из Лейдена Клодом Жорданом и издан под криптонимом «B. F.». В собрании Куника имелся только этот седьмой том 4-го издания, напечатанный в Амстердаме Пье-

---

[20] *Foy de la Neville.* Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, contenant l'état present de cet Empire. Les Expeditions des Moscovites en Crimée, en 1689. Les causes des dernieres Revolutions. Les Meurs, et leurs Religion. Le Recit d'un Voyage de Spatarus, par terre, à la Chine. La Haye, 1698.

[21] *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. Ч. 2. М., 1864. С. 180.

[22] *Struys J. J.* Les voyages de Jean Struys, en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes, et en plusieurs autres pais étrangeres; Accompagnés de remarques particulières sur la qualité, la Religion, le gouvernement, les coutumes et le négoce des lieux qu'il a vus; avec quantité de figures en taille duce dessinées par lui-même; et deux lettres qui traitent à fond des malheurs d'Astracan. A quoi l'on a ajouté comme une chose digne d'être suë, la Rélation d'un naufrage, dont les suites ont produit des effets extraordinaires. Par monsieur Glanius. Amsterdam, 1681.

ром де Ку. Карта, составленная Герритом де ля Фером, отсутствует. Книга была написана по сочинениям А. Олеария и П. Петрея, а главы, посвященные Петру и его предшественникам, видимо, — по сочинению Фуа де Ла Невилля.[23]

«Путешествие из Москвы в Китай» 1692—1695 г., описанное русским послом от царей Ивана и Петра Алексеевичей голландцем Еверардом Исбрантом Идесом, также имелось в собрании Куника, но не в оригинале, а во французском переводе. Оно входит в 8-й том «Собрания путешествий на Север», изданный в Амстердаме в начале XVIII столетия.[24]

Обзор иностранных сочинений о России XVII в. можно закончить переводом на немецкий язык «Соборного уложения» царя Алексея Михайловича, опубликованного на русском языке в 1649 г. Этот перевод был сделан профессором истории и государственного права Иенского университета, историографом Саксонского дома Бурхардом Готгельфом Струве и издан в Гданьске в 1723 г.[25]

Несколько особняком стоят две книги, в которых речь идет об истории Московского великого княжества. Первая из них — «Введение в Московитскую историю со времени, когда Москва из многих мелких княжеств становится большим государством, до Столбовского мира с шведами 1617 г.» — была написана немецким историком, профессором морали, политики, истории и государственного права в Гельмштедтском (Брауншвейгском) университете, затем профессором Геттингенского университета Готлибом-Самуилом Трейером. Он известен своими трудами о Русском государстве, причем его сочинения о России, проводящие параллель между Иваном Грозным и Петром I, являются апологией первого русского императора. Самой популярной из них было «Введение», вышедшее в свет в Гельмштедте в 1720 г.[26]

---

[23] *Jordan C.* Voyages historiques de l'Europe, tome 7, qui comprend tout ce qu'il a de plus curieux dans la Moscovie. Par Mr. de B. F. Amsterdam, 1718.

[24] *Ides E. Y.* Voyage de Moscou à la Chine // Recueil des Voyages au Nord. T. 8. Amsterdam, 1727.

[25] Allgemeines Russisches Land-Recht wie solche auf Befehl Ihr. Czaar. Majest. Alexei Michailowicz zusammen getragen worden damit allen Ständen des Moscowitischen Reiche vom höchsten biss zum Niedrigsten Gleichmässiges Recht und Gerechtigkeit in allen Dingen wiederfahren möge. Aus dem Russischen ins Teutsche übersetzt nebst einer Vorrede Burchard Gottgelff Struvens. Dantzig, 1723.

[26] *Treuer G.-S.* Einleitung zur Moscowitischen Historie von der Zeit an da Moscov aus vielen kleinen Staaten zueinem Grossen Reiche gedienen; Biss auf den Stolbovischen Frieden mit Schweden Anno 1617 dessen Instrument beygefüget ist; Mit unpartheyischer Feder. Aus Denen bewährtesten

Следующая книга — «Заключение Нейштадтского мира», изданная в 1722 г. в Нюрнберге анонимно, также содержит довольно подробную историческую справку о Русском государстве начиная с XVI в. Особенно подробно изложены в ней русско-шведские отношения до Нейштадтского мира. Но идеологическая направленность этой книги прямо противоположна сочинению Трейера. В заключительных главах автор ставит под сомнение правомочность присоединения к России Карелии и Ингрии. В начале книги перед текстом даны портреты государей, заключивших Нейштадтский мир в 1721 году: Фредрика Шведского и Петра Великого.[27]

О причинах Северной войны, ее необходимости и справедливости для России говорится в переведенной на немецкий язык книге Петра Шафирова «Рассуждение, какие законные причины его величество Петр великий... к начатию войны против короля Карола 12 Шведского 1700 году имел...».[28] Перевод, видимо, был сделан с третьего русского издания, напечатанного в Петербурге в 1722 г., хотя на титульном листе поставлен год 1717-й — год выхода первого издания. Расположение материала и формат тоже соответствуют третьему изданию. Русские издания 1717 и 1722 г. также имелись в библиотеке Куника.

Одним из важнейших западноевропейских трудов о России Петровского времени является «Преображенная Россия» ганноверского резидента Х. Ф. Вебера, который находился при русском дворе с 1714 по 1719 г. Впервые оно напечатано во Франкфурте в 1721 г. Затем последовали переиздания 1738 и 1744 гг. В собрании Куника было третье издание первого тома из библиотеки императрицы Александры Федоровны с ее экслибрисом.[29] Книга Вебера переводилась и на другие европейские языки. Очень популярен был ее перевод

Scribenten gezogen. Leipzig und Wolffenbüttel, Verlegts Gottfried Freytags seel. Wittibe; Helmstädt, gedruckt bey Salomon Schnorrn, 1720.

[27] Schlüssel zu dem Nystädtischen Frieden, welcher nebst einer Chronologischen Tabelle derer Könige Schweden und Czaaren in Moscau, ingleichen einer Geographisch- und Historischen Beschreibung von Finnland, Ingermanland, und Liefland, die vornehmsten Krieg- und Friedens-Geschichte der beiden Reiche, kürtzlich und unpartheisch eröffnet und anzeiget: wobey die Wiburg-Stolbow-Cardisch- und Nystädtische Vertrage und Friedenschlüsse, theils in Forma, theils summarisch angeführet. Nürnberg, 1722.

[28] *Safirov P.* Raisonnement, was für Rechtmässige Ursachen Se. Czaarische Majest. Petrus der Erste... gehabt, den Krieg wider den König in Schweden, Carolum den XIIten Ao. Christi 1700... anzufangen... S. l. et a.

[29] *Weber Ch. F.* Das veränderte Russland, in welchem die jetzige Verfassung des Geist- und Weltliche Regiments, der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser, der wahre Zustand der Russischen Finnantzen, die geöffne-

на французский язык 1725 года с приложением составленного шведским драгунским капитаном И. Б. Миллером описания сибирских народов, а также описаний Петербурга и Кронштадта.[30]

В 1725 г. в Гааге, а затем в 1726 г. в Амстердаме был издан четырехтомный труд «Записки о царствовании Петра Великого», на титульном листе которого стояла фамилия автора, по национальности якобы русского, — Иван Нестесураной. На самом же деле это имя было мистификацией. Под анограммой скрывался известный французский историк начала XVIII в. Ж. Руссе де Мюсси. Он использовал материалы русского агента в Западной Европе барона Г. Гюйсена, распространяемые там по поручению Петра I. Книга пользовалась большой популярностью как в европейских странах, так и в России благодаря наличию всевозможных сведений о государстве и о самом Петре, личность которого привлекала постоянное внимание исследователей и образованных людей XVIII — начала XIX в. Безусловно, такая книга была в собрании каждого ученого, занимающегося историей России. Была она и в библиотеке Куника во втором дополненном амстердамском издании 1728—1730 гг.[31]

В русских частных собраниях второй половины XIX в. большой редкостью были издания, опубликованные в Англии в XVII—XVIII в. И в библиотеке Куника они также отсутствуют. Исключение составляет «История русского императора Петра Первого», написанная генерал-майором русской службы Александром Гордоном, племянником знаменитого Патрика Гордона, и изданная в Абердене в 1755 г. Приложением к этому двухтомному сочинению служит описание Петербурга и Кронштадта, выбранное из различных сочинений.[32]

---

ten Berg-Wercke, die eingeführte Academien, Künste, Manufacturen... Ingleichen die Begebenheiten des Czarewitzen, und was sich sonst merckwürdiges in Russland zugetragen, Nebst verschiedenen bisher unbekannten Nachrichten vorgestellet werden. Neu-Verbesserte Auflage. Th. 1. Franckfurt und Leipzig, 1744.

[30] *Weber Ch. F.* Nouveaux memoires sur l'etat present de la Grande Russie ou Moscovie. T. 2. Paris, 1725.

[31] *Roussel de Mussie J.* Memoires du regne de Pierre le Grand empereur de Russie, pére de la Patrie etc. Par le B. Iwan Nestesuranoi. T. 1—4. Amsterdam, 1728—1730.

[32] *Gordon A.* The History of Peter the Great, Emperor of Russia. To which is prefixed, A short General History of the Country, from the Rise of that Monarchy; and an Account of the Author's Life. In two volumes. Aberdeen, 1755. Vol. 1—2.

В конце XVIII — начале XIX в. умами всех просвещенных людей России владел Ф. М. А. Вольтер. Его труды, в том числе и написанная по поручению императрицы Елизаветы Петровны «История Российской империи при Петре Великом», пользовались огромной популярностью во всей Европе, в России, и ни одна значительная библиотека того и даже более позднего времени без них не обходилась. Сочинение Вольтера о России не было оценено лишь тем государством, для которого оно писалось, поскольку бо́льшая часть присылаемых ему русских материалов не использовалась, да и планы Вольтера расходились с планами Петербургской Академии наук, по заказу которой он начал работу над книгой. Тем не менее она пользовалась популярностью и переводилась в XVIII в. на все европейские языки.[33] Куник в своем собрании также имел «Историю Российской империи» как на языке оригинала, так и в переводе на немецкий язык. Первый том книги Вольтера был издан в 1759 г. в Женеве без указания на титульном листе места печати. Второй том вышел в свет много позже, только в 1763 г. В библиотеке Куника первый том был в двух экземплярах. Один из них — подносной, переплетенный в красный марокен, — напечатан на прекрасной александрийской бумаге. Второй экземпляр, более скромный, ранее принадлежал Ивану Шешковскому и составлял комплект со вторым томом 4-го издания, опубликованного в Амстердаме в 1764 г.[34] Кроме того, у Куника было еще два издания книги Вольтера на французском языке: 1803 г. (11-го года республики), 11-е стереотипное издание, напечатанное в знаменитой парижской типографии Фирмен-Дидо,[35] и лондонское издание 1838 г.[36] Из переводов на другие языки у Куника был перевод на немецкий язык, сделанный Иоганном-Михаелем Губе, напечатанный в 1761 г. во Франкфурте с исправлениями и дополнениями Антона Фридриха Бюшинга.[37]

---

[33] *Пекарский П. П.* История имп. Академии наук. СПб., 1873. Т. 2. С. 618.

[34] *Voltaire F. M. A.* Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand, par l'Auteur de l'histoire de Charles XII. T. 1. S. l. (Génève), 1759; T. 2. Amsterdam, 1764.

[35] *Voltaire F. M. A.* Histoire de l'Empire de Russie, sous Pierre-le-Grand. Par Voltaire. Édition stéreotype, d'après le procédé de Firmin Didot. T. 1—2. Paris, An XI (1803).

[36] *Voltaire F. M. A.* Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand. Par Voltaire. Avec la signification des idiotismes en anglois, par N. Wanostrocht. Londres, 1828.

[37] *Voltaire F. M. A.* Franz Maria Arouet von Voltaire Geschichte des russischen Reichs unter Peter dem Grossen. Aus dem Französischen über-

В 1785 г. в Лейпциге вышло в свет первое издание «Оригинальных анекдотов о Петре Великом», составленное профессором элоквенции и поэзии Петербургской Академии наук Я. Я. фон Штелиным. Двумя годами позже эту книгу, которая приобрела большую популярность в России и за рубежом, перевел на французский язык Л. И. Ришу. Это французское издание и было в библиотеке Куника.[38]

Не только книги о Петре I собирал Куник в своей библиотеке. В ней также имелись сочинения о государственных деятелях Петровского времени и прежде всего — о А. Д. Меншикове и Б. Х. Минних. Брошюра, содержащая наиболее пикантные подробности из биографии Меншикова и вследствие этого запрещенная в России, была издана анонимно без указания места печати в 1728 г. Свой экземпляр Куник приобрел на распродаже дублетного фонда Имп. Публичной библиотеки, о чем свидетельствуют характерный переплет из мраморной бумаги и наклейка с шифром.[39] Книга о жизни и деятельности графа Миниха, изданная в 1742 г. в Германии, скорее всего, переплета не имела, поскольку она была включена Куником в один из своих конволютов из раздела «Биографии». Это сочинение является первым аллигатом конволюта и в отличие от многих других изданий из собрания Куника сохранила фронтиспис — портрет Миниха. «Жизнь, деяния и достопамятное падение графа Бурхарда Христофа Миниха» была написана известным автором Х. Гемпелем, который подписал предисловие анограммой своего имени: «Phleme». В России она входила в число книг, запрещенных к ввозу и продаже.[40]

Очень популярные в России и за границей «Исторические, политические и военные записки о России с 1727 по 1744 г.» прусского генерала на русской службе Х.-Г. Манштейна

setzt von Johann Michael Hube, und mit Zusätzen und Verbesserungen herausgegeben von D. Anton Friedrich Büsching. Franckfurt, 1761. Th. [1]—2.

[38] *Stählin J. van.* Anecdotes originales de Pierre le Grand recueilles de la conversation de diverses personnes de distinction de S. Petersbourg et de Moscou. Ouvrage traduit de l'alemand. [Par L. J. Richou]. Strasbourg, 1787.

[39] Historische Nachricht von dem ehemahligen grossen Russischen Staats-Ministre Alexandro Danilowiz Fürst von Menzikof, nebst dessen Abwechslenden curieusen Fatalitäten. S. l., Anno 1728.

[40] *Hempel C. F.* Leben, Thaten, und Berübter Fall des Weltberuffenen Russischen Grafens Burchard Christophs von Münnich, gewesenen Kayserl. Premier-Ministers, und General Feld-Marschalls in Russland, etc. Aus sichern Nachrichten, bis auf den heutigen Tag, umständlich beschrieben. Braunschweig und Leipzig, 1742.

в библиотеке Куника представлены двумя изданиями. Первое из них вышло в свет в Лейпциге в 1771 г. и, видимо, является первым изданием оригинала сочинения Манштейна, сначала написанного, после его бегства из России в 1744 г., по-немецки, а затем им же самим переведенного на французский язык для прусского короля Фридриха II.[41] Второе издание было опубликовано в Лионе в двух томах с приложением карт и планов сражений русско-турецкой войны 1735—1739 гг., участником которой был сам автор.[42] «Записки» Манштейна оказали большое влияние на книгу о России итальянского ученого графа Франческо Альгаротти, которая также во втором итальянском издании 1763 г. имелась в собрании Куника.[43]

Широко известными в XVIII — начале XIX в. в Западной Европе, но запрещенными в России были «Московитские письма» итальянского авантюриста графа Франческо Локателли, направленные против русского правительства и впервые изданные в Париже в 1736 г. В 1738 г. по инициативе А. Кантемира в Лейпциге появился перевод этой книги на немецкий язык с большими примечаниями, которые должны были доказать западноевропейской общественности, что «Московитские письма» — злой памфлет на Россию, появившийся потому, что их автор был выслан за пределы Русского государства как иностранный шпион. В библиотеке Куника был именно этот перевод, причем ранее эта книга принадлежала Л. И. Бакмейстеру и, видимо, попала к Кунику при распродаже дублетного фонда Имп. Публичной библиотеки, куда ранее было отдано собрание книг Л. И. Бакмейстера.[44]

---

[41] Книга Манштейна долгое время ходила в списках в западноевропейских странах и впервые была опубликована на английском языке в Лондоне в 1770 г. Затем появился в печати ее оригинал на французском языке, именно он и был в библиотеке Куника. *Mannstein Ch. G.* Memoires historiques, politiques et militaires sur la Russie depuis l'année 1727, jusqu'à 1744. Avec un Supplemént, contenant une idée succincte du militaire, de la marine, du commerce etc. de ce vaste Empire. Ouvrage écrit en François par le general de Manstein. Avec la vie de l'Auteur par m. Huber et une carte géographique. Leipzig, 1771.

[42] *Mannstein Ch.-G.* Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, contenant les principales Révolutions de cet Empire, et les guerres des Russes contre les Turcs et les Tartares; avec un Supplément qui donne une idée du militaire, de la marine, du commerce, etc. de ce vaste Empire. Nouvelle edition, augmentée de plans et de cartes avec la vie de l'auteur. T. 1—2. Lyon, 1772.

[43] *Algarotti F.* Saggio di lettere sopra la Russia. Editio seconda, revista, ed accresciuta dall'Autore. Pariggi [Paris], 1763.

[44] *Locatelli F.* Die so genannte Moscovitische Brieffe, oder Die wider die löbliche Russische Nation von einem aus der andern Welt zurück ge-

Начало царствования Елизаветы Петровны совпало с началом русско-шведской войны 1741—1743 гг., закончившейся заключением Абоского мира 7 августа 1743 г. Эта война не принесла ни одной из воюющих сторон никаких территориальных изменений, но она оставила значительный след в истории, поскольку русские и шведские оригинальные документы были напечатаны в Гданьске в 1742 г. и широко распространились как в Западной Европе, так и в России. Всего было издано 23 документа, в которых вместо города, где они печатались, указывалось место их первой публикации.[45] В собрании Куника имелся Шведский манифест против России, изданный в Стокгольме 24 июля 1741 г., причем эта брошюра была им также приобретена на распродаже дублетного фонда Имп. Публичной библиотеки.[46] Подобным же образом в Гданьске был издан и «Русский манифест против шведов», только на титульном листе его как место издания проставлен Петербург.[47]

Таким же образом были перепечатаны в Гданьске (Данциге) русские официальные материалы, касающиеся восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны. В собрании Куника было три манифеста: о восшествии на престол, от 2-го ноября 1741 г., о всемилостивейшем прощении преступников, от 15 декабря 1741 г., и о наказании графов Остермана, Минниха, Головкина, Левенвольде, Менгдена и др., от 22 января 1742 г.[48] Была у Куника и подобная этим изданиям ода Я. Штелина, посвященная началу царствования Елизаветы Петровны.[49] Все перечисленные издания представляют собой перепечатку из соответствующих

---

49 *Stählin J. von.* Allerunterthänigster Glück-Wunsch zum Antritt der aller-durchlauchtigsten... Kayserin Elisabeth Petrowna Beherrscherin aller kommenen Italiäner ausgesprengte abendtheurliche Verläumdungen und Tausend-Lügen. Aus dem Frantzösischen übersetzt, mit einem zulänglichen Register versehen, und den Brieffsteller so wohl, als seinen gleichgesinnten Freunden, mit dienlichen Erinnerungen wieder heimgeschickt von einem Teutschen. Franckfurt und Leipzig, 1738.

45 Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в. Л., 1986. Т. 3. Приложение 3: № 35, 42, 46.

46 Schwedisches Manifest wider Russland. Stockholm, den 24 Julii 1741. [Dantzig, 1742].

47 Russisches Manifest wieder Schweden. Petersburg, 1741. [Dantzig, 1742].

48 Manifeste der aller-durchlauchtigsten, grossmächtigsten Elisabeth der Ersten... St. Petersburg, gedruckt im Senat, 1741. [Dantzig, 1742]; Gnaden-Mandat der... Elisabeth der Ersten... all alle getreue Unterthanen Ihres Reichs. St. Petersburg, den 16. Decembr. 1741. [Dantzig, 1742]; Manifest. Die Grafen von Ostermann, Münnich, Golofkin, Löwenwolde, Mengden etc. betreffende. St. Petersburg, 1741. [Dantzig, 1742].

номеров «Санктпетербургских ведомостей» на немецком языке 1741 и 1742 гг.

Время царствования Елизаветы Петровны в собрании Куника представлено слабо, чего нельзя сказать о кратковременном правлении в России ее племянника Петра III, убитого во время дворцового переворота 1762 г. Это событие привлекло внимание зарубежных писателей и путешественников и получило за границей название русской революции. Издания, ей посвященные, были запрещены к ввозу в Россию как в XVIII, так и в XIX в.

События, предшествовавшие восшествию на престол Екатерины II, получили за рубежом огромный резонанс. Особенно много внимания им уделялось во Франции. Как правило, сочинения, касающиеся этой темы, выходили в свет анонимно или под криптограммами. Уже в 1763 г. во Франкфурте и Лейпциге на французском языке были изданы «Мемуары, служащие к истории Петра III», подписанные криптограммой «Mr. D. G.***» с приложением портрета убитого императора. Виньетка на титульном листе представляет аллегорию этого события: на гравюре изображена овца, на которую накинулись хищные звери и терзают ее. В стороне с факелом в лапах стоит самка шакала, символизирующая Екатерину II.[50] Само собою разумеется, что подобная книга к ввозу и распространению в России была запрещена. Автором этой книги, как и опубликованных также во Франкфурте и Лейпциге приложений к ней, был француз А. Гудар, который скрыл свое имя под криптограммой.[51]

Фронтиспис — портрет Петра III — и гравюра на тот же сюжет, что и в книге Гудара, помещены в изданной в 1764 г. также во Франкфурте и Лейпциге анонимной брошюре «Разговоры в царстве мертвых между Августом III и Петром III». Рисунок гравюры несколько изменен: факел в лапах шакала заменен пучком колосьев, и добавлена фигура осла в священническом облачении.[52]

Reussen, etc. Am frohen Gedächtniss-Fest der hohen Geburt I. K. M. den 18. Decembr. 1741. demüthigst abgefasset von der Kayserlichen Academie der Wissenschafften. [Dantzig, 1742].

[50] *Goudar A.* Memoires pour servir à l'histoire de Pierre III. empereur de Russie. Avec un detail historique des differends de la maison de Holstein avec la Cour de Dannemarc. Publié par Mr. D. G***. Francfort et Leipzig, 1763.

[51] Suplement aux Memoires de Pierre III. Empereur de Russie. Francfort et Leipzig, 1763.

[52] Unterredung im Reiche derer Todten zwischen Sr. Königl. Majestät von Polen August dem Dritten und Sr. Russischkayserl. Majestät Petern dem Dritten worin beyder hohen Monarchen merkwürdige Lebensgeschichte aus zuverlässigen Nachrichten erzählet wird. Franckfurt und Leipzig, 1764.

Через десять лет после выхода в свет книги Гудара в 1773 г. в Лейпциге на немецком языке появилось сочинение, озаглавленное: «Достопримечательная история жизни несчастного русского императора Петра III», изданное под псевдонимом «Друг правды». Под этим именем скрывался голштинский автор, посвятивший ряд своих трудов скандальной истории России, — Михаель Ранффт. Происхождением автора и объясняется повышенный его интерес к личности Петра III, но отношение его к Екатерине II более лояльное, нежели у Гудара, которого русская императрица за его сочинения считала своим личным врагом.[53]

Широко известная и очень популярная за границей и в России, долгое время ходившая в списках книга Ш. М. Рюльера «История или анекдоты о русской революции в 1762 г.» была им написана по личным впечатлениям в 1768 г. Однако правительство Екатерины II приложило все усилия, чтобы при жизни императрицы она не увидела свет. Опубликованную в 1797 г. книгу называли пасквилем, апокрифом и пр., и к распространению в России она была запрещена. Тем не менее, до конца XVIII в. на языке оригинала и в переводах она выдержала девять изданий.[54] Имелась она и в библиотеке Куника.

Трехтомная «История Петра III, российского императора», опубликованная анонимно в Париже в 1799 г. (7-й год Французской республики) была написана агентом французского правительства Ж.-Ш. Лаво в конце XVIII в.[55] События, названные в заглавии, составляют только первый том этого труда. Второй и третий тома посвящены времени правления в России императрицы Екатерины II и дают достаточно подробно изложение событий ее царствования. Особенно привлекали автора интимная жизнь императрицы и восстание под руководством Емельяна Пугачева. Кроме личных впечатлений автор, скрывшийся под псевдонимом «Автор жизни Прусского короля Фридриха II», использовал наиболее по-

---

[53] *Ranfft M.* Die merkwürdige Lebensgeschichte des unglücklichen Russischen Kaysers Peters des Dritten, sammt vielen Anecdoten des Russischen Hofe und derer Personen, die seit einiger Zeit an solchem geherrschet, oder sonst viel gegolten haben; aus zuverlässigen Nachrichten ans Licht gestellt von einem Freunde der Wahrheit. Leipzig, 1773.

[54] *Ruhlière Ch.-M. de.* Histoire ou Anecdotes sur la Revolution des Russie en 1762. Paris, 1797.

[55] *Сомов В. А.* О книге Ж.-Ш. Лаво «История Петра III» // Книга в России. XVI — середина XIX в. Книгораспространение, библиотеки, читатель: Сборник научных трудов. Л., 1987. С. 102—116.

пулярные сочинения о дворцовом перевороте в России 1762 г.[56]

Все перечисленные сочинения о событиях так называемой русской революции середины XVIII в. были запрещены к ввозу и распространению в России. Тем не менее, они имелись и в государственных, и во многих частных собраниях. Были они и в библиотеке Куника, хотя событиями русской истории XVIII в. он непосредственно не занимался.

Собрание книг о России академика А. А. Куника настолько обширно и интересно, что размеры статьи не позволяют дать хотя бы краткий обзор всех имеющихся у него сочинений иностранных авторов, посвященных истории Российского государства. Настоящий обзор заканчивается свержением и убийством Петра III, событием, которое в западноевропейских странах получило название первой русской революции. Восшествие на престол и царствование Екатерины II — тема, настолько обстоятельная в трудах западных авторов и в собрании Куника, что она требует особого исследования.

Все перечисленные в обзоре книги были прочитаны и изучены Куником. Он определил большую часть анонимных авторов и на форзацах ряда книг, которые отдавал в переплет или объединял в конволюты, указал, в каких справочниках найдены сведения об этом издании.

В заключение необходимо отметить, что, не будучи историком XVIII в., Куник собрал об этом времени в России наиболее интересные и ценные труды иностранных авторов, которые до настоящего времени пользуются заслуженным вниманием.

---

[56] *Laveau J.-Ch.* Histoire de Pierre III, empereur de Russie, imprimé sur un manuscrit trouvé dans les papiers de Montmorin, ancien ministre des affaires étrangères, et composé par un agent secret de Louis XV, à la cour de Pétersbourg; Avec des éclairsissemens et des additions importantes; Suivie de l'Histoire secréte des amours et des principaux amans de Catherine II. Par l'Auteur de la Vie de Frédéric II, roi de Prusse. T. 1—3. Paris, An VII (1799).

И. М. БЕЛЯЕВА

БИБЛИОТЕКА МИХАЛКОВЫХ КАК ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В ФОНДЕ ИНОСТРАННЫХ ИЗДАНИЙ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

За 275 лет своего существования Библиотека Академии наук собрала в своих фондах уникальные книжные богатства, превратившие ее в одно из крупнейших книгохранилищ мира. Основанная в 1714 г., Библиотека на протяжении первых десятилетий пополнялась преимущественно частными книжными собраниями: А. Питкарна, А. Виниуса, Р. Арескина, Я. Брюса, Э. Пальмстрика.[1] Ценным приобретением были книги из собрания Петра I.[2] В 40-х годах XVIII в. в фонды БАН поступил ряд книжных коллекций, конфискованных у попавших в опалу лиц: А. И. Остермана, Б. Х. Миниха, М. Г. Головнина.[3] В 1772 г. из резиденции князей Радзивиллов была привезена большая библиотека, насчитывавшая около 15 тысяч книг.[4]

В XIX — начале XX в. в фонды БАН поступили собрания Е. Е. Келлера, Д. К. Петрова. Одной из самых больших коллекций является книжное собрание Михалковых. Это, пожалуй, единственная частная коллекция, которая полностью отражена в генеральном алфавитном и систематическом каталогах БАН.

Михалковы — древний дворянский род.[5] Их поместье находилось в селе Петровском Ярославской губернии близ Рыбинска. Владельцы Петровского в течении целого столетия трудились над пополнением книжного собрания своего родового имения. К началу XX века библиотека насчитывала около 50 000 книг.[6]

---

[1] История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.; Л., 1964. С. 18—20, 25.

[2] Там же. С. 24—25, 51.

[3] Там же. С. 54.

[4] Там же. С. 138.

[5] Энциклопедический словарь / Ред. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. СПб., 1896. Т. 19А. С. 499.

[6] *Иваск У. Г.* Частные библиотеки в России. СПб., 1912. Ч. 2. С. 10; *Параделов М. Я.* Адресная книга русских библиофилов. М., 1904. С. 73;

Истории собирания, родословной собирателей, а также частично составу коллекции посвящена недавно опубликованная статья И. В. Сахарова.[7] Мы остановимся на истории поступления книжного собрания в Библиотеку Академии наук и дадим описание этой части коллекции Михалковых.

25 октября 1909 г. Опекунское управление над личностью и имуществом отставного гвардии штабс-ротмистра А. В. Михалкова обратилось в Академию наук с заявлением: Опекунское управление, желая предоставить общественному пользованию библиотеку, собранную отцом опекаемого В. С. Михалковым, имеет честь уведомить Академию наук, что оно жертвует эту библиотеку Академии наук и высказывает желание, чтобы эта библиотека называлась именем Владимира Сергеевича Михалкова.[8] Большая часть книг по истории России на русском языке была предназначена для города Рыбинска в качестве основного фонда городской библиотеки имени Михалковых.[9] Гравюры и часть новейшей для того времени французской литературы по решению Опекунского управления осталась у наследников и не перешла во владение Академии.[10]

Для принятия и перевозки книг в Петербург и Рыбинск были командированы два помощника библиотекарей Г. Ф. Гансен и А. О. Круглый.[11] Вместе с командированными поехал и директор Иностранного отделения академик К. Г. Залеман. На заседании Академии Залеман доложил следующее: «Когда вечером 1 января отправились в г. Рыбинск командированные Академией помощники библиотекаря Гансен и Круглый в сопровождении двух сторожей библиотеки, я считал полезным поехать вместе с ними, чтобы ознакомиться с нынешним состоянием библиотеки и сделать необходимые распоряжения... В имении мы были встречены весьма любезно бывшим воспитателем и библиотекарем

Шуманский Е. А. Справочная книга для русских библиофилов. Одесса, 1905. С. 71.

[7] *Сахаров И. В.* Родовая библиотека Михалковых и ее собиратели // Книжное дело в России во второй половине XIX — нач. XX в. Л., 1988. Вып. 3. С. 112—119.

[8] Протоколы заседания общ. собр. имп. Акад. наук, 1909. СПб., 1909. № 9, § 194.

[9] Протоколы заседания общ. собр. имп. Акад. наук, 1910. СПб. 1910. № 2, § 40.

[10] Там же.

[11] Протоколы заседания общ. собр. имп. Акад. наук, 1909. СПб. 1909. № 10, § 242.

Александром Юльевичем Вотье и приступили тотчас же к работе».[12]

Библиотека Михалковых помещалась в 8 комнатах и одном коридоре имения Петровского, принадлежавшего в то время Агриппине Владимировне Морозовой. А. О. Круглый сразу же взялся за выделение русских журналов и книг, расставленных в шкафах вместе с иностранными, а остальные сотрудники укладывали книги в заранее приготовленные ящики, соблюдая по возможности прежний порядок расстановки. Всего ящиков с книгами было 140, весом 1700 пудов, 42 ящика с русскими книгами и 98 — с иностранными. Кроме книг Академии были пожертвована часть книжных шкафов (31 шкаф).

Работа по укладке, упаковке и перевозке книг на железнодорожную станцию города Рыбинска продолжалась до 11 января 1910 года. Но из-за отсутствия места в Библиотеке все привезенные ящики с книгами, кроме 12, а также часть шкафов были помещены в амбарах, предоставленных Академии наук Таможенным ведомством во временное пользование.[13]

В Библиотеку Академии наук поступило более 40 тысяч томов, которые были оценены в 36 000 рублей.[14]

После получения библиотеки в Петербурге в «Известиях Императорской Академии наук» появилась подробная характеристика книг, пожертвованных Михалковыми, написанная Гансеном.[15] В своей работе он остановился на описании редких изданий: первопечатных книг, сочинений Аристотеля, Ливия, Паскаля.

Как было сказано, из-за полного отсутствия свободного места библиотека Михалковых хранилась в амбарах Таможенного ведомства. К 200-летнему юбилею Библиотеки Академии наук в 1925 г., после постройки нового здания, собрание Михалковых было вынуто из заколоченных ящиков и установлено в книгохранилище № 17.[16]

---

[12] Протоколы заседания общ. собр. имп. Акад. наук, 1910. СПб., 1910. № 2, § 40.

[13] Протоколы заседания общ. собр. имп. Акад. наук, 1910. СПб., 1910. № 2, § 40; Библиотекарь. 1910. № 2. С. 86; Новое время. СПб. 1810. 7 янв.

[14] Протоколы заседаний Физико-мат. отд-ния имп. Акад. наук, 1909. СПб., 1909. № 2, § 40.

[15] Известия имп. Акад. наук. 1910. Т. 4, ч. 1. С. 829—840.

[16] История Библиотеки Академии наук СССР, 1714—1964. М., Л., 1964. С. 345.

Так как основную часть собрания составляли иностранные издания, было признано нецелесообразным хранить книги Михалковых единой коллекцией. К 1929 г. книги на иностранных языках были зашифрованы и заинвентаризованы.[17] Дублетные экземпляры на русском языке переданы в обменно-резервный фонд БАН СССР. Редкие книги вошли в отдел особых фондов. В настоящее время часть изданий XVIII в., в том числе периодика, находятся в отделе рукописной и редкой книги. Издания на иностранных языках вошли в состав инвентарных расстановок иностранного фонда. Таким образом, значительная часть коллекции (более 25 000 томов) не была разрознена.

В настоящее время библиотека Михалковых имеет шифры: Inv 1927/E — 1...; Inv 1928/E — 1..., где числитель — год занесения в инвентарь, знаменатель — порядковый номер. Буква «Е» указывает на принадлежность к коллекции Михалковых.

Собрание Михалковых не является библиофильской коллекцией одного собирателя. Владельцы Петровского в течении столетия трудились над созданием книжного собрания своего родового имения. Начиная с XVIII века они коллекционировали книги. По своему составу эта библиотека очень разнообразна: нет ни одной отрасли знания, которая не была бы представлена в ней более или менее полно.

Это частное собрание отражает не только интересы семьи Михалковых, по нему можно судить и об отношении к книге просвещенного дворянства того времени.

История русской культуры тесно переплетается с историей французского Просвещения. Книги крупнейших его деятелей — Вольтера, Дидро, Руссо, Сен-Симона, Д'Аламбера широко представлены в библиотеке Михалковых. Очень разнообразен раздел истории, особенно истории Франции. В нем представлены история Наполеона, история Французской революции, эпохи, предшествующей ей. Наиболее интересными из них являются: Мольвий «История революции во Франции», Жомини «Политическая и военная жизнь Наполеона», Анкютель «История Франции» в 14 томах, Барре «Общая История Германии». По количеству изданий времени Французской революции, хранящихся в Библиотеке Академии наук, коллекция Михалковых занимает второе место.

В собрании Михалковых много мемуарной литературы. Обширно представлены сочинения писателей и поэтов Ита-

[17] Там же. С. 360. С. 371.

лии: Боккаччо, Ариосто, Данте. Имеется два издания сочинений итальянского просветителя Альгаротти на итальянском и французском языках. Произведения английских писателей и поэтов — Шекспира, Байрона, Диккенса, сочинения немецких классиков Гетте, Шиллера, также можно встретить на книжных полках этой библиотеки. Много литературы естественнонаучного профиля: труды по геологии, минералогии, палеонтологии, медицины. Следует отметить большое количество справочной и учебной литературы: словари, справочники, каталоги, учебники, хрестоматии. Представляет интерес редкий экземпляр «Alphabet François, enrichi d'un vocabulaire des dialogues... St. Petersbourg» (1791), который не вошел в «Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке».

В. С. Михалков был библиофилом в полном смысле этого слова. Он не просто собирал книги, но и пытался систематизировать свою библиотеку. Об этом свидетельствует сохранившийся систематический каталог (Catalogue de la Bibliothèque de Petrowsky. Michalcoff. 1860). Это рукописный фолиант, переплетенный в тисненую кожу, содержит около 500 страниц. Титульный лист каталога украшен гербом рода Михалковых и разными эмблемами, рисованными акварельными красками.[18]

Однако к 1910 г. каталог уже не полностью соответствовал наличию книг в библиотеке, так как в нем были отражены издания только до 1869 г. По сведениям Гансена, каталог был найден в одном из коридоров имения Петровского среди разных ненужных вещей.[19] На основании пометы на странице 407 каталога Гансен,[20] а вслед за ним и И. В. Сахаров[21] сделали вывод о существовании еще одного «нового каталога» в книгообразной форме. Однако, на наш взгляд, это означает лишь отсылку к продолжению записей в том же каталоге на странице 418. Об этом свидетельствует продолжающаяся нумерация книг, описанных в этом каталоге.

В начатом в 1860 г. каталоге Михалковых книги расположены по следующей схеме:[22]

I A. Sciences intellectuelles	Науки интеллектуальные
1. Theologie	Богословие

[18] В настоящее время каталог хранится в собрании иностранных рукописей БАН СССР (шифр F 264).

[19] Известия имп. Акад. наук. 1910. Т. 4, ч. 1. С. 835.

[20] Там же.

[21] *Сахаров И. В.* Родовая библиотека Михалковых и ее собиратели // Книжное дело в России во второй половине XIX — нач. XX в. Л., 1988. Вып. 3. С. 119.

[22] Здесь приведены только основные разделы каталога.

2. Philosophie	Философия
3. Jurisprudence	Юриспруденция
4. Histoire	История
I B. Sciences naturelles	Естественные науки
5. Histoire naturelle	Естественная история
6. Medecine	Медицина
7. Physique	Физика
8. Chymie	Химия
I C. Sciences exactes	Точные науки
9. Mathematique, arithmetique	Математика, арифметика
II. A. Arts mechaniques	Механическое искусство
1. Economie rurale	Сельская экономика
2. Technologie	Технология
II. B. Arts liberaux .	Свободное искусство
3. Peinture, sculture, musique	Живопись, скульптура, музыка
II. C. Arts oratores	Ораторское искусство
4. Poligraphes	Полиграфия
5. Orateurs	Ораторы
6. Romans, contes, nouvelles	Романы, рассказы, повести
7. Poetes	Поэты
8. Art dramatique	Драматическое искусство
9. Anciens monuments de la prose des nationes slaves	Древние памятники прозы славян
III. Appendix au sciences	Дополнения к наукам

В каждый раздел каталога книги занесены по порядку номеров. С правой стороны находится графа с обозначением количества томов. Возможно, записи не всегда библиографически верны, но везде указан автор, название, место издания и формат. На самих изданиях, включенных в этот каталог, сделаны пометы, со ссылкой на страницу и номер записи. На некоторых книгах наклеены ярлыки, соответствующие буквенным разделам каталога.

В настоящее время старая расстановка сохранилась неполностью, хотя обнаруживаются отдельные части коллекции, подобранные в систематическом порядке, в соответствии с каталогом. По-видимому, при вскрытии ящиков трудно было сохранить определенный порядок.

Вместе с книгами Михалкова в Петербург были привезены алфавитный карточный каталог и «Каталог русских журналов, не иллюстрированных», составленный Вотье. К сожалению, судьба этих каталогов неизвестна. При просмотре фонда было обнаружено несколько карточек, случайно забытых в книгах. Это карточки, величиной 17,5×10,5 см из пис-

чей бумаги, наклеенной на холст. С левой стороны они пробиты дырками для прикрепления к станку или для связывания.

Принадлежность книг к библиотеке Михалковых можно определить по экслибрису и штампам. Одноцветный экслибрис (книжный знак) с гербом Михалковых и надписью «Из библиотеки села Петровского Рода Михалковых» (рис. 1) напечатан в литографии В. Кене.[23] На некоторых книгах имеется более ранний экслибрис библиотеки. На нем изображен только герб рода Михалковых без арматуры (рис. 2).

На большей части книг можно встретить штампы двух видов: «В. С. Михалковъ. С. Петровское» (рис. 3), «Библиотека В. С. Михалкова». На многих книгах имеются рукописные пометы владельца книжного собрания.

Историю собрания Михалковской библиотеки еще предстоит исследовать. По штампам, экслибрисам, по метам можно проследить, каким образом пополнялась эта библиотека. В ней встречаются книги из собраний путешественника и историка Николая Сергеевича Всеволожского (рис. 4), графа Юрия Михайловича Виельгорского (рис. 5), из библиотек императрицы Марии Федоровны, великого князя Михаила Николаевича — четвертого сына императора Николая I и многих других.

Принадлежность книг прежним владельцам можно определить по сохранившимся экслибрисам и владельческим записям. Большой интерес в этом плане представляют книги князей Голицыных. На ряде книг встречается экслибрис и их библиотеки (рис. 6). Дворяне Михалковы состояли в родстве с князьями Голицыными, что отметил в своей статье и И. В. Сахаров. Об этом свидетельствует и запись на книге Larry «Histoire d'Angleterre, d'Ecosse, et D'Irlande" (Rotterdam, 1707): Ouvrage qui a appartenu au Prince Sergei Alexejewitsch Golitzin, et qui m'a été donné par Prince Alexejewisch Golitzin après la mort de ma tante Cathirine Golitzine comme souvenir de mon grand pere. 10 mars 1856. Woldemar Mihalkoff».[24]

Библиотека Михалковых — один из типичных примеров преемственности поколений в собирании книг. Подробный

---

[23] *Иваск У. Г.* Описание русских книжных знаков. М., 1905. С. 191.

[24] «Издание, которое принадлежало князю Сергею Алексеевичу Голицыну и которое мне подарено князем Алексеевичем Голицыным после смерти моей тетки Екатерины Голицыной, в память о моем деде. 10 марта 1856. Владимир Михалков».

Рис.1

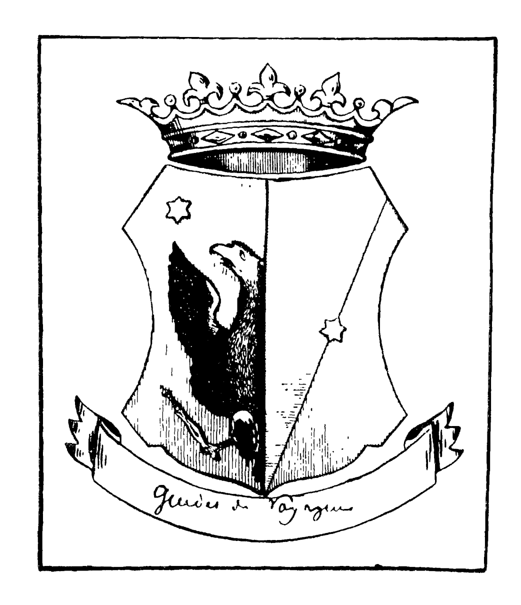

Рис.2

В. С. МИХАЛКОВЪ
С. ПЕТРОВСКОЕ

Рис. 3

NON SIBI SED PATRIAE ET GLORIAE
Ex Bibliotheca
NICOLAI SERGEIDIS
VSEVOLOJESKI
a Consil privatis et St. Georgi Equitis

Рис. 4

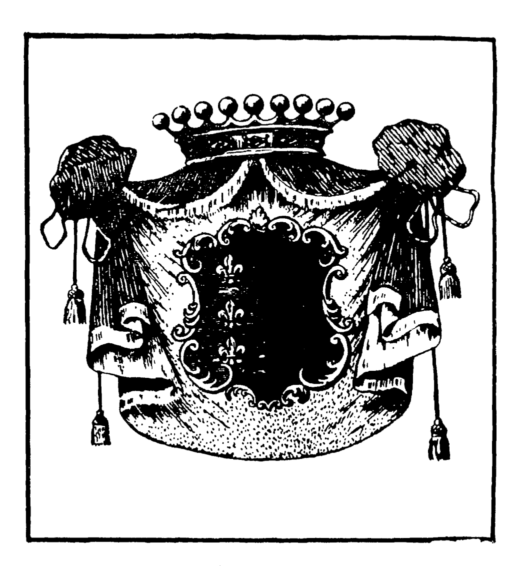

Рис. 5

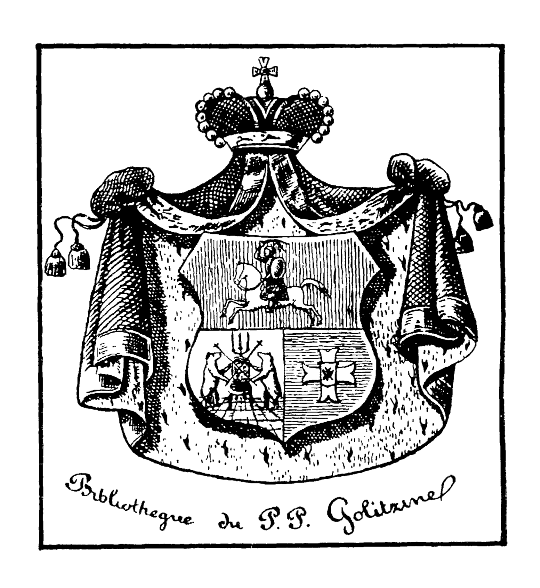

Рис. 6

анализ состава библиотеки Михалкова и времени поступления книг позволит на ее основе проследить историю создания крупнейших частных библиотек представителей просвещенного дворянства XVIII—XIX вв.

Изучение частных собраний в фондах БАН открывает большие перспективы для специалистов — книговедов, историков, значительно расширит представление об истории и составе фондов Библиотеки Академии наук СССР.

Н. Н. ЕЛКИНА

ИЗДАНИЯ СТАРЕЙШИХ АКАДЕМИЙ И УЧЕНЫХ ОБЩЕСТВ В ФОНДАХ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Академическая коллекция бэровского фонда

Библиотека Академии наук СССР имеет немало книжных коллекций, сохраняемых в их первоначальном исторически сложившемся виде. Такие собрания традиционно называются «фондом» или «библиотекой» с присвоением в первом случае имени основателя и организатора, а во втором — имени владельца. Вместе они включают в себя почти всю поступившую в БАН литературу со дня ее основания (1714 г.) до начала 30-х годов нашего столетия, за исключением той ее части, которая была передана в специализированные отделы Библиотеки (рукописный, редкой книги, картографический, справочно-библиографический), а также в библиотеки некоторых академических учреждений.

Старейшим из «фондов» является фонд Бэра, организованный академиком-библиотекарем в период с 1835 по 1840 г. Сейчас он входит в состав иностранного фонда основного хранения БАН. В 70-е годы XIX в., взяв за образец бэровский фонд, академик-библиотекарь Куник осуществил реорганизацию фонда отечественной литературы. В 1882 г. он выделил из него литературу на всех, кроме русского, славянских языках в самостоятельное отделение, получившее название Славянского отдела. В течение более чем двух десятилетий всеми работами в нем руководил Э. Вóльтер, магистр русского языка и словесности, литвовед-этнограф, исследователь в области сравнительного языкознания.

Таким образом, книжные фонды Бэра, Куника и Славянского отдела представляют фундаментальную часть основного фонда Библиотеки АН СССР. Как известно, наибольшие утраты и повреждения от пожара 14—15 февраля 1988 г. выпали на долю бэровского фонда. Все издания малого и большого формата, а также литература девяти отделов среднего формата восстанавливаются в своем прежнем систематиче-

ском виде, что вызывает потребность в дополнительных исследованиях состава, структуры и классификационных особенностей старейшей книжной коллекции Библиотеки. Это заставляет нас обратить более пристальное внимание на многочисленные «библиотеки», пополнявшие в более позднее время фонды БАН.

Как правило, личные библиотеки, пожертвованные или купленные Академией, не сохранялись единой коллекцией, а распределялись между Русским и Иностранным отделениями Академической библиотеки. Только в XIX в. стали делать исключения для некоторых личных библиотек ученых, книжные собрания которых представляли литературу по определенной специальности.

Первой из них стала филологическая библиотека классической литературы академика Е. Е. Кёллера (Köhler Heinrich Karl Ernst), поступившая в 1838 г. Она не влилась в организуемый в это время бэровский фонд, а была оставлена отдельным собранием, имеющим собственный систематический каталог (Index systematicus Bibliothecae philologicae ab illustri H. C. E. Koehlero coemtae). Сведения о ней Бэр включил в «Указатель»[1] к вновь разработанной системе классификации книг Академической библиотеки в качестве первого дополнения. Второе дополнение было внесено через пятьдесят лет. Им стал карточный каталог библиотеки академика А. А. Куника (Kunik Ernst Eduard), купленный вместе с его библиотекой в 1899 г. (Schedulae Bibliothecae Kuninianae anno (1899) MIDCCCXCVIII emptae). Книжное собрание этого ученого было решено оставить как «интересный образец рабочей библиотеки историка второй половины XIX в.».[2] По предложению академика А. А. Шахматова за ней закреплялось название Bibliotheca Kunikiana.[3] Сейчас Куниковская библиотека находится в отечественном фонде основного хранения БАН.

Иностранный фонд основного хранения имеет еще несколько «библиотек», в которых есть редкие и ценные в научном и художественном отношении издания прошлых веков. Это приобретенные Академией в начале XX столетия библиотеки — С. В. Михалкова (западноевропейская литература

---

[1] [*Бэр К.*] Conspectus indicis systematici Bibliothecae Academiae Imp. Scientiarum Petropolitanae. Sectio II. Libri idiomatibus extranaeis conscripti. Petropoli, 1841. P. 60.

[2] *Шафрановский К. И.* Библиотека Академии наук: Историческая справка. Л., 1957. Л. 18. (Машинопись).

[3] *Вольтер Э. А.* Библиотека А. А. Куника // Русский библиофил. 1911. № 7. С. 46—47. — (Книжные коллекции частных лиц).

XVIII—XIX вв.), А. Я. Пассовера (литература по истории и праву), профессора Д. К. Петрова (романская филология с большим разделом испанистики), за которой закрепилось название библиотека испаниста Петрова и др. Коллекция немецких диссертаций, расставленная погодно и охватывающая почти столетие (1832—1929/30), представляет еще одну своеобразную библиотеку иностранного фонда БАН.

Некоторые из частных библиотек ученых, вопреки первоначальному решению об их сохранности, были разрознены. Так случилось, например, с рабочей библиотекой историка-академика А. С. Лаппо-Данилевского. В отчете о работе I отделения Библиотеки за 1921 г. сообщалось, что опись ее почти закончена и что эта библиотека, «содержащая русскую и иностранную литературу по философии, политэкономии, библиографии, а также персоналию... в целях сохранения ее цельности, остается самостоятельной, нерастворенной в общей массе книг. Она имеет свой алфавитный каталог и предоставлена для пользования публики».[4] На изданиях этой коллекции с охранным штампом «Из книг академика А. С. Лаппо-Данилевского» много дарственных надписей. Сейчас эти книги рассеяны по различным фондам Библиотеки. Кроме основного и других фондов Библиотеки в качестве дублетов они попали и в обменно-резервный фонд.

В отдельных случаях в БАН сохранялись тематические подборки литературы, не претендующие на название «библиотеки». Образцом такой единицы хранения является подаренная Библиотеке в 1927 г. членом-корреспондентом АН СССР А. И. Лященко коллекция Personalia. Она состоит из книг, журналов, оттисков, газетных вырезок и прочих видов печатной продукции, в которых имеются самые разнообразные биографические материалы об ученых, писателях, людях искусства и ремесла, политических и религиозных деятелях, революционерах и персонах самых различных профессий вплоть до знаменитых авантюристов и мистификаторов — персонажей реальных и вымышленных, сведения о которых не всегда попадают в солидные биографические справочники. Эта коллекция насчитывает до 30 000 названий и 10 000 портретов.[5] Иконографические материалы были переданы в Пушкинский Дом, а библиотека — в справочно-библиографический отдел БАН. В 1953—1957 гг. на нее был составлен отдельный карточный каталог, и она была открыта для поль-

---

[4] ЛО ААН СССР, ф. 158, оп. 3 (1921), № 3, л. 4.
[5] Известия АН СССР. 1931. № 10. Стб 61.

зования. В фонде СБО коллекция Personalia А. И. Лященко хранится как отдельное собрание.

Представленный краткий обзор не претендует на полноту, так как ставит целью показать основные особенности формирования старых фондов с тем, чтобы использовать их в работе по восстановлению пострадавших его частей. Условно можно выделить две большие единицы хранения БАН — «фонд»+«библиотека». Такая структура предполагает наличие дублетов, обнаружение которых прежде всего в «библиотеках» (ни одна из которых не пострадала), существенно улучшало бы обслуживание читателей и корректировало бы процесс покупки и приобретения литературы от других библиотек и организаций.

Немедленному выявлению их в полном объеме мешает множественность наших каталогов (70),[6] а также отсутствие сводности в генеральном алфавитном каталоге, касающееся прежде всего старой литературы. Отдельные алфавитные каталоги на старые фонды и библиотеки (бэровский, славянский, летолитовский и др.) составлены по правилам каталогизации XIX века и поэтому очень трудоемки в работе. Топографические картотеки, находящиеся в разных хранилищах по месту расположения той или иной коллекции, полнее отражают их, но будучи территориально разобщены, что создает определенные неудобства в работе, они требуют кроме общебиблиотечных еще и специальных знаний конкретной расстановочной системы.

Хорошие исследования и описания наших «библиотек», а в идеале издание печатных каталогов на каждую из них позволило бы полнее использовать внутренние ресурсы для восполнения пострадавших фондов. Таким образом, необходимость более подробного исследования и описания старых фондов явилась результатом каждодневной практической работы. Фонд Бэра стал объектом нашего внимания потому, что именно там автор в составе группы библиографов справочно-библиографического отдела Библиотеки АН работает уже в течение года, помогая сотрудникам иностранного хранения в атрибуции пострадавших изданий,[7] в составлении полных правильных описаний для служебных каталогов и карточек, в подготовке списков на восполнение литературы и др.

---

[6] История Библиотеки АН СССР. 1714—1964. М.; Л., 1964. С. 506.

[7] Атрибуция пострадавших изданий — новый для нас вид справочно-библиографической работы, результатом которой является восстановление заголовочных данных и библиотечного адреса книги, т. е. шифра хранения и инвертарного номера. Этот процесс включает изучение сохранив-

Как уже было сказано выше, фонд Бэра, «возраст» которого приближается к полуторавековому рубежу, является старейшим в БАН. Он включает в себя книжные поступления с 1714 по 1929 г. и содержит литературу на всех европейских языках и некоторую часть — на русском, славянском и «инородческих» языках, т. е. на называемых так в прошлом веке языках окраинных территорий бывшей Российской империи. Насчитывая в начале своего существования около 70 000 единиц, к началу 1930-х годов бэровский фонд вырос в более чем миллионный фонд. К моменту послевоенной инвентаризации 1953—1957 гг. в нем хранилось 1 152 788 экз. книг и периодических изданий. В юбилейном издании «Истории БАН» указана цифра 775 000 библ. ед.,[8] т. е. учтен реальный объем бэровского фонда после изъятия из него литературы в другие отделы БАН, библиотеки сети и перевода части изданий на новые шифры.

Следует иметь в виду, что в период с 1917 по 1929 г. не вся иностранная литература шла в бэровский фонд. Поступившие в это время многочисленные библиотеки частных лиц и учреждений описывались в алфавите авторов и заглавий и расставлялись, образуя погодные инвентарные расстановки. Каждая из таких расстановок скрывает как собственно библиотечную, так и коллекционную литературу. Так, например, в 1921 г. была описана библиотека Будбери Видриша (Bibliothek Budbery Widrisch), в составе которой редкие издания XVII—XVIII вв. (Inv. 1921/1800—); в 1927 — богатая старой литературой библиотека Евангелического общества в Петербурге и военная литература из библиотеки бывшего лейб-гвардии Семеновского полка (Inv. 1927C); в 1928 г. — возможно самая нарядная из «библиотек» в отношении красоты и изящества переплетов библиотека принцессы Елены Георг. Саксен-Альтенбургской, отличающаяся большим разнообразием французской мемуарной и исторической литературы (Inv. 1928C); в 1927—1928 гг. — уже вышеназванные библиотеки Пассовера (Inv. 1927D — Inv. 1928D) и Михалкова (Inv. 1927E — Inv. 1928E). Все эти и некоторые другие «библиотеки» обязаны своей неразрозненностью случаю. Работа

шегося фрагмента книги с целью извлечения из него максимальной информации о времени и месте издания, национальной принадлежности автора и принадлежности самого издания к монографической, серийной или периодической литературе, о предмете или теме, отражающей содержание и пр., что позволило бы перейти к последующему за этим поиску предположительного названия по библиографическим источникам и каталогам БАН, в том числе и рукописному систематическому каталогу Бэра.

[8] История Библиотеки АН СССР. 1714—1964. М.—Л., 1964. С. 353.

БАН в трудных условиях гражданской войны и позже, после переезда Библиотеки в новое здание (1924—1929 гг.) связана с перестройкой всей библиотечной работы. Обновление кадров библиотечных работников, введение новых структурных подразделений в связи с переходом на новые более современные методы обработки литературы и ее каталогизации привели к прекращению планомерных систематизационных работ во II отделении Академической библитеки, т. е. в бэровском фонде.

Таким образом, все инвентарные расстановки Иностранного отделения можно рассматривать как своеобразные запасники бэровского фонда. Литература, имеющаяся в них, захватывает хронологические, языковые и тематические рамки фонда Бэра. Каждая из инвентарных расстановок имеет отдельную топографическую картотеку. Как правило, они алфавитные, в отдельных случаях применяется алфавит ключевых слов. Другой особенностью этих картотек является наличие двух алфавитных рядов — основного и добавочного — для литературы, пропущенной при первоначальном описании.

Что касается бэровского фонда, то этот период отмечен появлением в нем так называемых «временных» шифров. Чаще всего они присваивались новым периодическим, серийным или многотомным изданиям иностранных академий и научных обществ, труды которых присутствовали уже в фонде Бэра. Расставлялись они в конце каждого отдела (I—XX), образуя второй его ряд. Переход в 1930 г. обоих отделений Библиотеки на форматно-хронологическую расстановку почти не затронул старые фонды. Систематизационные работы в Иностранном отделении были прекращены окончательно. Перевод «временных» шифров на постоянные не состоялся, и бэровский фонд так и остался в двурядном виде. Поэтому, строго говоря, конечной датой формирования его как исторической коллекции, отражающей научную классификацию книг, следует считать 1917 г.

Содержание входящей в фонд Бэра литературы изначально определялось нуждами отечественной науки. Академическая библиотека как «первая ученая принадлежность Академии» была призвана с достаточной полнотой и оперативностью обеспечивать обмен научной информацией все «классы» Академии по всем комплексам разрабатываемых в них научных проблем.

Физико-математическая и естественнонаучная литература занимает в нем ведущее место, что объяснялось той особой

ролью, которую играло естествознание в эпоху зарождения и становления национальных научных академий. Большую ценность представляют серийные и периодические издания иностранных (частично отечественных) академий, а также научных обществ и университетов. Многие из таких серий охватывают несколько десятилетий, а в отдельных случаях сто с лишним лет. Богаты разнообразными изданиями отделы всеобщей истории, истории Древнего мира и истории западноевропейских стран. С очень большой полнотой в нем собрана литература по лингвистике и классической филологии. Коллекция немецких диссертаций по многим научным дисциплинам была крупнейшей в России. Библиотековедческая и справочно-библиографическая литература включает комплекты профессиональной периодики, авторитетные монографии; указатели текущих национальных библиографий со времени их возникновения, каталоги европейских издателей и книгопродавцев за большие периоды. Альбомы иконографических материалов, атласы и планы различных архитектурных сооружений, астрономические и географические карты, монументальные иллюстрированные издания священной истории и др. образуют длинные ряды фолинтов. Значительное место занимают малоформатные издания популярных в течение XVIII и последующих веков календарей, описаний путешествий, книг церковного содержания, сочинений классиков художественной литературы, писем, дневников и пр.

Такова общая характеристика бэровского фонда, данная в перспективе его развития. Развитие библиотечного дела в Академии наук представляет непостоянную прерывистую кривую роста. Состояние его в отдельные периоды зависело не столько от общего уровня развития наук, сколько от личностных качеств академика-библиотекаря, его энтузиазма и особого библиотечного таланта. Свои реорганизационные работы в Иностранном отделении Библиотеки Бэр называл «приведением библиотеки в известность», что указывает на запущенное состояние фондов и каталогов вследствие затянувшегося применения устаревших правил каталогизации и систематизации в Академической библиотеке, сильно отстававшей от уровня известных Бэру европейских научных библиотек.

Высокая оценка классификации книг по системе Бэра, благодаря которой литература располагалась по отраслям человеческих знаний, общеизвестна. Научность, ставшая ее хрестоматийным определением, усматривается в том, что

данная в ней последовательность наук и научных дисциплин, организуется в схему, близкую к той или иной философской системе, разрабатывающей теорию познания, например к гегелевской.[9] Из автобиографии ученого нам известно, что в юности, находясь в Германии, он попытался создать собственную философскую систему, объясняющую устройство мира. Произошло это под сильным влиянием натурфилософии Ф. Шеллинга. Проводником и интерпретатором новых философских идей в среде естествоиспытателей был немецкий ученый Лоренц Окен. Созданный им энциклопедический журнал «Изис»,[10] среди авторов которого был К. Бэр, немало способствовал их распространению и популярности. Однако объективно-идеалистические обобщения достижений естествознания, свойственные натурфилософским взглядам Шеллинга, столь привлекательные для биологов в изложении его талантливого сторонника Окена, грешили надуманностью. Спекулятивность подобных всеобъемлющих построений очень скоро обнаружила себя, и Бэр уничтожил свое философское творение, вернувшись к опыту и эксперименту как испытанному инструменту научного познания.

В. И. Вернадский, давая оценку заслугам Бэра как ученого — создателя нового отдела знания — эмбриологии позвоночных животных, — писал: «Конечно, натуралист не творит новый отдел науки из своего разума. Он не может даже творить только из своих исследований. Но он, охватывая свой и чужой эмпирический материал, накладывает на него печать своего гения: под его дуновением бесформенный материал превращается в стройную систему, и разрозненные факты оказываются частью единого, не случайного целого — научная работа поколений идет в указанных рамках».[11] Деятельность Бэра как библиотекаря отмечена теми же чертами. Энциклопедическая широта интересов позволила ему, обобщив взгляды, идеи и опыт многих поколений, создать классификацию, сочетавшую одновременно научность в построении, простоту в изложении и наглядность в оформлении. Рассмотренная с этой точки зрения, классификация Бэра имеет длинный ряд предшественников, которым ученый наследовал в своей работе. Перечень их, следуя за Вернадским, можно было бы начать с Аристотеля, Гарвея, Реди, продолжить

[9] *Шамурин Е. И.* Очерки библиотечно-библиографической классификации. Т. 1—2. М., 1955—1959; Т. 2, 1959. С. 150—158.

[10] Isis, oder encyclopaedische Zeitung von Oken. Jena, Leipzig. 1817—1848.

[11] *Вернадский В. И.* Памяти академика К. М. фон Бэра // Первый сборник памяти Бэра. Л., 1927. С. 7.

именами Ломоносова и Эйлера[12] и завершить современниками академика — Шеллингом, Гердером и Гумбольтом, о близости которых к себе по духу Бэр не раз говорил и писал.[13]

Классификация академика Бэра имеет 21 систематический отдел, 19 из которых представляют комплексы определенных наук и научных дисциплин, свободных (изящных) и полезных искусств или ремесел. Во всех отделах соблюдены общие принципы организации литературы, учитывающие как содержательные, так и формальные признаки конкретного издания. В новом рукописном каталоге, отражающем весь наличный на 1840 г. фонд, введена отвечавшая существовавшим нормам полная библиографическая запись поступающей литературы. Периодические и многотомные издания приписывались по мере поступления, на заранее отведенном для этого месте при первичном описании, широко применялись ссылки, облегчавшие поиск. Везде, где литература представляла большие массивы однотипных изданий, применялся алфавитный или хронологический принцип их организации. Все это и многое другое в значительной степени способствовало повышению качества обслуживания в Академической библиотеке.

Для систематической классификации книг и указателя к ней Бэр использовал латинский язык как удобный и гибкий инструмент в условиях языкового многообразия систематизируемой литературы. В табл. 1 приводится перевод на русский язык названий отделов (их всего 21), составляющих научно-предметную основу бэровской классификации.

Таблица 1

Главные отделы:

I. Книги библиографические и по истории наук.
II. Книги общенаучные и по разным наукам, или книги энциклопедические и собрания произведений по разным предметам, включая сочинения древних греческих и римских авторов.
III. Глоссология или книги грамматические.
IV. Книги математические.
V. Книги физические.
VI. Книги геологические и минералогические, или о природе Земли.
VII. Книги по естественной истории.
VIII. Антропология.
IX. Книги по всемирной истории.

[12] *Вернадский В. И.* Памяти... Бэра. С. 4.

[13] *Радлов Э. Л.* К. М. фон Бэр как философ // Первый сборник памяти Бэра. Л., 1927. С. 62.

X. История отдельных стран и народов: A. — История древней Европы; B. — И. Португалии и Испании; C. — И. Франции; D. — И. Италии; E. — И. Германии; F. — И. Бельгии и Британии; H. — И. Скандинавии; I. — И. России; K. — И. Венгрии; L. — И. Турции; M. — И. Азии; N. — И. Африки; O. — И. Америки; P. — И. Австралии.
XI. Политика с правоведением.
XII. Экономика и технология.
XIII. Свободные искусства и общая археология.
XIV. Изящная словесность.
XV. Богословие (с церковной историей).
XVI. Философия, исключая психологию, кот. см. в VIII E.
XVII. Медицина [врачебное искусство].
XVIII. Военное и морское искусство.
XIX. Гражданская архитектура.
XX. Рукописи (и рисунки от руки).
XXI. Опись всем каталогам Академической библиотеки.[14]

Безусловно, введение распределения книг в соответствии с реально существующими комплексами научных дисциплин было прогрессивным шагом в библиотековедческой практике Академии наук. Другие достоинства новой расстановки заключались в особом благоустройстве всех ее отделов по единой схеме. Литература располагалась в определенной последовательности, образуя по сути, в пределах своего отдела самостоятельную специальную библиотеку, которая предоставляла ученому «in natura видеть все, что написано по известной специальности».[15]

Издания иностранных ученых обществ всегда занимали особое приоритетное место в фондах Библиотеки Академии наук. Неустанная забота о полноте их комплектования прослеживается в ученой переписке первых отечественных академиков, наладивших книгообмен академическими изданиями со своими коллегами за рубежом.[16] Эти издания представлены во всех отделах классификации, но в Первом отделе они занимают особое место.

Первый отдел включает в себя трудно объяснимое на первый взгляд разнообразие литературы. Это — учебники, монографии и периодические издания по библиографии и библиотековедению, описание музейных коллекций и экспозиций, книги по истории книгопечатания и все виды книгоиздательских, книгопродавческих и библиотечных каталогов, оттиски и отдельные монографии, посвященные истории воз-

[14] Библиотека Академии наук СССР, Рукописный отд., Г. № 358, лл. 8 об. — 10.
[15] *Вольтер Э. А.* Отчет о поездке по библиотекам Австрии и Германии осенью 1901 г. СПб., 1903. С. 35.
[16] Ученая корреспонденция Академии наук XVIII в.: Научное описание. 1783—1800. Л., 1987. С. 238, 244.

никновения наук и искусств в отдельных странах и у отдельных народов, большая коллекция научных биографий ученых древности и нового времени, исчерпывающая по географическому охвату литература по истории школьного и университетского образования, включающая программы, курсы лекций и труды, как мы их сейчас называем, высшей школы, очень полно представлена деятельность ученых обществ, прежде всего естественнонаучных академий и научных обществ XVI — начала XX в., как двух основных форм развития науки — государственной и любительской. Завершение этого отдела большой коллекцией научных журналов, представляющих академическую периодику и «вольную» научную журналистику, служит отражением «двух главных организационных форм, в которых выразилось рождение новой науки в XVII—XVIII вв.».[17]

В бэровской классификации вся вышеназванная литература распределена в восьми тематических группах следующим образом:

Таблица 2

I ОТДЕЛ

Книги по библиотечному и издательскому делу, библиография и история отдельных наук

Шифр	Заголовки подотделов
I A	Библиотечное дело и библиография (как наука и практика)
I B	Каталоги рукописных книг
I C	Каталоги печатных изданий и литература по истории типографского и книгоиздательского дела
I D	История возникновения наук и искусств. Жизнеописания, отличавшихся образованностью мужей прошлого, ученых женщин, гениальных детей и биографические сочинения деятелей науки и искусства нового времени
I E	История учебных заведений и университетов и их печатные труды
I F	История академий наук и ученых обществ и их печатные труды
I G	История научной журналистики и научно-популярные журналы (в том числе академические)
I H	Летописи науки: научная периодика (в том числе неакадемическая), включающая обзоры и рецензии на новые научные издания[18]

[17] *Копелевич Ю. Х.* Возникновение научных академий (середина XVII — середина XVIII в.). Л., 1974. С. 40.

[18] [*Бэр К.*] Ordo systematicus Bibliothecae Academiae imper. Scientiarum Petropolitanea. Petropoli, 1838. P. 3—6.

Общей идеей, объединяющей в определенной иерархии все эти восемь подотделов (табл. 2), является воплощение в конкретные литературные источники основных взглядов ученого-мыслителя на историю развития наук. Весь Первый отдел можно рассматривать как своеобразную иллюстрацию к знаменитой «Речи»[19] академика, прочтенной им на ежегодном собрании в 1835 г. То обстоятельство, что в августе того же года Бэр принял на себя обязанности Библиотекаря II (Иностранного) отделения Библиотеки, заставляет нас отнестись со всем вниманием к этому небольшому сочинению, наиболее полно отражающему мировоззрение и историко-философские взгляды, воплотившиеся в созданной им классификации.

Бэр отводил науке исключительное место в развитии цивилизации не только прошлого и настоящего, но и будущего. Невозможное для старых богословских академий содружество ученых разных национальностей и верований стало реальностью, обеспечившей прогресс науки в XIII в. «Она (наука), — писал Бэр, — связывает между собой тесными узами все образованные народы и н е к о г д а, может быть, соединит их в один общий государственный союз».[20]

Таким образом, объединение Республики ученых и их трудов в единый ряд бэровской классификации естественно вытекало из его представлений об интернациональном и коллективном характере современной экспериментальной науки. Естественнонаучные академии, зародившиеся в недрах XVI—XVII вв. и окончательно утвердившиеся как новый государственный институт в XVIII, помещены Бэром в Первом отделе. Критериями для отбора академий в этот «союз» служили: 1) их естественнонаучная или общегуманитарная направленность; 2) наличие двух или более классов (отделений) или разработка в пределах одного (как, например, в Лондонском Королевском обществе) достаточно широкого круга научных проблем и 3) регулярность издания своих печатных трудов.

В следующей таблице приводятся включенные в подотдел I F национальные академии наук и научные общества в порядке их расстановки в бэровском фонде.

---

[19] [*Бэр К.*] Взгляд на развитие наук // Журн. Мин. нар. просв. 1836. Ч. X, отд. 2. СПб., 1836. С. 190—245.
[20] Там же. С. 244.

Таблица 3

1 F

История Академии наук и ученых обществ и их печатные труды

Шифры	Заголовки подотделов	Академии наук	Научные общ-ва, ин-ты
I Fa	Международные научные общества	—	3
I Fb	Ученые общества Португалии и Испании	5	4
I Fc	„ „ Франции	16	21
I Fd	„ „ Италии	14	13
I Fe	„ „ Германии, Австрии и Швейцарии	7	11
I Ff	„ „ Бельгии и Голландии	2	1
I Fg	„ „ Англии и Ирландии	2	4
I Fh	„ „ Скандинавских стран: Дании, Швеции и Норвегии	4	7
I Fi	„ „ России, Польши, Финляндии и Прибалтийских государств	3	7
I Fk	„ „ Венгрии	2	2
I Fl	„ „ Балканских государств (кроме славянских)	3	1
I Fm	„ „ Азии: Японии, Индии и Китая	1	3
I Fn	„ „ Африки	—	6
I Fo	„ „ Америки	16	8
I Fp	„ „ Австралии	—	3[21]

Принятая здесь «география» науки неукоснительно соблюдается во всех остальных отделах разработанной Бэром классификации книг, что является свидетельством приверженности ученого идеям географического детерменизма. Вслед за Гердером уровень развития цивилизации той или иной страны он ставит в зависимость от ее географических и климатических характеристик.

Другая особенность подотдела I F заключается в строгой жанровой ограниченности включаемых сюда изданий. Это только первоисточники по истории ученого общества и труды, отражающие деятельность его отделений или классов: ученые записки, акты, комментарии, сборники, доклады и некоторые другие (Memoires, Transactions, Proceedings, Acta, Atti, Commentarii, Collectio operum, Mélanges, Miscellanea, Comptes-Rendus, Rendiconti, Transunti, Abhandlungen, Sitzungsberichte, Trabajos, etc.). Такой отбор позволил отражать научную деятельность той или иной страны по единой

[21] Проект пересмотра системы классификации книг академика К. М. Бэра. Л., 1929. Л. 2—3. (Машинопись).

для всех схеме, сводимой в три следующие друг за другом группы:

Таблица 4

1. История возникновения и развития научного учреждения (одна или несколько монографий); уставы, регламенты, списки составов академии (общества); сборники конкурсных работ, речи.
2. Фундаментальные издания: ученые записки и пр. (несколько названий (серий), отражающих деятельность отделений данного научного учреждения).
3. Профессиональный журнал академии (общества) или одного из их отделений; каталоги изданий, дающие наиболее полную картину деятельности учреждения, ее библиографические контролеры.

Простота построения этого раздела (I F) оправдана тем, что включение всей издательской продукции входящих сюда научных учреждений внесло бы хаос и неразбериху.

Приведенный ниже список академий (табл. 5) наук неполон, но и он дает возможность утверждать, что академическая коллекция Первого отдела бэровского фонда уникальна.

В таблице мы приводим дату основания научной академии, ее название и шифр бэровского фонда для изданий этой академии.

Таблица 5

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АКАДЕМИИ НАУК XVI—XVIII вв.,
издания которых представлены в Первом отделе бэровского фонда

1443. Accademia Pontaniana. N a p o l i. (I Fd/63—64, V).
1566. Accademia Virgiliana. M a n t o v a. (I Fd/80, 81).
1599. Accademia di scienze, lettere ed arti. P a d o v a. (I Fd/53—57).
1603. Accademia delle scienze (Pontificia). R o m a. (I Fd/23).
1603. Accademia nazionale dei Lincei. R o m a. (I Fd/24).
1635. Académie Francaise. P a r i s. (I Fc/2—9, 41).
1652. Académie des sciences, arts et belles-lettres. C a e n. (I Fc/86).
1660. Royal Society. L o n d o n. (I Fg/2—25, II, II_f).
1663. Académie des inscriptions et belles-lettres. P a r i s. (I Fc/11, 44, III_f).
1666. Académie des sciences. P a r i s. (I Fc/14, 52, X, XV—XVII, IV_f).
1681. Académie des sciences et belles-lettres. A n g e r. (I Fc/84).
1683. Accademia nazionale di scienze, lettere ed arti. M o d e n a. (I Fc/36—37).
1691. Accademia dei Fisiocritici. S i e n a. (I Fd/65; V Ab/19).
1700. Académie des sciences, belles-letres et arts. L y o n (I Fc/26, 103).
1700. Deutsche (Preussische) Akademie der Wissenschaften. B e r l i n. (I Fe/1—19, II, II_f, IX_f).
1706. Académie des sciences, et belles-lettres. M o n t p e l l i e r. (I Fc/0l,10—112).
1711. Accademia delle scienze dell'Istituto di Bologna. B o l o g n a (I Fd/7, 8—12).
1712/13. Académie des sciences, belles-lettres et arts. B o r d e a u x. (I Fc/85).

1718. Accademia delle scienze e belle lettere. Palermo. (I Fd/58, IV II_f).
1725. Académie des sciences, arts et belles-lettres. Dijon. (I Fc/90, 91).
1725. Académie imperiale des sciences. St.-Petersbourg. (I Fi/1—45, (I, I_f).
1737. Accademia delle scienze fisiche e mathematici. Napoli. (I Fd/49—51).
1738. Real Academia de la Historia. Madrid. (I Db/14—24, V).
1739. Svenska Vetenskapsakademien. Stockholm. (I Fh/28—54, V, VI, V Atlas).
1750. Académie de Stanislas. Nancy. (I Fç/114, 115).
1750. Accademia di scienze, lettere ed arti degli Agiati. Rovereto. (I Fd/131).
1751. Akademie der Wissenschaften. Göttingen. (I Fe/39—45, IV).
1752. Accademia delle scienze e belle lettere. Napoli. (I Fd/40—46).
1753. Kongl. Vetterhets Historie och Antiquitets Academien. Stockholm. (I Fh/49—51, V, VI, L_f).
1757. Accademia delle scienze. Torino. (I Fd/66—72).
1759. Bayerische Akademie der Wissenschaften. München. (I Fe/81—104, III, V, IX).
1764. Real Academia de ciencias y arte. Barcelona. (I Fb/23, 25, V, XV).
1766. Académie des sciences (Theodoro Palatinae). Mannheim. (I Fe/77, 78).
1772. Académie imperiale et royale des sciences et belles-lettres. Bruxelles. (I Ff/4—15, II, III).
1778. Academia electoralis Maguntunae scientiarum utilium. Erfurti (I Fe/IV, VII).
1780. Academia das ciencias. Lisboa. (I Fb/1—12, III).
1782. Académia des sciences, inscriptions et belles-lettres. Toulouse. (I Fc/123—125).
1782. Accademia nazionale dei XL. Roma. (I Fd/20).
1780. American Academy of arts and sciences. Boston. (I Fo/2, 3).
1783. Royal Society. Edinbourg. (I Fg/52—53).
1786. Royal Irish Academy. Dublin. (I Fg/58—59).

Кроме изданий отдельных национальных академий и ученых обществ в Первый отдел, в самое его начало (I Fa) включены старейшие издания, обобщающие деятельность ведущих европейских научных учреждений. Среди них следует назвать самую раннюю работу такого рода — академическую диссертацию Андреаса Вестена «О литературных и ученых обществах, в особенности в северных странах», изданную в Упсале в 1734 г. (I Fa/2).

На иллюстрации, предваряющей текст, девиз — «В союзе они становятся сильней». Эти слова, манифестирующие коллективную направленность науки в Век разума, еще большее подтверждение находят в следующем представляемом нами издании из этого же раздела — это насчитывающий 28 томов «Академический сборник», выходивший в Париже и Дижоне в период с 1754 по 1779 г. Полное его название таково: «Академический сборник, составленный из записок, актов и жур-

налов наиболее знаменитых зарубежных научных академий и обществ, выдержек из лучших периодических трудов, трактатов по частным вопросам и из малотиражных и редких изданий по естественной истории и ботанике, экспериментальной физике и химии, медицине и анатомии, переведенные на французский язык и приведенные в определенный порядок Обществом Ученых Мужей» (Collection Académique, Composées des Memoires, Actes, ou Journaux des plus Célèbres Académies et Sociétes Littétaires Étrangeres, des Extrait des Meilleurs Ouvrages Periodiques, des Traites Particuliers et des Pieces Fuguituves les plus Rares Concernant l'Histoire Naturelle et la Botanique, la Physique Experimentale et la Chymie, la Medicine, l'Anatomie, Traduit en François et Mis en ordre par un Société de Gens de Lettres).

Инициатором этого монументального издания был французский ученый Жан Берриа (Jean Berryat), интендант минеральных вод Франции, член-корреспондент Французской академии наук и член Научного общества в Оксере (Auxerre), не доживший (ум. 1745 г.) до начала выхода серии в свет. Работа была продолжена другими известными французскими учеными — Жоржем Бюфоном (Georges Buffon) и Луи Добентоном (Louis Daubenton).

Вся эта серия состоит из двух больших частей: французская часть, состоящая из 13 томов, и заграничная часть, состоящая из 15 томов. Академический сборник и в наше время оценивается как «самая выдающаяся коллекция XVIII века... вобравшая в себя большинство научных публикаций из журналов и трудов ученых обществ, издаваемых в XVII—XVIII вв.».[22] Приводим полную роспись «Заграничной части Академического сборника».[23] Указанные слева шифры бэровского фонда принадлежат всему комплекту издания, отрывок из которого напечатан в этом труде.

Шифр комплекта БАН	COLLECTION ACADEMIQUE, PARTIE ETRANGERE
	Volume I: Devoted to physics, containing translations and extracts from the following:
V Ab/II$_f$	1. „Saggi de Naturali Esperienze" of the Accademia de Cimento, 1666—1667, from the Latin translation of F. Van Musschenboek, 1731, along with the translation of Mussenbroek's comments and additional bibliographic references.

[22] *Kronick D.* A history of scientific and technical periodicals. The origin and development of the scientific and technological press 1665—1790. New York, 1962. P. 186.

[23] Там же. С. 188—189.

I Ha/XXIII,43, 44 I He/I, II, III	2. Extracts from the „Journal des Sçavans", 1665—1686, consisting only of original contributions, and one extract from the „Journal d'Allemagne".
	Volume II:
I Fg/10	1. „Philosophical Transactions", 1665—1678, with subject index.
	Volume III:
V Ab/25—27—31 I Ge/14	1. „Miscellanes Curiosa Medico-Physics Academise Naturae Curiosorum", 1670—1686.
	Volume IV: Natural History
I Fg/10	1. „Philosophical Transactions", 1665—1683.
IFg/13, IV Be/26[a]	2. „Philosophical Collections", one article.
V Ab3/25—26—31	3. „Miscellanea Curiosa Medico Physica", 1670—1686.
— — —	4. „Giornale dei Litterati" (Nazari)", 1669—1673.
XVII Ab/1	5. „Acta Medica et Philosophica" (Bartholin), 1671 and
V Ga/I, V Db/I, VIII Dc/I	6. Selections from the dissertations and other writings of Steno, Redi and Thomas Willis.
	Volume V:
VIII Dc/II	1. „Biblia Naturae", of Jan Swammerdam, which says the annotation, is here translated into French for the first time.
	Volume VI: Experimental Physics.
I Fg/10—14	1. „Philosophical Transactions", selections.
I Ha/43—44,XXIII	2. „Journal des Sçavans", 1688—1692.
V Ab/25—26—31	3. „Miscellanes Curiosa Medico-Physics", 1670—1702.
XVII Ab/1	4. „Acta Medica" et „Philosophica", 1671—1679.
I Ha/1	5. „Acta Eruditorum", 1682—1699.
	Volume VII: Medicine.
I Ha/XXIII, 43, 44	1. „Journal des Sçavans", 1687—1699.
I Fg/10	2. „Philosophical Transactions", 1679—1694.
	3. „Giornale dei Letterati" (Nazari), 1668—1670.
XVII Ab/1	4. „Acta Medica et Philosophica", 1671—1679.
I Ha/1...	5. „Acta Eruditorum", 1682—1693.
I Gc/2	6. „Nouvelles de la Republique des Lettres" (Bayle), 1684—1687.
I Ge/14,V Ab/25...	7. „Miscellanea Curiosa Medico-Physica", 1687.
XII De/VI	8. „Mercure Galant", 1672—1692.
— — —	9. „Acta, Academia Philo-Exoticorum Naturae et Artis", Brescia, 1686.
	Volumes VIII and IX:
I Fe/6	1. Akademie der Wissenschaften, Berlin, „Histoire et Mémoires", 1745—1753.
	Volume X:
I Fd/10	1. Accademia delle Scienze del l'Instituto di Bologna, „Commentarii".
	Volume XI:
I Fh/28	1. K. Svenska Vetenskapsakademien, Stockholm, „Handlingar".

	Volume XII:
I Fe/6	1. Akademie der Wissenschaften, Berlin, „Histoire et Mémoires“.
	Volume XIII:
I Fd/67	1. „Société Royale de Turin, Mélanges de Philosophie et Mathématiques“, 1759—1769.

За исключением двух изданий, которые не удалось обнаружить в бэровском фонде, все остальные, упоминаемые в этом «Сборнике», были представлены в БАН полными комплектами. И если «Академический сборник» — «самая выдающаяся» коллекция научной литературы XVIII в., то БАН обладала сама выдающейся коллекцией оригиналов.

Думается, что анализ небольшого, но очень важного раздела, каким является Первый отдел бэровской классификации, сможет быть полезен в наших практических восстановительных работах, ибо трудно представить Библиотеку Академии наук без фундаментальных научных изданий, являющихся вечными и главными первоисточниками для всякого входящего в мир науки.

Н. В. НИКОЛАЕВ

НЕСВИЖСКАЯ БИБЛИОТЕКА КНЯЗЕЙ РАДЗИВИЛЛОВ

«...Но полученное библиотекою в 1772 году другое приращение, о котором никак умолчать не можно, превосходит все преждеупомянутые. Многочисленное собрание книг, хранимое в то время в Несвице, что в Литовском княжестве, перевезено и приобщено к нашему. Дивно, что война наукам везде зловредная в России им полезна...».[1]

О древнем белорусском городе Несвиже, находящимся в 112 км на юго-запад от Минска, летопись впервые вспоминает под 1223 г., в связи с участием несвижского князя Юрия в битве на Калке. С 1492 г. город принадлежит магнатам Кишкам, с 1513 переходит в собственность литовско-белорусскому роду Радзивиллов. На месте древнего городища в 1533 г. Радзивиллы выстроили деревянный замок, который стал родовым гнездом. Представители рода Радзивиллов с XV в. занимали ведущие государственные посты в Великом княжестве Литовском, а благодаря последовательной политике концентрации недвижимого имущества и ряду выгодных браков стали богатейшим семейством в Речи Посполитой. В Несвижском замке собраны были огромные ценности — арсенал, портретная и картинная галлереи, казна (скарб), библиотека и архив.

Точная дата появления радзивилловской библиотеки неизвестна. Ф. Радзишевский связывает создание библиотеки с кардиналом Юрием Радзивиллом (ум. 1600), хотя, несомненно, книжное собрание существовало в Несвиже и раньше.[2] Одним из источников пополнения родовой библиотеки могли быть работы придворных княжеских писарей, которые выступали как книгописцы. Среди наиболее ранних книг, связанных с Радзивиллами, — «Приточная», в 1483 г. переписаннаяВаской, писарем «пана Миколая Радзивиловича».

[1] *Бакмейстер И.* Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. Академии наук. СПб., 1779. С. 43.

[2] *Radziszewski F. W.* Wiadomose historyczno-statystyczna o znacomitszych bibliotekach i archiwach publicznych i prywatnych. Kraków, 1875. S. 52-54.

Эта книга, интересная природоведческими текстами и изложением «Логики» жидовствующих, до Великой Отечественной войны хранилась в библиотеке АН Украины, в настоящее время считается утерянной.[3] Оригинальное художественное оформление имело Евангелие, переписанное в 1538 г. Федором Кузьминым из Несвижа; в 1556 г. эта книга была подарена Киево-Печерскому монастырю.[4]

В 1551 г. король Польский и великий князь Литовский Сигизмунд Август дал Радзивиллам привилей на хранение в Несвиже одного экземпляра актов Великого княжества Литовского с 1389 г.; таким образом вместе с библиотекой собирался и крупнейший архив — копия государственного архива (Литовской метрики). Хозяином Несвижа в это время был один из наиболее ярких представителей династии, протестант Миколай Радзивилл Черный (1515—1565). Кроме переплетов с копиями архивных дел несвижскую библиотеку пополнили книги из его Брестской типографии — полемическая литература, плачи, панегирики.[5] Среди них и шедевр типографского искусства — Библия 1563 года, известная в литературе под названием «Брестская», или «Радзивилловская».[6]

Сын Миколая Черного, Миколай Христофор Сиротка (1549—1616) известен как покровитель наук; при нем была составлена очень точная для своего времени карта Великого княжества Литовского (карта Т. Маковского), в Несвиже при дворе жили известные музыканты и поэты. Сам Миколай Сиротка в 1583—1584 гг. совершил паломничество в Палестину, по возвращении написал книгу «Путешествие в Святую землю», которая многократно издавалась впоследствии. В следующем по возвращении Миколая Сиротки из паломничества 1584 г. по проекту архитектора Дж. Бернардони в Несвиже строится новый, каменный замок. Проектом предусмотрено было шесть парадных зал — Оружейная, Портретная, Мраморная, Золотая, Гетманская и Библиотечная.

---

[3] *Берджицкий Л.* Заметки к литературе о жидовствующих // Русский филологический вестник. 1911. Т. 66. № 3—4. С. 372—377; *Коковцев П.* К вопросу о «логикс Авиасафа» // ЖМНП. 1912, май, XXXIX, с. 114—133.

[4] *Запаско Я. П.* Орнаментальне оформлення української рукописної книги. Київ, 1960. С. 71.

[5] *Kavecka-Gryczowa A., Korotajowa K., Korotaj W.* Drukarze dawnej Polski od XVI w. Z. 6. Wielkie Księstwo Litewskie. Wrocław, 1959. S. 65—66.

[6] *Нікалаеу М. В.* Шэдэур брэсцкай друкарні // Помнікі мастацкай культуры Беларусі: Новыя даследванні. Менск, 1989. С. 144—149.

Библиотека пополнялась изданиями и рукописями, привезенными из Европы, а также рукописями хозяев замка. «Путешествие в Святую землю» Миколая Сиротки неоднократно по просьбам разных лиц копировалось в Несвиже, а также высылалось для прочтения и копирования;[7] впоследствии в библиотеке находились оригиналы «Дневника» Альбрехта Станислава Радзивилла (1595—1656), альбомы хозяек Несвижа.

Домашние библиотеки собирались в разных имениях и дворцах Радзивиллов, однако главной всегда оставалась библиотека Несвижского замка, называвшаяся Ординатской библиотекой (после 1586). Большую заботу о ней проявляла жена виленского воеводы и гетмана Великого княжества Литовского Михаила Казимира Урсула Францишка Вишневецкая. При ней, в 1749 г. для библиотеки и архива был построен новый павильон. Библиотечную залу в замке украсили мраморные бюсты исторических деятелей, чучела экзотических животных и рыб, барометры и приспособление для перспективного рисования. Для работы с библиотекой был назначен библиотекарь — Магницкий. При Кароле Станиславе Радзивилле — «Пане Коханку» (1734—1790), последнем владельце библиотеки, на умножение ее новыми изданиями ежегодно выделялось двести червонных злотых. Кроме того, жена Кароля Станислава, Анна Катерина из Сангушков, принесла в приданое большую библиотеку из Бялой Подляской, это собрание вошло в несвижскую Ординатскую как особый отдел. Среди редкостей бельского отдела были собранные Павлом Сангушкой материалы, касающиеся брака Владислава IV с эрцгерцогиней Цецилией Ренатой, «Хроника земель Молдавских и Мультанских» Мирона Костына и другие рукописи.[8]

Францишек Радишевский сообщает, что в 1750 г. несвижская библиотека имела 14 000 томов, в том числе 3000 дублетов и 200 тройных экземпляров. После смерти маршалка польного графа Флемминга Радзивиллы купили его библиотеку, и к 1770 г. Ординатская библиотека достигла количества 20 000 томов.[9] Среди них находились до 400 переплетов (на каждом из которых наклеивался экслибрис) документов, включавших такие редкости, как подлинный акт унии Польши и Великого княжества Литовского, подписанный королем

[7] *Alexandrowicz S.* „Peregnacja do ziemi swiętej ks. Radziwiłła Sierotki“, czas powstania rękopisu // Ars Historica. Poznań, 1976. S. 585- 612.
[8] *Korzeniowski J.* Zapiski z rekopisów Cesarskiej bibliotcki Publicznej w Petersburgu. Kraków, 1910. S. 210.
[9] *Radziszewski F. W.* Op. cit. S. 53.

Сигизмундом Августом и всеми сенаторами в Люблине в 1569 г., 17 томов «Акта Томициана», восемь томов — «Inventaire général de toute la France» и многие другие рукописные редкости.

На момент вывоза основной массив книг Ординатской библиотеки составляли книги XVIII в.; исследователи говорят только об 11 либо 13 инкунабулах, хотя среди инкунабулов были уникальные для Белоруссии, такие, как, например, «Проповеди Псевдо-Бонавентуры».[10] Особую ценность представляли палеотипы, в частности, издания белорусских и польских типографий XVII—XVIII вв., в том числе Несвижской, в которой работал гравером знаменитый Гершка Лейбович.

Первая значительная потеря книг Ординатской библиотеки произошла в 1668 г., когда хорунжий Великого княжества Литовского Богуслав Радзивилл подарил 450 редких книг и рукописей бранденбургскому курфюсту в Кенингсберг.[11] В числе прочих из Несвижа ушел список летописи, известный как «Радзивилловская летопись», впоследствии попавший в Библиотеку Академии наук как военный трофей.[12] Следующее изъятие книг и рукописей из Ординатской библиотеки можно с полным основанием назвать катастрофической ломкой собрания. Хозяин библиотеки, виленский воевода Кароль Станислав Радзивилл (Пане Коханку), противник Чарторыских и короля Станислава Августа Понятовского, в 1764 г. после боев с генеральской конфедерацией эмигрировал. В том же 1764 г. на Гродненском сейме 16 августа конфедерация приняла декрет о взятии из Несвижа всех актов и документов, касающихся общественных дел Литвы. Это постановление не остановило комплектование новыми документами и книгами (привилей Сигизмунда Августа подтверждался всеми последующими королями и великими князьями), но разрушило бесценное для истории Белоруссии и Литвы собрание. Точное количество изъятых книг, рукописей и архивных переплетов неизвестно, однако те из них, которые отразились в последующих каталогах разных библиотек и владельцев, показывают, что изъяты были наиболее ценные документы. Оставшаяся в Несвиже часть библиотеки

---

[10] *Збралевич Л. И., Евженко И. Е.* Инкунабулы в Белоруссии в XV—XVII вв. // Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения. Л., 1988. С. 33.

[11] *Grabe S.* Catalogus librorum quarumlibet a celcissimo ac illustrissimo principe ac Domino Dn. Boguslao Radziwil... Regimonti, 1673.

[12] Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Т. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. Изд. ОЛДП, 1902.

и архива не представляла уже целостного комплекса, о чем свидетельствует, в частности, Н. И. Костомаров, посетивший Несвижский замок по заданию Археографической комиссии в 1867 г.: «Архив князей Радзивиллов помещается в наследственном их замке, занимая несколько зал в одной стороне четырехстороннего здания. По местным преданиям, архив этот, как и вообще внутренность замка, пострадал во время военных смятений, обуревавших край в XVIII веке, перед первым разделом Польши... Тем не менее, в настоящее время это одно из богатейших собраний документов, относящихся к истории Польши и Великого княжества Литовского. Оно содержится в порядке, каталоги составлены хорошо... По каталогу, архивные сокровища разделены на три отдела: 1) грамоты и акты, 2) книги с историческими документами и 3) письма... Отделение книг с историческими документами начинается, по древности, с 1349 г. рокошем Глинянским и продолжается вплоть до падения Польши; всех книг около 60. К большому сожалению, это отделение, заключающее в себе много любопытных вещей и в том числе диариуши большей части сеймов, бывших в Польше, находится в крайне разоренном состоянии... Смотря по каталогу, видно, что более всего документов относится к XVIII веку...».[13]

Конфискаты 1764 г. попали в разные библиотеки Польши — следы их можно обнаружить в Курнике (собрания Дзялыньских), основная часть поступила в билиотеку Залусских в Варшаву, а после перевоза библиотеки Залусских в Петербург находилась в Императорской Публичной библиотеке.[14]

Точная дата вывоза книжной части Ординатской библиотеки в Петербург неизвестна. Цитированный нами в начале статьи Иоганн Бакмейстер обозначил ее 1772 годом, под 1771 г. написал о вывозе несвижской библиотеки французский историк Кастера: «Сама государыня участвовала в дележе добычи. Знаменитую библиотеку князя Радзивилла, сокровищницу литовской истории захватили и отправили в Петербург, несомненно, что оттуда больше не вернется...».[15] Обстоятельства вывоза книг из Несвижа были предметом

---

[13] Летопись занятий Археографической комиссии за четыре года. Вып. 5. СПб., 1871. Отд. IV С. 16, 19. Каталог архива, составленный в XIX в. Богуш-Шишкой, не отразил, естественно, потерь XVIII в.

[14] *Korzeniowski J.* Op. cit. №№ 301, 302, 372, 374, 379, а также см. приписку к № 294: «...из Радзивилловской библиотеки достался вначале библиотеке Залусских, как и много других рукописей Несвижских» (с. 217).

[15] *Castera J.* Histoire de Catherine II, imperatrice de Russe. Paris, an VIII [1800]. T. 2. P. 223—224. Перевод В. А. Сомова.

обсуждения советско-польской комиссии по выполнению Рижского мирного договора 1921 г. Один из представителей советской стороны, библиограф Д. Д. Шамрай после изучения вопроса составил тезисы, раскрывающие последовательность событий:

1. Несвижская крепость находилась в русских руках с 1796 года.

2. Со времени выступления Огинского, т. е. с сентября 1771 г., польско-русские взаимоотношения достигли крайнего обострения.

3. 9 февраля 1772 г. по новому стилю Радзивилл, находившийся за границей, уже писал о вывозе библиотеки.

Уже весной 1775 г. Пане Коханку перестал покровительствовать княжне Таракановой, с помощью которой надеялся сместить Екатерину II, а приняв от русского посланника Штакельберга 6 миллионов злотых выкупа за конфискованные из его замков и дворцов ценности, признавал совершившиеся факты.[16]

Новый период в истории библиотеки Радзивиллов начался с прибытием ее в Петербург, где она поступила как отдельное собрание в библиотеку Академии наук. Очевидец-путешественник, осматривавший библиотеку, оставил такие воспоминания: «Вторая комната, маленькая ротонда, очень темная, где находится коллекция книг Радзивилла, которые также совсем заброшены, как и те, которые были в предыдущей зале».[17] По данным архива Академии наук, несвижская библиотека поступила в академию в августе 1772 г. в 96 ящиках. В ней насчитывалось 14 892 книги, не считая гравюр, планов, нот. По распоряжению Академии для размещения этой библиотеки было срочно сделано 34 шкафа в центральной части здания Кунсткамеры под башней.[18] После переезда в Петербург библиотека не имела (довольно значительное время) никакого каталога. Правда, И. Бакмейстер сообщает, что немедленно была сочинена опись.[19] Каталоги были составлены в 1801 г. и 1841 г. (карточный). Пользуясь этими каталогами, заведующий славянским отделением БАН Э. Вольтер определил количество книг Радзивилловской библиотеки на 1772 год как 9673 заглавия.[20]

---

[16] ОР ГПБ, ф. 1105. Шамрай, № 15.

[17] *Fortia de Piles.* Voyage de deux français en Allemagne, Danemark, Suede, Russie et Pologne fait en 1790—1792. Paris, 1796. T. 3.

[18] История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.; Л., 1964. С. 138.

[19] *Бакмейстер И.* Указ. соч.

[20] Доклады и отчеты РБО, 1915—1916 гг. Петроград, 1917. С. 47.

К сожалению, не удалось выяснить, учитывались все книги Ординатской библиотеки или исключались собрания Флемминга, Сангушки и др.[21]

В настоящее время известно шесть экслибрисов Ординатской библиотеки. Все они представляют собой гербовый щит

с картушем, на подмете, сверху находится княжеская корона. Щит держат слева лев, справа лев с орлиным клювом. Пять экслибрисов отличаются размерами и последователь-

[21] О каталоге несвижской библиотеки 1651 г. сообщил Г. Я. Голенченко: *Голенченко Г. Я.* Крупные светские частновладельческие библиотеки Белоруссии и Литвы второй половины XVI — середины XVII в. // Федоровские чтения 1982. М., 1987. С. 103—104.

ностью слов в надписи: «Ex bibliotheka Radiviliana ducali Nesvisiensi», «Ex bibliotheka ducali Radiviliana Nesvisiensi», даже количеством «л» в слове «Радзивилиана» (есть варианты с одним и с двумя «л»). Шестой экслибрис с надписью «Bibliothece ducali Radiviliane Nesvisiensis» отличается тем, что не изображены львы, придерживающие щит с гербом радзивиллов (орлом), а рядом с ним помещен щит с гербом Вишневецких. Как определяет В. Виттыг, этот вариант — экслибрис Урсулы-Францишки Вишневецкой.[22] Кроме книг с обще-

библиотечными экслибрисами в библиотеке находились книги с личными экслибрисами Иеронима, Михаила, Кароля-Станислава Радзивиллов. Нам известен только один суперэкслибрис — он принадлежал Пане Коханку (ГПБ, 6.3.2.21).

[22] *Wittyg W.* Ex-librisy bibliotek Polskich XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1903. S. 59.

А. С. ЛАВРОВ

ЗАПИСНЫЕ КНИГИ НОВГОРОДСКОЙ ПРИКАЗНОЙ ПАЛАТЫ 1686—1689 гг.

К числу источников, вышедших из приказного делопроизводства, относятся записные книги. В них в хронологической последовательности фиксировались распределенные по «столпам» входящие и исходящие документы. Лаконичные данные книг являются важным источником, особенно в тех случаях, когда сами документы не сохранились. Внимание историков привлекали в основном записные книги московских приказов (например, Разрядного). В то же время материалы местных государственных учреждений остаются практически неизученными. Среди последних особое место занимают записные книги Новгородской приказной палаты, хранящиеся в Библиотеке АН СССР.[1]

Новгород являлся важным звеном в местном управлении Русского государства XVI—XVII вв. В Новгородской съезжей избе, согласно росписи 1647 г., числилось 25 подьячих, сидевших у разрядных, четвертных, поместных, судных и ямских дел.[2] В 1673 г. в связи с созданием военно-административных округов (разрядов), она была преобразована в приказную палату (тогда как в других городах были созданы приказные избы). К началу 90-х годов в палате было 8 столов, в которых работало 124 подьячих.[3] Разветвленный ха-

---

[1] БАН. 16.18.19. Далее ссылки в тексте, с указанием на лист. См.: Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 3, вып. 2. Исторические сборники XV—XVII вв. / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М., 1965. С. 312—313.

[2] *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. 101.

[3] *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 45, 47. См. также: *Голомбиевский А. А., Ардашев Н. Н.* Приказные, земские, таможенные, губные судовые избы Московского государства: Обзор документов XVI—XVII вв. в делах XVIII в., переданных в МАМЮ из упраздненных в 1864 году учреждений. // Записки Московского археологического института. Т. 4, вып. 1. М., 1909. С. 6.

рактер делопроизводства Новгородской приказной палаты предопределил сложную структуру и большой объем архива, впоследствии рассеянного по различным архивохранилищам и частично утраченного.[4] Последнее обстоятельство делает записные книги палаты ценным историческим источником.

Рукопись представляет собой конволют форматом в 4°, на 447 л., написанный скорописью, несколькими почерками. В рукописи насчитывается до 15 водяных знаков:

1) Голова шута с пятью бубенцами, литеры MORIN в рамке. Близок Дианова, 402 (1678, 1683 гг.); соответствующее литерное сопровождение в альбомах отсутствует[5] (л. 1—63).

2) Герб Амстердама — сходен Дианова, 157 (л. 64—71, 102—109, 190—197, 224—270).

3) Герб Амстердама — близок Дианова, 132 (1688 г.), но без указанного в альбоме парного знака (лигатура MI) (л. 72—85, 279—284).

4) Герб Амстердама — сходен Дианова, 130 (1682 г.) (л. 86—93).

5) Герб Амстердама — сходен Дианова, 164 (1688 г.), но без литер НС в рамке (л. 94—101).

6) Кувшинчик — тождествен Дианова, 748 (1685 г.) (л. 110—133).

7) Голова шута с пятью бубенцами — сходен Хивуд, 1981 (1681 г.), но без приведенного в альбоме литерного сопровождения (литер ICO в рамке) (л. 134—157).[6]

8) Герб Амстердама, литеры DCH в рамке — тождествен Дианова, 193 (1683 г.) (л. 158—165, 353—359, 392—423).

9) Перчатка. Не определен (л. 166, 168, 171, 173, 174—175, 180—181, 185—186, 271, 274—275, 278).

---

[4] Фонд одного из структурных подразделений избы (палаты) — Посольского стола — хранился в БАН с 1736 по 1931 г. Обзор фонда см.: Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 3. СПб., 1886. С. 253—256.

[5] *Дианова Т. В., Костюхина Л. М.* Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1980; *Клепиков С. А.* Бумага с филигранью «Голова шута» (Foolscap) // Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 26. М., 1963. С. 405—478. Здесь и далее пользуемся филигранологической терминологией, предложенной А. А. Амосовым (*Амосов А. А.* Проблема точности филиграмологических наблюдений. Терминология // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1971. С. 70—91).

[6] *Heawood E.* Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum, 1950. (= Monumenta chartae papyraceae historium illustrantia, 1).

10) Герб Амстердама — сходен Дианова, 140 (1682 г.) (л. 167, 169—170, 172, 176—179, 182—184, 187, 189, 198—219, 272—273, 279—284).

11) Голова шута с семью бубенцами — сходен Дианова, 419 (1683 г.), определен по фрагменту (л. 220—223).

12) Голова шута с пятью бубенцами, литеры GBA в рамке — тождествен Дианова, 383 (1689 г.) (л. 285—350, 366—391).

13) Гербовый щит. Не установлен (л. 351—352, 360—365).

14) Литеры ORADOVR в рамке. Сходные надписи сопровождают иногда знак postillion (л. 424—447).

15) Фрагмент позднего водяного знака — близок Тромонин, 1037 (1758 г.).[7] Лист с ним использован при подклейке л. 279.

Рукопись открывается общим заглавием: «Переписные списки прошлых годов 192 и 193, и 194, и 195, и 196...» (л. 1). Затем идут рубрики, соответствующие годам и столпам:

1) «Столп служилой 192-го году сентября с 1 числа» (л. 2—34 об.); 2) «Столп верстальной 192-го году» (л. 34—45 об.); 3) «Столп казачей 192-го году» (л. 47—50 об.); 4) «Столп пушечной 192-го году» (л. 53—59 об.); 5) «Столп всяких дел прошлого 192-го году» (л. 64—84); «Перепись столпам 193-го году» (л. 87); 6) «Перепись 193-го году, столп служилой» (л. 87—116 об.); 7) «Столп всяких дел 193-го году» (л. 118—129 об.); 8) «Столп пушечной 193-го году» (л. 130—133 об.); 9) «Столп верстальной 193-го году, верстанья боярина и воеводы Федора Семеновича Урусова» (л. 135—158 об.); 10) «Столп казачей верстальной 193-го году» (л. 159—160 об.); 11) «Столп служилой 194-го году сентября 1 числа» (л. 167—188 об.); 12) «Столп верстальной 194-го году» (л. 190—194 об.); 13) «Столп всяких дел 194-го году» (л. 198—214); 14) «Столп пушечной 194-го году» (л. 214 об. — 216 об.); 15) «Столп казачей 194-го году» (л. 217—220 об.); «Переписной список 195-го году сентября 1-го числа» (л. 224); 16) «Столп служилой 195-го году сентября 1-го числа» (л. 225—253); 17) «Столп верстальной 195-го году» (л. 256—257 об.); 18) «Столп всяких дел нынешнего 195-го году» (л. 258—266 об.); 19) «Столп пушечной 195-го году» (л. 267—271); 20) «Столп казачей 195-го году» (л. 271—275); 21) «Столп служилой 196-го году с сентября 1 числа» (л. 279—329); 22) «Столп верстальной казачей прошлого 196-го году. Писаны выписки казачьи» (л. 330—

[7] *Тромонин К.* Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844.

340); 23) «Столп всяких дел прошлого 196-го году» (л. 340 об. — 349); 24) «Столп пушечной 196-го году» (л. 349 об. — 361); 25) «Столп солдатъцкой 196-го году» (л. 352—356 об.); 26) «Столп служилой 197-го году» (л. 360—399 об.); 27) «Столп верстальной 197-го году» (л. 400—404 об.); 28) «Столп казачей прошлого 197-го году» (л. 405—408);[8] 29) «Столп всяких дел 197-го году» (л. 408 об. — 423 об.); 30) «Столп отставной дворянский прошлых 196-го и 197-го годов» (л. 424—439 об.); 31) «Столп солдатской 197-го году» (л. 440—447 об.).

Нижней датой работы над рукописью можно считать 1 сентября 1686 г. Об этом говорит ссылка на 1 сентября 195 г. как на время составления «переписного списка» и заведения очередного «столпа служилого» (л. 224, 225), а также упоминания о «нынешнем» 195-м годе (л. 258). Работа над записными книгами была завершена в 197-м (1688-89 гг.), о чем свидетельствует общий заголовок, в котором 192—196 гг. выступают как «прошлые» (л. 1). Подобная датировка подтверждается и данными филиграней. Вместе с тем записные книги содержат данные о делопроизводстве Новгородской приказной палаты за более широкий промежуток времени с 1 сентября 1683 г. (л. 2 и сл.) по 1689 г.

Одним из важнейших событий в социально-политической жизни Новгорода в этот период стала посылка «выборных» на Земский собор о вечном мире с Польшей в 1683—1684 гг. Сам собор не состоялся, так как закончились неудачей русско-польские переговоры в Андрусово, результаты которых собор должен был закрепить. Несмотря на это, сами выборы на собор представляют особый интерес, так как этот земский собор стал последним.[9] Он как бы подводит черту под традицией сословного представительства в России. Новгородские служилые люди волею судеб оказались последними русскими депутатами: следующие будут избраны 80 лет спустя, в екатерининскую Уложенную комиссию.

Документы Разрядного приказа, связанные с созывом собора, были изучены В. К. Никольским, посвятившим им от-

---

[8] В «Описании...» вместо л. 408 об. указан. л. 408, а также ошибочно л. 159 (начало документа 10) записан как 154 (с. 312—313).

[9] В 1699 г., согласно сообщению И. Г. Корба, Петр решил созвать земский собор или сословную комиссию для суда над царевной Софьей Алексеевной, однако этот замысел оказался, очевидно, неосуществленным (*Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию (1698—1699 гг.) СПб., 1906. С. 94; см.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 370—372).

дельное исследование.[10] Пять опубликованных историком документов относятся к новгородским представителям. Сопоставление разрядных материалов с данными записных книг позволяет дополнить некоторыми новыми чертами историографическую традицию.

Первой в записные книги внесена грамота великих государей, предписывающая выбрать на собор «с пятины по два человека и с первые статьи лутчих и разумных и знающих и пожиточных людей», взять на них «выбор» и выслать их в столицу (л. 26). Эта грамота полностью вошла в ответную отписку воеводы Ф. С. Урусова от 19 января 1684 г., по которой и опубликована В. К. Никольским.[11] Воевода сообщал, что выборы прошли уже в двух пятинах. Служилые люди Бежецкой пятины выбрали на собор И. И. Аничкова и Б. К. Лупандина, а Обонежской пятины — И. Е. Качалова и Н. Ф. Харламова. И. Е. Качалова, отлучившегося из Новгорода, «послали того ж числа и велели его выслать к... Москве». Что же касается И. И. Аничкова, то он «поехал к Москве до... указу». Новгородским властям оставалось выслать Б. К. Лупандина и Н. Ф. Харламова и выборы на всех четырех в Москву, что и было сделано, согласно отписке, 2 января 1684 г.[12] В Записных книгах отписка нашла следующее отражение: «Писано к в. г. о выборе. Как дворян в Великом Новегороде выберут, и их к в. г. к Москве вышлют, и выборы на них пришлют. Выборы посланы к в. г. к Москве Бежецкие пятины на Ивана Оничкова, на Богдана Лупандина, Обонежские пятины на Ивана Качалова, на Микиту Харламова» (л. 23).

Дальнейшие события почти не отражены в разрядной документации, но их можно проследить по Записным книгам. Новгородские власти явно торопились, очевидно было, что медленная деятельность дворянской сословной организации не устраивала их. Между тем необходимо было уложиться к «указанному сроку» — 5 января 1684 г. Воеводе пришлось перейти к решительным действиям. Были посланы «памяти

---

[10] *Никольский В. К.* Земский собор о вечном мире с Польшей 1683—1684 гг. // Научные труды Индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта. Сер. соц.-экон. Вып. 2. М., 1928. С. 1—75.

[11] Из ответной отписки узнаем и дату грамоты — 29 января 1683 г. Эта дата становится как бы точкой отсчета, так как последующие документы в Записных книгах не датированы, но расположены в хронологической последовательности.

[12] *Никольский В. К.* Указ. соч. С. 55—66. Здесь же опубликованы «выборы Бежецкой и Обонежской пятин, относящиеся соответственно к 28 и 29 декабря 1683 г.» (с. 56—57).

в пятины по Ивана Качалова, по Луку Самарина, по князь Гаврилу Мышецкого, по Алексея Лихарева, по Гаврила Крекьшина чтоб их выслать в Великий Новгород тотчас» (л. 24 об.). Дальше следуют записи о трех документах: «доезжая память Ивана Качалова, что он по высылки к в. г. к Москве поехал», «доезжая память Луки Самарина, что он к в. г. к Москве выслан», «доезжая память Гаврилы Крешина, что он к в. г. к Москве выслан» (л. 25 об.). Вряд ли, высылая в Москву одного выборного за другим, новгородские власти позаботились о том, чтобы их кандидаты были одобрены новгородскими служилыми людьми. Зато можно было доложить в Москву о выполнении царского указа.

Вторая воеводская отписка, посвященная выборам, сохранилась в отрывке из Разрядного архива: «И по вашему, в. г. указу и по грамоте в Великом Новегороде новгородцы дворяне и дети боярские выбрали из Вотцкой пятины князь Гавриила, князь ж Матвеева с. Мышетцкого, Алексея Антонова с. Лихарева, из Шелонской пятины княь Офонасья княж Иванова с. Кропоткина, Гаврила Микитина с. Крекшина, из Деревской пятины Алексея...».[13] Здесь текст, опубликованный В. К. Никольским, обрывается. Записные книги дают возможность восстановить имена двух недостающих, неизвестных до сих пор выборных: «<...> Алексея Оничкова, Луку Самарина и они высланы к в. г. к Москве и выборы под отпискою посланы» (л. 26). Последняя подробность особенно выразительна: по крайней мере, двое из шести выборных уже находились на пути в столицу, в это время на них были задним числом оформлены «выборы».

Вторая отписка была получена в Разряде только 22 февраля 1684 г.[14] Тем временем в Новгород была направлена новая грамота, «а велено по прежней и по сей грамоте выслать к Москве с пятины дворян по два человек и добных и разумных и пожиточных людей для поставления вечного мира, и только де на Москве явились Бежецкой пятины Богдан Кузьмин сын Лупандин, Обонежской Дмитрей Федоров сын Харламов, а иных никто не объявливался» (л. 26—26 об.). С опозданием в Москве собрались все 10 выборных.

Это подтверждает и указ о роспуске участников сбора. В Записных книгах занесена «в. г. грамота, что отпущены с Москвы новгородцы князь Гаврила Мышетцкой, Алексей Лихарев, Богдан Лупандин, Иван Аничков, Алексей Анич-

---

[13] *Никольский В. К.* Указ соч. С. 57.

[14] Помета на отрывке челобитной опубликована В. К. Никольским (указ соч. С. 67).

ков, князь Афонасей Кропоткин, Гаврила Крекшин, Микита Харламов, Иван Качалов, и впредь в полки их на службу в. г. высылать не велено год» (л. 30). Последнее свидетельство достаточно важно, оно еще раз показывает, что участие в работе собора рассматривалось не столько как сословная привилегия, сколько как служебное поручение.[15] Об этом же говорит и пожалование в чины участников собора. Так, Гаврилу Никитина Крекшина велено было «написать по выбору» (л. 30 об.).

Так Записные книги позволяют восстановить последнюю страницу в истории дворянского представительства на земских соборах. В ней проявились основные особенности социально-политической жизни русского провинциального дворянства XVII в. — «служилого города». Это и вмешательство воевод в деятельность сословных органов, и нерасчлененность сословных прав и служебных обязанностей. Однако традиция сословного представительства еще жива. И в значительной мере самой возможностью наблюдать ее мы обязаны уникальному характеру новгородского «служилого города», опиравшегося на прочную землевладельческую базу.[16]

---

[15] У В. К. Никольского упоминается только о награждении выборных соболями (указ соч. С. 46).

[16] *Воробьев В. М., Дегтярев А. Я.* Русское феодальное земледелие. От Смутного времени до кануна петровских реформ. Л., 1986.

В. Д. РАК

ПЕРЕВОД ИЗ «КИТАЙСКОГО ШПИОНА» А. ГУДАРА В РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ КОНЦА XVIII В.

Рукописный сборник (БАН 16.9.4), составленный неизвестным лицом, которое, судя по отбору произведений, отличал явный интерес к современной ему вольной словесности, включает «чуть ли не полный репертуар русской „подпольной“ сатиры 1770—1780-х годов».[1] Исследователи отметили, в частности, «I<-ой> части 32<-е> письмо из Пекина» (л. 122 об. — 127), содержащее «яркую филиппику против произвола тиранов» и «смелое оправдание права народа на восстание против деспотизма».[2] Незамеченным осталось, что это анонимное письмо стоит в одном ряду с несколькими другими и что все они переведены из книги французского просветителя Анжа Гудара (Goudar, 1720—1791) «Китайский шпион, или Тайный агент пекинского двора, посланный для изучения нынешнего состояния Европы» («L'Espion chinois, ou l'Envoyé secret de la cour de Pékin, pour examiner l'état présent de l'Europe / Trad. du chinois. Cologne, 1764. T. 1—6. Переиздания: 1765, 1769 и др.).

Существующее описание сборника[3] должно быть в этой части уточнено:

Л. 115. «Изъяснение о политике. Из Парижа». Пер. с фр. Оригинал: Goudar A. L'Espion chinois..., t. 1, lettre 36. Le Mandarin Cham-pi-pi, au Mandarin Kié-tou-na, à Pékin. De Paris.

Л. 121. «2<-й> части письмо 6e из Парижа». Пер. с фр. Оригинал: Ibid, t. 2, lettre 4. Le Mandarin Sham-pi-pi, au Chef de la Religion, à Pékin. De Paris.

---

[1] *Мартынов И. Ф., Кукушкина Е. Д.* Сатиры на откупщика Логинова // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1976. М., 1977. С. 41.

[2] Там же.

[3] Описание рукописного отдела Библиотеки АН СССР. Т. 4, вып. 2. Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения, XVII — первая треть XIX в. / Сост. *И. Ф. Мартынов.* Л., 1980. С. 155—160.

Л. 122. «2<-й> части письмо 88e из Венеции». Пер. с фр. Оригинал: Ibid, t. 2, lettre 88. Le Mandarin Sin-ho-ei, au Mandarin Cham-pi-pi, à Paris. De Venise.

Л. 122 об. «1<-й> части 32<-е> письмо из Пекина». Пер. с фр. Оригинал: Ibid, t. 1, lettre 32. Le Mandarin Cotao-yu-se, au Mandarin Cham-pi-pi, à Paris. De Pékin.

Четыре вошедших в сборник письма составляют очень малую часть от нескольких сотен, которыми обменялись вымышленные китайские соглядатаи со своею главною квартирой и между собою. Разумеется, эта скромная выборка не отражает ни всего богатства мыслей и наблюдений Гудара, ни разнообразия его сатирических интонаций. Невозможно на ее основании вынести и сколь-либо детализированное суждение о взглядах первого владельца сборника, поскольку неизвестно, имел ли он в своем распоряжении полный комплект «Китайского шпиона» или же кем-то до него сделанные извлечения, которые, может быть, сводились к этим самым четырем письмам. Тем не менее общий склад его суждений об окружающей его жизни вырисовывается достаточно определенно: это был человек, настроенный весьма критически по отношению к самым коренным устоям, самым основным началам существующего порядка и нашедший у французского автора созвучные оценки, которые, очевидно, утвердили его в сознании своей правоты и, вполне вероятно, помогли ему яснее определить собственную позицию.

В первом письме разъясняется природа и сущность политики как особой формы поведения властей предержащих, которой агент Небесной империи не находит аналога в своем отечестве — умозрительном идеальном государстве, смоделированном философами-просветителями на основаниях разумности и законности для разработки и популяризации своих интеллектуальных построений.[4] «Невозможно мне никак изобразить тебе точно того, что называется у европейцев политика, — начинается письмо. — Надобно для сего, чтобы сердечные твои чувства сделались развращенные и душа твоя заразилась бы множеством злых дел, а по душе и разум был бы напоенны бесчисленными хитростями и лукавствами. Государственная политика есть некоторое прикровѐнное поведѐние, которым все владетели стараются скрывать друг от друга истинные свои намерения; сею краскою покрываются государственные дела, дабы они совсем иной являли вид»

[4] Краткую сводку о китайской теме в XVIII в. и обширную литературу вопроса см.: *Алексеев М. П.* Пушкин и Китай // Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979. С. 55—59, 89—92.

(л. 115). Учатся этому «превосходному искусству обманов» (л. 115) при дворах, «то есть она (политика — *В. Р.*) имеет свое происхождение из самого того места, которому надлежало бы святилищем быть добродетели, а действом исполняется она в делах государственных, в которых, кажется, и употреблять ее отнюдь не должно» (л. 115 об.).

Привычная для литературы XVIII века маска проницательного, добросовестного и прямого в своих простодушных оценках наблюдателя, выходца из «нецивилизованного» мира, позволяет истинному автору обнажать суть рассматриваемого в резких формулировках, якобы, согласно правилам литературной игры между писателем и читателями, неожиданных своею откровенностью для притерпевшихся к безобразиям и потерявших остроту их восприятия обитателей Старого Света. «Наслышавшись много похвалы о тех людях, кои при разных европейских дворах отличными себя показали в политике» (л. 115 об.), китайский шпион погружается в их жизнеописания («ибо каждый из таковых имеют свою историю») и, усмотрев в их деяниях лишь неисчислимые преступления, заключает, что «знатнейшие господа политики все были великие злодеи, бесчестные люди, порабощенные порокам. <...> Разбойник и явный злодей, которых по нашим законам жестокою смертию казнят, не сделает столько бед, сколько господа политики наделали» (л. 115 об. — 116). Кончает агент это свое донесение перечислением необходимых политику свойств, из которых складывается уничтожающая сатирическая характеристика: «Всякому политику надлежит быть хитру, скрыту и проворну; ему надобно иметь душу всегда сокровенну и так, как бы заключенную в себе самой; темным мраком надобно ему покрывать все свои дела; лицо иметь двоякое или трех разных видов, а мину всегда переменную; не говорить никогда того, что думает, а не думать никогда так, как говорит. Он должен быть[5] человек жестокий и готов на предательство в нужном случае всего человеческого рода к насыщению своего высокомерия; варвар, посылая на убийство целые миллионы людей; бесчеловечен, не имея ни малейшей жалости к погибающим людям; великий обманщик для искусного исполнения своих дел; тонок по угождению на всякий нрав; ласкатель для обману людей похвалою; несправедлив, наблюдая одну только собственную свою надобность; неверен в данном слове, истово его отпи-

---

[5] В рукописи: должен был.

рается, не имеет никакой веры, а пользуется[6] всеми для своих видов» (л. 116 об.).

Если это письмо воспринималось в проекции, на российскую действительность (что вполне вероятно, хотя даже истоки политики, какой она предстала его автору, он вывел из ватиканских интриг), оно могло найти сочувствие равно как у недовольного приверженца отечественной старины, видевшего корень неприемлемого для него состояния дел в петровских реформах, так и у радетеля преобразований в духе передовых идей европейского Просвещения. Однако со следующим письмом из Парижа, включенным в сборник, первый из них вряд ли бы согласился и остановил на нем свой выбор.

В этом донесении речь идет о «безбожном обществе, которое учреждено для развращения[7] совести человеческой» (л. 121). Такое впечатление сложилось у китайского агента о Собрании проповедников в иностранных местах[8] после того, как его посетил один из миссионеров и склонял обратиться в христианство. Китаец это предложение категорически отверг, будучи убежден, что «человек, который пременяет веру, покидает с догматами своими все те добродетели, которые соединены были с прежним его законом, а прилепляется к одним порокам, неразрывным с новою верою» (л. 122). Это суждение подкрепляется в письме аргументами, которые выдвинула просветительская мысль в обоснование веротерпимости, опиравшейся на учение о равноценности всех существующих на земле религий. «Это самое беспутное умствование человеческое, что хотят приводить других в равное с собою мнение о богопочитании. Сверх того, что это дело бессовестное, но еще и само собою невозможное. Проповедовать единство[9] веры то же действительно, что принуждать людей жить в одном климате. Сомнения в том никакого нет, что все различные веры сообразны местному положению. А климаты между собою не заимствуют ничего. Посмотри только, какой образ имеет видимый сей мир, то тотчас уверишься, что нельзя быть одной вере у всех народов. Верам же надобно быть сходственным и с гражданскими узаконениями[10] каждого государства. Христианская вера столько же непристойна в Японии, сколько японская не прилична

[6] В рукописи: ползоватся.
[7] В рукописи: возвращения. Во французском подлиннике: débaucher — развращать.
[8] В подлиннике: Collège des missions étrangères.
[9] В рукописи: единственно. В подлиннике: l'unité — единство.
[10] В рукописи: гражданских узаконениям.

французским узаконениям. <...> Китаец в христианской вере будет изверг для гражданского общества: он забудет отца, а помышлять станет только о папе, сие испровергает весь смысл нашего правления, которое утверждается на отеческой власти» (л. 121 об.). Логика этих рассуждений ведет к «еретическому» выводу о преступном, в сущности своей, характере миссионерской деятельности по обращению «язычников» в христианство, которую церковь — и западная, и восточная — испокон веков признавала одной из высших форм служения богу. «Из того следует, — заключает корреспондент, — что посылаемые в разные места проповедники — рушители народного покоя и подлежательны жестокой казни по всем народным правам» (л. 121 об.). Соответственно тому же наказанию должны, по его мнению, предаваться и вероотступники; «такой государственный закон <...>, — утверждает он, — может больше пользы принести всему свету, нежели все до сего учиненные наилучшие учреждения» (л. 122). Нетрудно понять, какую взрывную энергию таило это письмо, коль скоро, если продолжить его мысль до логического конца, оно полностью развенчивало многовековую традицию почитания мученичества и подвигов христианских просветителей, несших, как учила церковь, «истинную» веру и с нею спасение «темным», заблудшим язычникам.

В коротком послании другого китайского агента, сделавшего на своем пути по Италии длительную остановку в Венеции, сообщается о том, как некоторые местные семейства причисляют себя к дворянскому сословию, платя большие суммы за то, чтобы их внесли в «золотую книгу» родословия, которая в результате стала «денежной», т. е. бухгалтерской. «Таким образом, — констатирует соглядатай, — между благородным гражданином и неблагородным всю разность поставляет платимая сумма» (л. 122 об.). Едких иронических замечаний под личиною бесстрастного стороннего наблюдателя удостаивается не только «новое», но и древнее дворянство, чьи генеалогии уходят вглубь веков: «Одни только старинные роды пользуются надлежащею достоинству их отличностию. Надобно признаться, что они и заслуживают оную. Благородный старинного происхождения человек имеет все надлежащее породе его и старшинству фамилии почтение, ежели он лет 30 погулял в Броглио,[11] добивался знатнейших в республике чинов, защищал честь многих женщин, проигрывал немалые деньги в карты, имел много любовниц,

[11] Площадь в Венеции, место деловых встреч и прогулок знати.

собак, лошадей и содержал экипаж на Бренте,[12] и пр., и пр.» (л. 122 об.).

Язвительные выпады по адресу венецианских дворян, как подлинных, так и самозванных, ассоциировались, нужно полагать, каким-то образом в сознании первого владельца сборника с проводившимся как раз в те годы, когда он его составлял, оформлением губернских родословных книг на основании дарованной в 1785 г. «Грамотой на права, вольности и преимущества благородного дворянства». Точнее, однако, его позицию и мотивы, которыми он руководствовался, включая в сборник, наряду с другими, это извлечение из «Китайского шпиона», не представляется возможным определить.

В четвертом письме поставлен актуальный для эпохи Просвещения вопрос о подчинении государей закону и вероятных следствиях его нарушения. По мысли А. Гудара, даже при самом разумном государственном устройстве, когда закон безусловно главенствует, неизбежны, вследствие человеческих слабостей правителей, отдельные акты произвола и несправедливости, которые в силу своей исключительности приобретают особо вопиющий и взрывоопасный характер. Для разбора в подобной ситуации поведения сторон — верховной власти и подданных — она моделируется в идеальной утопической державе, каким читателю рисуется Китай через рассуждения, наблюдения и оценки засланных в Европу агентов, а также из писем, получаемых ими с родины от своих начальников. Хотя в этой стране «законы брачные хранят ненарушимо», так что «всякий гражданин, имеющий свою жену,[13] не опасается, чтобы во обладании ею кто-нибудь мог его потревожить», и «сам государь, имея беспредельную <...> власть, не может отнять жены ни у кого» (л. 123), царствующий император, «муж целомудренный, но притом человек» (там же), впал в соблазн и взял в наложницы красивую женщину, которую угодливо подставил ему один из мандаринов, похитивший ее обманом (без ведома, однако, монарха) у законного супруга. Последний подал императору прошение, с которого снимается копия и посылается агенту в Париж, «чтоб там перевести его на европейский язык, дабы сие служило наставлением всякому из христианских областей в подобных сему случаях» (там же).

Такова легенда-модель, вымышленная Гударом для умозрительного «проигрывания» с целью исследования проб-

[12] Река.
[13] Перевод не передает иронического оттенка: „qui jouit d'une esclave à titre d'épouse“ — «имеющий рабыню в качестве жены».

лемы. «Я объявляю в сем прошении, — пишет в преамбуле к нему раздраженный муж, — что если он не отдаст мне моей жены, то я имею право почитать его мучителем и учинить возмущение в государстве, чтоб низвергнуть его с престола, яко недостойного государя и прочая» (л. 123 об.). В этих словах находит выражение конечная степень накала эмоций, а в самом прошении чувствуется их постепенное нарастание, характеризующее разные этапы гражданского неповиновения.

Оскорбленный супруг начинает с перечисления насмешек, сыплющихся на него в сложившемся положении; от них он переходит к издевке над самим императором, польстившимся на красавицу, страдающую тайною «пакостной немочью». По мере того как на бумагу ложатся все новые и новые строки, усиливается обида и выплескивается в мрачных предсказаниях грядущих бед, которые принесет державе «лукавая женщина»: «Она восхитит твой престол, вместо тебя будет повелевать; она будет раздавать по воле своей первейшие чины государственные; продаст все места правительства и в куплю превратит милости твои монаршии; соберет несчетные суммы денег, отъемля оные от обращения в народе; принудит тебя сослать в изгнание самых искуснейших твоих министров, а на их места возведет других, кои не разумеют ничего в правлении; лишит знатнейших особ всех их чинов, кои им исстари принадлежали, даст оные самым подлым людям; словом сказать, введет везде нестройство и беспорядок» (л. 124 об. — 125). В этой точке все «резоны» оказываются исчерпанными — озлобленный муж пускается в угрозы: «Повиновение подданных к монарху, — напоминает он императору, — происходит непосредственно от добродетели его, а когда нет себя добродетели, то нет и по<ви>новения. Тогда народ, как лютый зверь расторгнув узы, может растерзать и государя» (л. 125 об.). К этому средству он обещает прибегнуть, если не будет ему возвращена жена: «Соберу к себе во общество сколько сыщу недовольных и пойду по всему государству разглашать народу китайскому, что мучитель царствует над нами, отнял явно у меня жену и живет с нею бесстыдно; стану заклинать всех именем Конфуциевым, который не желал, чтобы люди его закона когда-нибудь подвержены были таковому поруганию; именем его буду слезно просить, чтобы помогли мне отмстить мою обиду. Если же никто не послушает просьбы моей, то со всем тем не мни, чтоб ты укрылся от достойныя за преступление твое казни. Страшися подданного, когда отчаянная любовь руку его вооружает» (л. 126—126 об.).

Так вызревают народные мятежи, согласно А. Гудару, который в этом их объяснении популяризировал житейской, общепонятной иллюстрацией широко распространенную как в его время, так и ранее точку зрения. Вместе с тем, как бы резко ни звучали филиппики в «письме из Пекина», оно не дает основания для цитированного в начале статьи заключения исследователей о признании автором *права* подданных на восстание. Этот вывод не учитывает концовки письма: податель прошения, опомнившись от совершенной в припадке слепого гнева безрассудной дерзости, является к императору с повинной, готовый сложить голову за проявленное непочтение к государю; специально назначенная комиссия из мандаринов приговаривает его к смертной казни как бунтовщика; но император дарует ему жизнь и возвращает супругу «с тем токмо, чтоб ему переселиться из Пекина в другой город и с женою, и со всем домом своим» (л. 127). Критическая ситуация улажена компромиссом при безусловном восстановлении ущемленных властью прав личности — и этот выход А. Гудар, при всем отчетливом радикализме его взглядов, допускавших возможность восстания,[14] считал, очевидно, наиболее приемлемым, по крайней мере в то время, когда писал «Китайского шпиона».

За последним из рассмотренных четырех писем следует в сборнике непосредственно «Совет китайского философа Чензыя о государственном правлении» (л. 128—131 об.) — извлечение из книги А. Л. Леонтьева «Китайские мысли» (СПб., 1772; 2-е изд., 1775; 2-м тиснением, 1786), содержащее программу действий разумного монарха и дополняющее некоторым образом положительное представление о далекой восточной империи, вынесенное из предыдущих материалов. Несколькими страницами далее находится выписка «Из китайского лечебника» (л. 138—139), в которой, по всей видимости, составитель усмотрел глубокое знание и понимание человеческого организма, приличествующее ученым именно той страны, где царит закон и потому должны процветать искусства и науки. Итак, налицо небольшая подборка, свидетельствующая о том, что неизвестный составитель сбор-

---

[14] См.: *Гордон Л. С.* Некоторые итоги изучения запрещенной литературы эпохи Просвещения (вторая половина XVIII в.) // Французский ежегодник. 1959. М., 1961. С. 101—106.

ника разделял увлечение «китайщиной», проходившей на русской почве в конце 1780-х гг. один из своих пиков.[15]

---

[15] См.: *Алексеев М. П.* Указ. соч., с. 59—62; *Maggs W. B.* Russia and „le rêve chinois“: China in eighteenth-century Russian literature. Oxford, 1984. (Studies on Voltaire and the eighteenth century; 224). В дополнение к уже освещенным в научной литературе разнообразным фактам проявления интереса к Китаю в то время можно указать, что в 1787 г. петербургские книгопродавцы помещают неоднократно в газете объявления, содержащие целевой подбор книг о Китае (например, Санктпетербургские ведомости. 1787. 24 сент. № 77. С. 1042; 28 сент. № 78. С. 1056—1057; 26 окт. № 86. С. 1167—1168; 29 окт. № 87. С. 1180; 2 нояб. № 88. С. 1196; 9 нояб. № 90. С. 1220; 12 нояб. № 91. С. 1232; 16 нояб. № 92. С. 1248). Тогда же через лавку М. Овчинникова проходят рукописи «Воздыхания святая, переведена с китайского языка» (объявление: там же, 29 окт. № 87. С. 1182; цена 1000 руб.) и «Описание Китайского государства и о взятии китайцев татарами ездицкими» (объявление там же, 16 нояб. № 92. С. 1248; № 93. С. 1260; цена 300 руб.). В том же самом году ярославский журнал «Ежемесячное сочинение» отводит практически весь февральский выпуск под китайские и псевдокитайские произведения, взятые из разных источников. Один из них можно назвать: статья «Письмо. Кнеуш к Сиое Чеу» является переводом девятнадцатого письма из первого тома «Китайских писем» маркиза д'Аржанса (Argens, Jean Baptiste de Boyer d'. Lettres chinoises, ou Correspondance philosophique, historique et critique, entre un chinois voyageur à Paris et ses correspondans à la Chine, en Moscovie, en Perse et au Japon. 1740).

М. П. ЛЕПЕХИН

К ИСТОРИИ РАБОТЫ ЕВГЕНИЯ БОЛХОВИТИНОВА НАД СЛОВАРЕМ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

При изучении биобиблиографических словарей русских писателей XVII — первой половины XIX в. нам довелось ознакомиться с некоторыми рукописными и печатными материалами, заслуживающими самостоятельного описания. Необходимость описания всех рукописных источников данной тематики сомнений не вызывает. Что же касается печатных изданий, то отдельного описания, на наш взгляд, заслуживают прежде всего все экземпляры с авторской или редакторской правкой, а также экземпляры с дополнениями, вне зависимости от того, выполнены ли они автором или иным лицом. Ранее уже было обращено внимание на необходимость учета подобного рода материалов в области генеалогии,[1] однако в дальнейшем, помимо нескольких общих обзоров литературы данной тематики, конкретного поэкземплярного описания этих и им подобных уников произведено не было.

Продолжая цикл дескриптивных заметок «Из истории отечественных биобиблиографических словарей XVII — первой половины XIX века», начатый нами описанием хранящегося в РО ИРЛИ не увидевшего света корректурного экземпляра 4-го издания «Зерцала Российских государей» Т. С. Мальгина,[2] в настоящем сообщении мы рассматриваем поступивший в 1930-е гг. из БАН в Институт литературы АН СССР экземпляр 2-го издания «Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви» митрополита Евгения (Болховитинова) с обширной авторской правкой. Все, связанное с памятью этого

---

[1] *Петрова О. В.* О родословных справочниках с рукописными дополнениями и исправлениями генеалогов // Археограф. ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 217—220.

[2] *Лепехин М. П.* Об одном неосуществленном замысле Тимофея Мальгина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Л., 1984. С. 29—73.

выдающегося деятеля отечественной библиографии, драгоценно для исследователя; особый же интерес представляют материалы, позволяющие по-новому взглянуть на творческую историю его трудов.

В подсобной библиотеке Рукописного отдела Института русской литературы АН СССР (РО ИРЛИ, библ., № 471) хранится экземпляр главного труда выдающегося русского ученого митрополита Евгения (Болховитинова) — 2-го издания «Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви» (СПб., 1827), характер многочисленых помет и исправлений в тексте которого свидетельствует о его несомненной принадлежности автору, что и подтвердилось сравнением почерка. Судя по зачеркнутым шифрам на форзаце и авантитуле, он поступил туда из дублетных фондов БАН (Ш,5/3844; карандашная помета Д) в начале 1930-х гг., — об этом говорят зачеркнутые прежние шифры подсобной библиотеки РО ИРЛИ (РО №№ 43, 292); последнее свидетельствует также и о том, что в дальнейшем при списании непрофильной литературы из подсобной библиотеки книга ввиду явной полезности для работы неизменно была оставляема. Другую зачеркнутую надпись (разр. 1, отд. 5, № 35) мы объяснить не можем, так как в 5-х описях 1-го разряда ни ЛО ААН (Рукописи трудов членов Академии наук, поступившие из архива Конференции АН), ни РО ИРЛИ (отдельные произведения авторов на букву Г) эта книга никогда не значилась. Передача книги из БАН состоялась в начале 1930-х гг., когда ряд хранившихся там уникальных рукописных и печатных материалов был перераспределен между другими академическими и неакадемическими учреждениями.[3] Значительные объемы перераспределяемого материала, а также произведенные в 1929—1931 гг. большие сокращения штатов и обновление личного состава сотрудников БАН, силами которых производились отбор и передача дублетных и непрофильных материалов, позволили авторскому экземпляру «Словаря» затеряться в горах книг, казавшихся тогда ненужными. Этому способствовало и то, что никакой записи об авторе маргиналий и принадлежности экземпляра книга не имела тогда и не имеет до сих пор.

---

[3] Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2. XIX—XX вв. М.; Л., 1958. С. 52—53; История Библиотеки Академии наук СССР. 1917—1964. М.; Л., 1964. С. 407.

Когда и как данный экземпляр «Словаря» попал в БАН, пока неизвестно. По кончине Евгения 23 февраля 1837 г. книга непродолжительное время находилась у священника Киево-Софийского собора Кирилла Ботвиновского, о чем свидетельствует его роспись на авантитуле. От него «Словарь» перешел к знаменитому проповеднику, ректору Киевской Академии Иннокентию Борисову; вместе со всей библиотекой последнего книга в 1841 г. переехала в Одессу. По кончине Иннокентия 26 мая 1857 г. его имущество, в числе которого было богатейшее собрание книг и рукописей, оказалось расхищенным.[4] У одного одесского букиниста оказался и «Словарь», который был у него приобретен протоиереем Одесской Покровской церкви Ф. Е. Туровским. Со своей находкой Туровский ознакомил известного знатока малороссийской старины Л. С. Мацеевича, бережно собиравшего любые материалы, относящиеся к деятельности святителей Евгения и Иннокентия. Их маргиналии были скопированы Мацеевичем и десятилетие спустя им же опубликованы.[5] После кончины Туровского 1 сентября 1895 г. его библиотека досталась одному из сыновей, который поторопился продать ее на толкучем рынке на вес. О судьбе «Словаря» Мацеевич не имел никаких сведений: «Драгоценный экземпляр... Но где он теперь и существует ли еще — неизвестно...».[6] Опубликованное впоследствии Мацеевичем по своим записям описание авторского экземпляра «Словаря» прошло незамеченным — оно не было учтено в сводках литературы ни о Евгении,[7] ни о его «Словаре»;[8] лишь в одном указателе содержится глухая (т. е. неаннотированная) ссылка на эту статью без указания ее названия и раскрытия криптонима автора.[9] Поскольку экземпляр описывался Мацеевичем не de visu, а спустя десятилетие после снятия копии, в публикацию неизбежно вкрался ряд мелких пропусков и неточностей. В нашем со-

[4] *Стрельбицкий И.* К материалам для биографии преосвященного Иннокентия Херсонского // Труды Киевской духовной академии. 1889. № 8. С. 634—635.

[5] *Л. М.* [*Мацеевич Л. С.*] Замечательный экземпляр книги митрополита Киевского Евгения Болховитинова «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. Изд. 2-е. СПб., 1827 г.» // Киевская старина. 1904. № 9. С. 275—291.

[6] Там же. С. 278.

[7] *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. 2. С. 336—340.

[8] *Кауфман И. М.* Русские биографические и биобиблиографические словари. [2-е доп. и испр. изд.]. М., 1955. С. 288—294.

[9] *Степанов В. П., Стенник Ю. В.* Русская литература XVIII века: Библиограф. указатель. Л., 1968. С. 38. № 318.

СЛОВАРЬ

ИСТОРИЧЕСКІЙ

О

БЫВШИХЪ ВЪ РОССІИ ПИСАТЕЛЯХЪ

ДУХОВНАГО ЧИНА

ГРЕКО-РОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ.

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИВАНА ГЛАЗУНОВА

И ЕГО ИЖДИВЕНІЕМЪ,

1827 ГОДА.

общении мы сочли необходимым также прокомментировать ряд внесенных Евгением дополнений и, выявив их источники, уточнить время работы над правкой «Словаря» и ее характер.

Словарь русских писателей создавался Евгением на протяжении трех десятилетий с конца 1790-х по начало 1830-х гг.; в ходе работы непомерный объем вынудил Евгения разделить свой труд на две части — словари писателей духовных и светских; при жизни Евгения был напечатан только первый. П. П. Пекарский, защищая позднее этот труд Евгения от пристрастной критики Филарета Гумилевского, так отозвался о «Словаре»: «Можно смело сказать, что из тогдашних русских ученых один только митрополит Евгений был в состоянии взяться за подобный труд, который требовал и огромной начитанности и близкого знакомства с самыми разнообразными материалами, в те времена далеко еще не совсем известными <...> Митрополит Евгений, сколько до сих пор известно, не имел у себя пособников и, несмотря на то, успел исправить и дополнить свой труд, который вышел в свет вторично в 1827 году. С тех пор словарь сделался краеугольным камнем для всех почти исследователей по части нашей духовной литературы. Впоследствии, при более внимательных разысканиях, а также при большей доступности разнородных материалов, стали в нем открываться, как и следовало ожидать в таком обширном труде, недостатки, неполноты и т. п. Но при всем том можно заметить, что многие из порицателей и покровителей митрополита Евгения пользовались и пользуются, если можно выразиться так, канвою, заготовленной этим достойным ученым. Благодаря митрополиту Евгению предприятие нового сборника сведений о жизни и сочинениях русских писателей не могло уже представлять тех трудностей, которые он непременно должен был встречать».[10] Как будет видно из рассматриваемых маргиналий, свой труд Евгений законченным не считал. «Он никогда не охладевал к науке, и охота заниматься ею у него не проходила».[11]

Приступим к описанию. Оба тома заключены в один бумажный переплет с кожаным корешком, на коем вытиснено «Словарь исторический писателей духовного чина»; суперэкслибрис отсутствует. До обреза перед переплетением ширина

---

[10] Записки имп. Академии наук. СПб., 1863. Т. 4, кн. 1. С. 87—88.

[11] *Фаворов Н.* Речь, произнесенная на годичном торжественном собрании имп. Университета Св. Владимира, 1867 года, 3 сентября // Труды Киевской духовной академии. 1867. № 8. С. 271.

блока была 148 мм, а после переплета — 127 мм; это устанавливается по с. 55 тома 2-го, где в двух случаях с целью сохранения правки оставлена первоначальная ширина полей. В ряде случаев, напротив, при обрезке блока маргиналии были нарушены (т. 1, с. 95, 305). В данном экземпляре сосуществуют три вида правки, иногда даже на одной странице. Два из них принадлежат Евгению, третий, немногочисленный, как установил Мацеевич, принадлежит Иннокентию Борисову. Первый вид правки был осуществлен светлыми чернилами, второй — темными чернилами, причем корректурный знак выделялся красным карандашом. Третий вид правки осуществлялся черными чернилами без связи с текстом посредством корректурного знака. Можно утверждать, что первый вид правки осуществлялся Евгением едва ли не одновременно с печатанием 1-го тома, так как, во-первых, он встречается только в нем, во-вторых, только этот вид правки был затронут при обрезе переплета и, в-третьих, тем, что пять случаев этой правки были учтены в помещенном в конце 1-го тома списке опечаток (с. 342—343), одна из которых (с. 19, строка 8) была даже учтена и исправлена также и в тираже. Почему в тираже было учтено только это исправление, причем в первой, а не в последней тетради тома, объяснить мы не можем, так же как и то, что в списке опечаток были помещены только пять случаев правки первого вида. Маргиналии Евгения во 2-м томе соответствуют только второму виду правки, который встречается также и в 1-м томе; по своему характеру она почти не заключает в себе исправления опечаток, но исключительно посвящена сообщению дополнительных сведений и уточнению сообщенного ранее. Приводимые в списке погрешностей (т. 1, с. 343) сведения о неопубликованных письмах Св. Димитрия Ростовского (к с. 129, строки 20—22) в рукописной правке отсутствуют — очевидно, они были сообщены Евгением И. П. Глазунову (владельцу типографии, где печаталось 2-е издание «Словаря») лично, так как из Петербурга в Киев Евгений выехал лишь в июне 1827 г.[12] По крайней мере, сведения о внесении дополнений и изменений в «Словарь» в переписке Евгения с Глазуновыми отсутствуют (Евгений находился в постоянном письменном общении как с самим И. П. Глазуновым, так и с его сыном и преемником И. И. Глазуновым: сохранились письма Евгения

---

[12] Письма Киевского митрополита Евгения Болховитинова к игумену (впосл. архимандриту) Серафиму Покровскому. (1822—1837 гг.) / Сообщил Л. С. М<ацеевич>. Киев, 1913. С. 140.

к последнему за 1829—1832 гг.[13] Отметим также, что в данном экземпляре в 1 томе после с. 340 (окончание основного текста) и 341 (дополнение к исправлению погрешностей) помещены дублеты страниц 337—340, 225—226, не содержащие никаких помет по сравнению с теми же страницами, помещенными ранее.

Каков же характер произведенной Евгением правки? В 57 случаях это обычная корректорская работа по исправлению орфографических, синтаксических и смысловых погрешностей. Следует отметить, что в отношении чистоты набора второму изданию «Словаря» повезло значительно больше первого (СПб., 1817), где из-за небрежности В. Г. Анастасевича, которому был поручен надзор за ходом издания и ведение корректуры, словарь вышел с таким количеством опечаток, что ни автор, ни издатель (граф Н. П. Румянцев) не сочли возможным помещать свои имена на титульном листе. Необходимость последующего издания, в котором не было бы десятка опечаток на каждой странице, была очевидной для Евгения и для Румянцева даже при нераспроданной значительной части тиража издания предыдущего. Наиболее удачной кандидатурой, по их мнению, был просвещенный типографщик С. И. Селивановский, знакомый Евгению еще с начала 1780-х гг., когда Евгений работал корректором в типографии его дяди — М. П. Пономарева.[14] Типография Селивановского занимала в то время первенствующее положение по красоте и чистоте набора; почти все издания ученого окружения Н. П. Румянцева были напечатаны в ней.[15] Селивановский сам просил Евгения о предоставлении именно ему чести издания его словарей, был даже составлен проект договора, одинаково выгодный для обоих, но по неизвестной нам причине дело расстроилось, и издание Селивановским осуществлено не было. Вероятно, здесь определенную роль сыграло заметно сказавшееся на делах Селивановского то душевное потрясение, от которого он не мог оправиться после произведенного у него в 1826 г. обыска, вызванного излишне откровенными показаниями В. И. Штейнгейля, обстоятельно

[13] ЛОИИ, ф. 238, оп. 2, № 136/3, ед. хр. 6.

[14] *Шмурло Е. Ф.* Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767—1804. СПб, 1888. С. 62. См. также: Письма Е. А. Болховитинова к С. Е. Селивановскому // Библиогр. записки. 1859. № 3. Стб. 65—79.

[15] *Гарелин Н. Ф.* Русское научное издательство в начале XIX века. (Румянцевская эпоха) // Книга в России. [Т. 2]. Русская книга девятнадцатого века / Под ред. В. Я. Адарюкова и А. А. Сидорова. М., 1925. С. 25—98; *Конокович С. С.* Типографщик Селивановский // Книга: Исследования и материалы. Сб. 23. М., 1972. С. 100—122.

рассказывавшего следственной комиссии даже про то, о чем его не спрашивали. «На вопрос Рылеева я тогда решительно ему ответствовал, что в Москве на купечество нельзя рассчитывать, ибо нет ни одного, которому бы можно безопасно вверить тайну общества, что один только Селивановский — известный типографщик — пообразованнее других, но что, впрочем, он не капиталист, а притом и без приема в общество содействует оному изданием книг, к распространению свободных понятий служащих <...> Не могу утвердительно сказать, но не смею и умолчать, мне помнится, что относительно Селивановского я говорил Рылееву: 1) что желая способствовать к развитию просвещения и свободомыслия изданием книг, он занимается изданием Энциклопедического словаря, который не что иное есть, как перевод известной книги „Conversations Lexicon“ с выпуском статей, не могущих выдержать цензуры, и с прибавлением статей о России; 2) что он мне о себе сказывал, будто бы очищением своих понятий, как обычно говорится, от предрассудков, он обязан нынешнему киевскому митрополиту; 3) что по напечатании первой части словаря он писал митрополиту, можно ли ее выдать, но преосвященный ответствовал, — я сам видел это письмо, — что не советует, ибо при теперешних обстоятельствах (это было после Госнеровой истории) тотчас доберутся, из какого источника взят этот словарь, а оригинал в замечании и подозрении правительства, потому советует напечатать частей шесть и вдруг издать, пока между тем обстоятельства переменятся».[16] Так, под пером излишне словоохотливого подследственного Евгений, с риском для жизни выходивший 14 декабря 1825 г. к восставшим с архипастырским увещеванием разойтись во избежание кровопролития, превратился едва ли не в их идеолога.

С предложением об издании «Словаря» иждивением издателя к Евгению обратился другой его давний знакомый — книгопродавец и книгоиздатель И. П. Глазунов. Евгений ответил согласием, и в том же 1827 г. 2-е издание «Словаря» увидело свет. Относительные погрешности в наборе (в основном они касаются употребления строчных и прописных букв, в чем Евгений заметно отступал от нормативов 1820-х гг., руководствуясь более практикой времен своего корректорства) объясняются тем, что Евгений почти не имел возможности, находясь на коронационных торжествах в Москве, тщательно следить за печатанием «Словаря». Некоторые явные опечатки вообще не были замечены Евгением и были

[16] Восстание декабристов. Т. XIV. М., 1976. С. 166, 171.

исправлены лишь Иннокентием, например, «Арданские» вместо «арианские» (т. 2, с. 19).

Все дополнения носят исключительно фактографический характер. «Как ревнитель истинного и существенного блага для человечества, Евгений всегда был врагом умствований бесплодных и предположений более остроумных, нежели основательных».[17] Наиболее часто встречающиеся дополнения связаны, как правило, с уточнением времени и места рождения писателя и его кончины. Так, Августин Виноградский родился «1766 года, *марта 6*» (т. 1, с. 2; здесь и далее курсивом мы даем дополнения, а в ломаных скобках указываем выпущенные места). Мефодий Смирнов родился «<во Владимирской губернии в селе Алексине недалеко от Сергиевой лавры> *Смоленской епархии в Гжатской пристани* <в городе Верее>» (т. 2, с. 68). Самуил Миславский родился «в <городе Глухове> *Глуховском уезде в селении Полошках*» (т. 2, с. 196). Дополнения содержат и уточненные сведения о жизненном пути писателя. Так, про Авраамия Палицына сказано: «<О времени кончины сего историка неизвестно, однакож он жив был еще в 1621 году и подписывался келарем; а в 1629 году упоминается уже другой келарь в Сергиевом монастыре> *Около 1621 года Авраамий удалился в Соловецкий монастырь и там скончался и погребен 1627 года. Там остались и его книги и между ними Житие преподобного Сергия Радонежского с его прибавлениями*» (т. 1, с. 9). Уточнена дата кончины Иннокентия Гизеля — «*18* <24> февраля 168<4>*3* г.» (т. 1, с. 198). Сделаны необходимые дополнения и в статье «Антоний Радивиловский, *прежде бывший наместником Киево-Печерския лавры, а потом* Игумен Киево-Николаевского пустынного монастыря» (т. 1, с. 42). Уточнению данных подвергся и «Василий, архиепископ Новгородский, в мирянах именовавшийся Григорий Калека, *учитель Тверского Великого князя Михаила Александровича*» (т. 1, с. 66). Дамаскин Семенов-Руднев был «посвящен во Архимандрита *Московского* Богоявленского монастыря» (т. 1, с. 107). Было уточнено начало служебной карьеры Феодосия Софоновича — «*урожденец Киевский, Киево-Братского монастыря старец, учитель школ и проповедник, а потом* Игумен Киево-Михайловского Златоверхого монастыря» (т. 2, с. 284). Про него же сказано, что «*Феодосий Софонович в 1649 г. отвозил в Москву по требо-*

[17] *Скворцов И. М.* Слово при погребении преосвященного Евгения, митрополита Киевского и Галицкого // Воскресное чтение. 1837. № 13. С. 105.

ванию Государеву двух учителей и переводчиков Андрея и Епифания Славинецких и говорил Государю речь, которая напечатана в Истории Малороссии Д. Н. Бантыш-Каменского издание 2. Том 2. Прим. 179» (т. 2, с. 290).

В текст словаря оказались внесенными и дополнительные биографические подробности. Так, про митрополита Макария было сказано, что *«он воспринимал от купели и детей царских»* (т. 2, с. 22). Начало жизненного пути патриарха Иоакима Савелова описывалось так: *«В молодых летах он проходил военную службу, а с 1656 г. постригся в Киево-Межигорском монастыре»*; скончался же он *«70 лет от рождения»* (т. 1, с. 226). Были исправлены фамилии — Лаврентий <Крыжанович> *Крщонович* (т. 2, с. 2) и отчества — Константин <Иванович> *Константинович* князь Острожский (т. 2, с. 55). Уточнению подвергся и сан писателя — «Симеон, <некто> *иеромонах* из Суздальцев духовных» (т. 2, с. 210). Иногда дополнение носило характер ссылки на ставший известным после выхода словаря источник. Так, характеризуя административную деятельность Никона, в частности его реформы в области архитектуры, Евгений указал на опубликованные в 1829 г. выдержки из записок Даниила Принтца фон Бухау:[18] *«Даниил принц Буховский в описании посольства к царю Ивану Васильевичу писал, что и тогда в России церкви были по большей части со многими куполами»* (т. 2, с. 133). На него же ссылается Евгений и в статье о муромском протопопе Логгине: *«Принц Бухав в своем описании Римского посольства к царю Ивану Васильевичу в гл. 2 говорит, что и тогда ученым и благочестивым епископам позволялось наизусть проповедовать: патриарх Никон только сие доверие признал опасным»* (т. 2, с. 9).

Наибольшую часть маргиналий составили сведения библиографического характера. Самым частым видом правки было уточнение описания книги. Так, в статье про Арсения Грека указано, что *«его перевод с греческого Анфологион напечатан в Москве 1660 г.»* (т. 1, с. 49). Про предисловие к осуществленному Захарией Копыстенским переводу «Бесед на деяния Св. Апостолов Иоанна Златоустого» (Киев, 1627) пояснялось, что оно издано *«с посвящением князю Святополку Ч ...тиновичу и со включением его родословной»* (т. 1, с. 187). При описании 2-го издания Четиих Миней Св. Димитрия Ростовского было отмечено, что вышли *«три только*

---

[18] Об иностранных посланниках в России // Вестник Европы. 1829. № 21.

бинета по Имянному повелѣнію Императрицы Екатерины II.

Есть еще Зерникава особый Трактатъ, написанный въ опроверженіе книги Іезуита Ѳеофила Рутки, *о происхожденіи Св. Духа и отъ Сына.* Преосвящ. Самуилъ нашелъ списокъ сего Трактата очень неисправный и обѣщался, исправивъ, издать; но не успѣлъ исполнить своего обѣщанія.

О времени, такъ какъ и о мѣстѣ кончины Зерникава не извѣстно.

Адріанъ, десятый и послѣдній Патріархъ Московскій, возведенный на сіе достоинство изъ Митрополитовъ Казанскихъ 1690 года Августа 24 дня и по десятилѣтнемъ правленіи скончавшійся въ 1700 году Октября 15 отъ рожденія 64 лѣтъ. Изъ сочиненій сего Патріарха печатныхъ не много; но есть оныя въ рукописяхъ, а имянно: 1) *Щитъ вѣры,* книга въ 24 главахъ, находится въ Патріаршей, нынѣ Синодальною называемой, библіотекѣ, въ Москвѣ. Она состоитъ изъ разныхъ нравоучительныхъ разсужденій, возраженій противу еретиковъ и другихъ словъ и наставленій лицамъ Духовнымъ и мірскимъ о должностяхъ ихъ. Многія изъ оныхъ наставленій относятся къ современнымъ обстоятельствамъ и примѣнены къ народному тогдашнему образу мыслей. При сей книгѣ находится Предисловіе неизвѣстнаго сочинителя, который, восхваляя оную, проситъ Патріар-

Страница описываемого экземпляра «Словаря исторического...»
(внизу — корректурная правка Евгения (Болховитинова), вверху — дополнения, вписанные Иннокентием (Борисовым))

месяца — Сентябрь, Ноябрь и Декабрь в Могилеве 1702» и что, следовательно, указанное ранее издание — Киев, 1711 — на самом деле является не вторым, а третьим (т. 1, с. 125). Про 2-е издание «Ключа разумения» Иоанникия Галятовского было сказано, что оно вышло также «*и 1663 во Львове*» (т. 1, с. 229), а его же «Небо новое с новыми звездами сотворенное» (Львов, 1665) было напечатано там «*трижды*» (т. 1, с. 230) — очевидно, имеются в виду также издания на польском и русском языке. Принадлежащая перу того же автора «Скорбница похвалы Чудотворной Иконы Богородицы Елецкой напечатана *на русском в Чернигове*, а на польском языке в Новгороде Северском (т. 1, с. 230). Его же книга «Боги поганские» «напечатана в Чернигове 1686 *на полском языке* и посвящена Гедеону, митрополиту Киевскому» (т. 1, с. 232).

Как известно, статья «Иоанн Федоров» явилась первым в отечественной историографии книги очерком истории славянского книгопечатания. Особое внимание Евгений уделял личности самого Ивана Федорова, начиная с публикации первого варианта этой статьи в «Друге Просвещения» 1806 года. В дальнейшем все известные к тому времени сведения о трудах славянских первопечатников (прежде всего по работам Й. Добровского и К. Ф. Калайдовича) Евгений сообщил в специальном исследовании.[19] «Мы, таким образом, имеем четыре варианта одной и той же статьи, опубликованные на протяжении двадцати с лишним лет, а именно в 1806, 1813, 1818 и 1827 годах. Каждый раз, готовя статью к печати, Евгений дополнял и несколько перерабатывал ее. Знакомясь со всеми четырьмя вариантами, легко проследить постепенное становление знаний о начальном периоде славянского книгопечатания».[20] Характеризуя его самый ранний этап, Евгений писал: «1519 г. *напечатан в Венеции* служебник, а в 1527 г. <напечатан в Венеции> Словенский катехизис» (т. 1, с. 262). Про издания Ивана Федорова Евгений также сообщал: «*После Апостола, по уверению Фриша, было еще напечатано Евангелие, а в 1569 г. Псалтирь*: <а> кроме сих <двух>*трех* книг неизвестно, было ли что еще в Москве напечатано» (там же). К сообщенным ранее сведениям о печатании Аникитой Фофановым в 1609 г. Минеи Общей было сделано добавление: «*Есть Ноябрь месяц месячной Ми-*

---

19 *Е* [*Евгений (Болховитинов Е. А.)*]. О славяно-русских типографиях // Вестник Европы. 1813. Ч. XX. № 14. С. 107—113.

20 *Немировский Е. Л.* Очерки историографии русского первопечатания // Книга. Исследования и материалы: Сб. 8. М., 1963. С. 82—83.

неи, изданный 1609 г. с подписью избранного на Российский престол Польского королевича Владислава Жигмонтовича, напечатано в Московской типографии Иваном Андрониковым Невежей» (т. 1, с. 269). В разделе о первенце отечественного нотопечатания — т. н. львовском Ирмолое (Осьмигласнике) 1700 г. было подчеркнуто, что он издан «*Иосифом Скокоцким, игуменом Львовского Георгиевского* Общежительного *монастыря»* (т. 1, с. 285) — с добавлением отсутствующего в маргиналии предпоследнего слова и с исправлением даты 170<7>*0* это уточнение было напечатано в списке погрешностей (т. 1, с. 343). Такой же характер носят и исправления, внесенные в описание изданий Св. Иоанна Максимовича. Так, уточнено название его самого известного произведения того времени — «<Феатр нравоучительный, или Нравоучительное зерцало для Царей, Князей и Деспотов> *Феатрон, или Позор нравоучительный царям, князьям, владыкам и всем спасительный*, изданный в 170<3>*8* г. в Черниговском Ильинском монастыре. Исправлению подверглось и описание его «Богомыслия в пользу правоверных» — «Чернигов, 17<1>*0*, в <8>*4* д. л.» (т. 1, с. 287).

Про сочинения Иосифа Волоцкого (у Евгения — Иосиф Санин) сказано, что «*одно из слов его о неугодных чину напечатано в Требнике Патриарха Иосифа 1639 г.*» (т. 1, с. 309). Говоря о сочинениях первого архиепископа Сибирского и Тобольского Киприана, Евгений добавляет, что «*он сочинил службу на положение ризы Христовой в Москве, привезенной из Греции к царю Михаилу Феодоровичу, печатаемый* (так. — *М. Л.*) *в месячных Минеях июля 10*» (т. 1, с. 330). Были уточнены и описания ряда сочинений, автором которых был Кирилл Транквиллион Ставровецкий, «бывший архимандрит *Елецкий* в Чернигове». Так, «Зерцало Богословия» было напечатано «в третий раз *в Униатском монастыре 1692, а в четвертый в Киеве 1696* <1696 г. в Киеве>» (т. 1, с. 335). Сообщены сведения и о 2-м издании его «Евангелия учительного» — «*в Вильне 1616*» и о 1-м издании «Перла многоцветного» — «*в Чернигове 1646 г.*», а также и о 2-м — «в Могилеве 169<0>*9*» (т. 1, с. 336).

Была уточнена датировка Окружной увещевательной грамоты митрополита Макария 1534 г. «*от 25 марта*» (т. 2, с. 12) и о количестве составленных им Великих Четиих Миней в различных изданиях: «8 *и 12*» (т. 2, с. 13). Перечисляя сочинения Памвы Берынды, Евгений упомянул и то, что «<Он много> *В 1620 г. он издал том первым тиснением Но-*

моканон в 4 листах со своим предисловием и много» (т. 2, с. 150). Было уточнено название одного из самых известных трудов Платона Левшина — «<Краткое> *Сокращенное* Богословие» (т. 2, с. 188).

Особый характер имеют маргиналии, указывающие на появившиеся в 1827—1831 гг. новые издания упоминаемых в словаре памятников. Это относится к труду А. И. Журавлева «Полное Историческое известие о старообрядцах, их учении, делах и разногласиях <...> 3-е изд. 1794—1799 *и 4-е 1831 там же* (т. е. в СПб. — *М. Л.*)» (т. 1, с. 39). Сделано уточнение об издании речей Георгия Конисского: «*В Рубановом журнале Старина и Новизна и в Московском Вестнике 1827 г. другая говоренная Императрице Екатерине II 1773 г. марта 10 в С. Петербургской придворной церкви напечатана в С. Петербургском журнале Северная Минерва 1832 г. № 1*» (т. 1, с. 95). Перечисление сочинений Платона Левшина заканчивалось сообщением о том, что «*и во 2-м № Москов*[*ского*] *журнала Вестника Европы 1829 г. напечатано его Описание Перервинского монастыря*» (т. 2, с. 188). Говоря об изданных сочинениях Симеона Полоцкого, Евгений замечает о небольших по объему, что они «напечатаны были и порознь *в книгах и месяцесловах*» (т. 2, с. 217), оканчивая их перечисление сообщением о том, что «*в Московском вестнике 1828 г. напечатано (?) его писем к Государю. Ему приписывается издание Букваря языка славенска, напечатан в Москве 1679 г. в 8 долю л.*» (т. 2, с. 218). Упомянуто и 2-е издание «Системы Богословия Христианского» Ювеналия Медведского — «*и вторично 1826 г. там же* (в Москве. — *М. Л.*)» т. 2, с. 280).

Указана в маргиналиях и появившаяся за это время литература о рассматриваемом Евгением авторе. Про Амвросия Виноградского сказано: «*Подробное описание его жизни и трудов напечатано в V части сочинений Общества любителей словесности Российской в Москве*» (т. 1, с. 4). Говоря в словаре о кончине патриарха Иосифа, Евгений сделал ссылку на подробности, содержащиеся в письме царя Алексея Михаиловича к митрополиту Новгородскому Никону: «Сие пространное письмо между другими к нему же от царя писанными хранится в рукописях Новгородского Софийского собора; *напечатано в Актах Археографической Комиссии*» (т. 1, с. 313).

Особую ценность представляют сообщаемые Евгением сведения о сочинениях, оставшихся рукописными, и их местонахождении. Так, принадлежащее патриарху Адриану

«слово на погребение царевны Анфисы Михаиловны, им говоренное 1692 г., находится в библиотеке П. П. Свиньина». Тут же запись продолжена неустановленным лицом (пометы 3-го типа): «Напечатано в Христ<ианском> Чтении» (т. 1, с. 20). Про Георгия Конисского сообщено, что «*есть еще в рукописи его История Руссов, или Малой России, им исправленная и дополненная*» (т. 1, с. 95). О «Филологическом лексиконе» Епифания Славинецкого говорится, что «сия Епифаниева книга остается рукописною у некоторых Любителей Словесности. *Он тоже находится в Московском Обществе истории и древностей российских*» (т. 1, с. 176). Про другой сборник его сочинений сказано, что он находится в «Киево-<Златоверхо-Михайловском>-*Печерской Лаврской библиотеке*» (т. 1, с. 177). Перечисляя сочинения Игнатия Римского-Корсакова, Евгений отмечает, что «*в Библиотеке Моск<овского> Общества истории и древностей есть подробный весьма красивый список его Слова благоразумному христолюбивому российскому воинству, с князем Голицыным ходившему на Агарянов, сочиненное в 1687 г.*» (т. 1, с. 196). В списке погрешностей указано, что к перечислению эпистолярного наследия Св. Димитрия Ростовского надлежит добавить «еще 32 письма его к Феологу, большею частию по предмету сочинения Четиих Миней, находятся между рукописями библиотеки покойного канцлера графа Н. П. Румянцева» (т. 1, с. 343 — к с. 129, стр. 20—22; аналогичная маргиналия в тексте отсутствует). Уточнена датировка сочинения Питирима, епископа Пермского «Описание жития Св. Алексия, Митрополита Московского и всея России» — «*в 1439 г.*» (т. 2, с. 168).

Помимо указания на местонахождение рукописей даны сведения и об их издании. «Зосима, Монах Троице-Сергиева Монастыря в 1420 г. ходил на поклонение к Восточным Святым Местам. В библиотеке графа Ф. А. Толстова есть список с его путешествия под названием: Книга, глаголемая Ксенос, сиречь Странник Зосима Диакона. *Книга вся уже напечатана с сего списка в журнале Русский зритель 1828 г. № 7 и 8*» (т. 1, с. 193). Про Иоакима Савелова сказано, что «духовное его завещание находится в Патриаршей библиотеке *и напечатано в июньской книжке 1830 г. Отечественных Записок*» (т. 1, с. 228). О местонахождении списка Деяний Собора 1509 г. упомянуто, что он имеется «в библиотеке Патриаршей и Архива Иностранной коллегии в Москве, *а напечатан в Описании Киевско-Софийского собора и Киевской иерархии, изданном в Киеве 1826 г.*» (т. 1, с. 305; эту автоссылку Евгений поместил в список погрешностей).

Значительны и маргиналии Евгения, уточняющие и дополняющие приводимый им список произведений рассматриваемого автора. Так, про патриарха Адриана сказано, что «из сочинений сего Патриарха печатных немного, *и те изданы только от его лица, а сочинены другими*» (т. 1, с 19). Сделаны дополнения к списку сочинений Св. Димитрия Ростовского — «*24) Навуходоноссор, трагедия и проч.*» (т. 1, с. 133); патриарха Гермогена — «*Разные послания и грамоты*» (т. 1, с. 186); Лазаря Барановича — «*8) Лютня Аполлонова, напеч. в Киеве 1674; 9) Венец Божией матери, напеч. в Чернигове 1680 г.; 10) Венец Божией матери и риз Христовых, в Чернигове 1680 г. на польском языке*» (т. 2, с. 6); Мелетия Сирига — «2) Служба Положения нешвенного хитона Христова. *Второе печатается в месячных Минеях под числом июля 10*» (т. 2, с. 54); Феофана Прокоповича — «*33) О смерти императора Петра Второго и о восшествии на престол императрицы Анны Иоанновны напечатан в 1 номере Московского Вестника 1830 г.* (т. 2, с. 310). Особо тщательному исправлению подвергся перечень написанного Петром Могилою: упомянуто и его предисловие «*к Номоканону 3-го издания 1629 г.*» и то, что «*в 1636 г. издал он Анфилогион, составленный из молитв и сочинений душеполезных*». Про изданную им под именем Евсевия Пимина книгу «Лифос, или Камень с пращи истины Церкви Святыя Православныя Российския на сокрушение истинно помраченной перспективы» (Киев, 1644) добавлено, что она издана «*на польском и славенском языке порознь*» (т. 2, с. 164). Было уточнено название его «Краткаго Катехизиса» — «*или Собрание краткой науки о артикулах веры*» (т. 2, с. 161).

При правке из текста словаря Евгением было удалено некоторое количество сведений, которые он посчитал либо недостоверными, либо не заслуживающими упоминания, либо просто ошибочных, например: «Иосиф Солтан, Митрополит Киевский и <Смоленский> всея России *из Епископов Смоленских*, возведенный и хиротонисанный в 149<7>*9* г. <Константинопольским патриархом Нифонтом>» (т. 1, с. 305). Выпущена ссылка на «Историю Российскую» В. Н. Татищева в сообщении об убийстве вогульским князем Асыкою в 1445 г. пермского епископа Питирима (т. 2, с. 167). Также изредка встречается и стилистическая правка. Например, про иллюстрации «Букваря» Кариона Истомина 1692 г. сказано, что «под каждою таковою картиною внизу поместил он правоучительные стихи, сочиненные по Силлабической <Поэзии> *Просодии*» (т. 1, с. 319).

Изредка правка включала в себя и текстологические изыскания Евгения. Так, ему настолько понравилась «Эпитафия» Евгения Булгариса, что он полностью привел ее как в греческом оригинале, так и в авторском переводе, но позднее был вынужден сделать оговорку: *«Мысли сии заимствованы из стихотворения Св. Григория Богослова О жизни»* (т. 1, с. 162). [Был уточнен и возможный источник послания киевского митрополита Никифора князю Владимиру Всеволодовичу: «*Слич*<*и*> Coteler. Monum. Eccles. Grecae, tom 111, p. 495. *Здесь статья:* Criminationes adversus Eccles Latinam, *из коей взята сущность Послания*» (т. 2, с. 95).]

В дополнение к основному тексту Словаря Евгений дополнительно ввел еще пять имен, которым посвятил самостоятельные статьи:

«Иов Борецкий, митрополит Киевский, воспитывался в Галицком городе Львове в Ставропигиальном Успенском монастыре, в школе, учрежденной Антиохийским патриархом Иоакимом и Константинопольским Иеремиею под руководством архиепископа Димотискаго Арсения и по нем был там ректором сей гимназии» (т. 1, с. 301).

«Леонтий Боболицкий, иеромонах Выдубицкого монастыря. Его летопись начинающаяся от 1699 г. находится в библиотеке черниговской семинарии. См. Летоп[ись] Общества Истории и др[евностей]. Часть 2. Книга III. Стр. 148» (т. 2, с. 8).

«Нифонт, монах Троицы Сергиева монастыря, постриженник Новгородского Антониева монастыря около 1598 г. Сочинил Сказание о преложении в 1597 г. мощей препод[обного] Антония Римлянина в Великом Новогроде. Его содействием и открыты сии мощи. Список сего сочинения находится в библиотеке Моск[овского] Общества истории и древн[остей] Росс[ийских]» (т. 2, с. 143).

«Христофор Бронский — Сочиниан по препоручению Острожского князя Константина сочинил на литовско-русском языке и издал в Бресте-Литовском 1587 г. под именем Филалета Орфолога книгу Апокрисис в опровержение Униатского Брестского Собора» (т. 2, с. 277).

«Феодосий Бывальцев, митрополит всероссийский в 1461 г. возведенный из ростовских архиепископов, скончавшийся 1475 г. Его повесть о чуде, бывшем при гробе Алексея Митрополита, находится между рукописями библиотеки Московск[ого] Общества истории и древностей» (т. 2, с. 284).

Подводя итог сказанному выше, можно сделать следующие предварительные выводы о характере внесенной Евгением правки:

1. Правка 1-го типа — корректурная с незначительными дополнениями — осуществлялась Евгением одновременно с печатанием 1-го тома и была частично в нем учтена.

2. Правка 2-го типа была произведена Евгением в начале 1832 года (самая поздняя запись) и имела характер преимущественно библиографических дополнений как по печатным источникам, увидевшим свет в 1823 — начале 1832 гг., так и по рукописям и книгам, преимущественно обнаруженным и описанным Евгением после своего переезда в Киев в 1822 г. Цензурное разрешение на оба тома было получено соответственно 27 февраля и 29 декабря 1822 г.; цензором был знаменитый А. И. Красовский, благодаря которому в то время, по словам А. С. Пушкина, «вся русская литература сделалась рукописною».[21] Красовский цензуровал книгу лично и не сделал ни единого замечания. Цензурное прохождение «Словаря» очень беспокоило Евгения. «Если бы он (Красовский. — *М. Л.*) вздумал о сей книге сноситься с духовню цензурою, всячески отклонить сие. Вы знаете недоброхотство ко мне наших, Они затруднят выпуск. Потолкуйте, что книга сия и прежде вышла из гражданской цензуры и притом она не догматическая, а литературно-историческая», — писал Евгений 27 января 1822 г. в С. Петербург В. Г. Анастасевичу.[22] Ввиду хлопот по переезду из Пскова в Киев, а затем из-за трудов по освоению новой епархии Евгений не имел времени на подготовку «Словаря» к печати. Во время пребывания Евгения в Петербурге и Москве в 1825—1826 гг. переговоры об издании велись с Селивановским, однако в 1826 г., после кончины графа Н. П. Румянцева, оплачивавшего издание, и обыска у Селивановского переговоры об издании «Словаря» прервались, несмотря на крайне выгодные для Селивановского условия. Глазунов получил рукопись для печатания перед отъездом Евгения из Петербурга весной 1827 г. Судя по правке 1-го типа набор шел настолько быстро, что замечания Евгения были учтены при печатании I-го тома. Правка же 2-го типа не носит корректурного характера, достаточно случайна в отборе дополнительно сообщаемых сведений и не носит систематического характера. «Несмотря на все относительные достоинства нового издания Словаря, еще многое в нем могло бы быть исправлено и дополнено, если бы Евгению не приходилось посвящать большую часть времени на епархиальные дела, которые отвлекали его от ученых работ и любимых занятий, вследствие

[21] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 16. [М.; Л.], 1948. С. 160.
[22] Древняя и новая Россия. 1881. № 1. С. 309.

чего и словарь писателей духовного чина остался в том же самом виде, какой ему был дан в 1822 году. Хотя по дошедшим до нас словарным материалам можно положительно утверждать, что Евгений продолжал и в это время заботиться о дополнении своего труда, но ему, к сожалению, не доставало времени на его окончательную обработку вновь поступавших сведений, ни даже на приведение их в связь с теми, которые у него уже имелись».[23]

3. Едва ли правка 2-го типа свидетельствует о подготовке Евгением в 1832 г. третьего издания «Словаря исторического», как то предполагает Л. С. Мацеевич.[24] К отмеченному выше (п. 2) следует добавить, что тираж как первого, так и второго изданий «Словаря» расходился крайне медленно. Для Глазунова (в отличие от Селивановского) издание труда Евгения было делом скорее благочестия, чем коммерческого расчета: едва ли он мог обольщаться в отношении спроса на «Словарь», нераспроданные экземпляры первого издания которого спустя восемь лет после выхода книги повсеместно продавались.[25] И автор, и издатель, связанные тридцатилетними дружескими и деловыми отношениями (еще в 1798 г. Евгений печатал в его типографии «иждивением издателя» сочинения Тихона Задонского и помогал Глазунову в подготовке сочинений Я. Б. Княжнина[26]), старались по мере сил помочь друг другу: Глазунов Евгению издать «Словарь» на самых выгодных для автора условиях, а Евгений Глазунову — помочь распространить тираж. Так, в декабре 1832 г. Евгений согласился принять от сына скончавшегося в 1831 г. Глазунова еще 100 экземпляров «Словаря» в обмен на «два ящика и один коробок — всего три места» изданий Киево-Печерской лавры.[27] Еще в 1831 г. Евгений разрешил духовенству окормляемой им епархии на церковные суммы выписывать Библию и синодальные издания, а из своих сочинений — лишь «Словарь» и труды, относящиеся к истории Ки-

[23] *Бычков А. Ф.* О словарях русских писателей митрополита Евгения // Чтения 18 декабря 1867 года в память митрополита Киевского Евгения, с приложениями. СПб., 1868. С. 235. — (Сб. ОРЯС. Т. V, вып. 1).

[24] *Л. М.* [*Мацеевич Л. С.*]. Замечательный экземпляр... С. 276.

[25] Письма Киевского митрополита Евгения Болховитинова к игумену Серафиму Покровскому... С. 88, 95.

[26] О приобретении И. П. Глазуновым неизданных сочинений Княжина см.: *Зайцева А. А.* Иван Глазунов — издатель трагедии «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина // Книга в России в эпоху Просвещения: Сб. науч. трудов. Л., 1988. С. 54—66.

[27] ЛОИИ, ф. 238, оп. 2, ед. хр. 136/3, № 6, л. 21.

евской епархии.[28] В лавках Глазунова «Словарь» продавался по 8 рублей за оба тома, и из подобного расчета их получал Евгений, продававший их у себя в епархии по 10 рублей; по два рубля с каждого продаваемого экземпляра Евгений определил в доход своего доверенного лица — архимандрита Серафима (Покровского), в чьи обязанности, между прочими, входили забота о библиотеке Евгения и рассылка его трудов.[29]

Рассматриваемый экземпляр ценен не только как дополнительный источник сведений о творческой истории «Словаря исторического» — он представляет значительный интерес и как зримое свидетельство общности духовных устремлений учителя и ученика — Евгения (Болховитинова) и Иннокентия (Борисова), труды которых во многом определили исключительно высокий уровень последующих отечественных исследований по церковной истории. Впрочем, следует говорить не об ученичестве, а о духовной преемственности. Личное знакомство состоялось в апреле 1822 г. по приезде Евгения в Киев во время осмотра академии. Последняя была поручена особому вниманию Евгения — в рескрипте Александра I от 26 марта 1822 г. говорилось: «Мне приятно будет видеть знаменитую некогда академию Киевскую, воспитавшую в течении веков достойных служителей алтарю Господню при руководстве Вашем достигающей цели, ей предложенной. Я уверен, что просвещенная опытность Ваша и учение в духе веры принесут плод и время свое в пользу Церкви и Отечества». Иван Борисов уже в студенческие годы был славой академии, выделяясь среди блестящего по составу первого выпуска Киевской академии настолько, что, по свидетельству современников, если ставить его в списке первым, то следующие пять-шесть строк необходимо было бы оставлять пустыми. Помимо прочих достоинств, юноша оказался еще и земляком митрополита — как и Евгений, он окончил Воронежскую семинарию. Евгений всячески старался помочь Ивану, который после блестяще выдержанных экзаменов принял монашеский постриг с именем Иннокентия и с рекомендательными письмами от Евгения направился в столицу. Дарования Иннокентия обратили на него внимание и на 23-м году жизни он был назначен профессором богословия СПб. духовной академии, инспектором, профессором церков-

---

[28] Деятельность митрополита Евгения по управлению Киевской епархией. Киев, 1868. С. 23.

[29] Письма Киевского митрополита Евгения Болховитинова к игумену Серафиму Покровскому... С. 102.

ной истории и греческого языка СПб. духовной семинарии и ректором Александро-Невского училища.

Середина 1820-х годов памятна в истории духовного развития России не только восстанием декабристов — к этому же времени относится и ожесточенная борьба двух противоборствующих церковных группировок. Их исторические наименования — аракчеевская и голицынская — по имени возглавлявших их военного министра и министра духовных дел и народного просвещения наглядно свидетельствуют, насколько светские интересы преобладали в них над духовными началами. Во главе первой группировки стояли А. А. Аракчеев, Серафим (Глаголевский), А. С. Шишков, Фотий (Спасский); во главе второй — А. Н. Голицын, Филарет (Дроздов), М. М. Сперанский, Григорий (Постников).[30] Несмотря на то, что первая партия числила Евгения в своих рядах, вторая партия также активно старалась привлечь его на свою сторону. Борьба партий из-за киевского иерарха усилилась после того, как по просьбе Серафима Александр I вызвал Евгения в С.-Петербург и удостоил его 1 марта 1825 г. полуторачасовой аудиенции. Судя по письмам к двум самым близким ему людям — В. И. Македонцу и Серафиму (Покровскому), Евгений относился к борьбе за влияние на него с юмором и, внешне придерживаясь ориентации па Серафима, в борьбу не ввязывался, сосредоточив свои силы на ученых занятиях. Во время двухлетнего пребывания в С. Петербурге и Москве в 1825 — начале 1827 г. Евгений сумел многое сделать для Иннокентия, облегчив молодому ученому вхождение в академическую среду и помогая ему в научных трудах. Иннокентий уверенно продвигался по служебной лестнице: 2 сентября 1825 г. он был назначен инспектором СПб. духовной академии, а 9 мая 1827 г. — членом ее цензурного комитета. В 1826 г. Иннокентий был назначен архимандритом Сергиевской пустыни, а в 1829 г. ему была присуждена степень доктора богословия.

Мечтой всей жизни Евгения было преподавание богословия в университете: тот мертвящий дух школярской схоластики, который определял уровень преподавания этой дисциплины в духовных учебных заведениях, Евгения, получившего образование в Московском университете периода его расцвета, удовлетворить не мог. Еще в 1803 г. Евгений писал Македонцу про ожидавшееся тогда открытие С. Петербург-

[30] О причинах разделения и ходе борьбы см.: *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. См. также: *Карташев А. В.* История русской церкви. Т. 2. Париж, 1959.

ского университета: «Ждут, как слышно, из чужих краев профессоров, а нашими брезгуют. Желал бы и я попасть в университет на богословию. Ведь там жалованье не наше жидоморское, да и служба не наша каторжная».[31] Став митрополитом Киевским и, следовательно, высшим начальником над академией, Евгений получил возможность самостоятельно определять направление учебного процесса в ней. Евгений любил и умел возбуждать интерес к науке и руководствовать в ней других. Предметом его особых забот было преподавание истории православия. История русской церкви неотделима от отечественной истории, а поскольку все сведения извлекались преимущественно из памятников письменности, то история русской литературы входила в лекции Евгения важнейшей составной частью. Именно в духовных академиях Евгений видел ту среду, которая, по его мнению, была призвана разрабатывать как историю русской церкви, так и собственно богословские дисциплины. Еще будучи префектом Александро-Невской академии в 1800—1804 гг., Евгений впервые рекомендовал студентам церковно-исторические темы для кандидатских сочинений.[32]

В киевской академической среде Евгений сразу же занял первенствующее положение — он был бессменным председателем академической конференции, учрежденной им самим в 1823 г. «Дав Киеву и Академии их историю, он давал средства и указывал предметы к дальнейшей разработке ее. Любовь к своей историко-археологической специальности он хотел насадить и в молодом поколении студентов».[33] По его распоряжению с 1825 г. темы курсовых сочинений студенты выбирали преимущественно из истории русской церкви. Этот шаг Евгения встретил поддержку в ученых кругах. Так, граф Н. П. Румянцев, деятельности которого обязана своим становлением отечественная археография, в завещании учредил для студентов Киевской академии премию за лучшее историческое исследование. В 1833 и 1836 гг. Евгений из личных средств увеличил сумму премии, фактически ее утроив, и с тех пор она стала называться Евгениево-Румянцевской.

На пути осуществления научно-педагогических замыслов Евгения встретилась, однако, преграда — ректор академии архимандрит Смарагд (Крыжановский). С ним Евгений «не

---

[31] Русский архив. 1870. № XX. Стб. 832—833.

[32] *Иннокентий (Павлов).* Санкт-Петербургская Духовная Академия как церковно-историческая школа // Богословские труды: Юбилейный сб. Ленинградской духовной академии. М., 1986. С. 213—214.

[33] *Малышевский И. И.* Пятидесятилетний юбилей Киевской духовной академии. Киев, 1869. С. 90.

сошелся во взгляде на научную постановку дела академического образования, потому что Смарагд преклонялся пред догматическим умом другого святителя — митрополита московского Филарета и ставил вообще богословско-теоретическое знание выше исторического, которое высоко ценил Евгений».[34] В своем стремлении возвратить Иннокентия в Киев Евгений имел успех: в С. Петербургской академии одаренность Иннокентия далеко не всем пришлась по душе и почетный перевод с повышением положил конец тихому недоброжелательству, грозившему непредсказуемой по нравам того времени и той среды «историей». 27 августа 1830 г. Иннокентий был утвержден ректором академии и профессором богословия, а 24 октября того же года — и настоятелем Братского монастыря. В новом ректоре Евгений видел идеального исполнителя своих замыслов. «Евгений проникся к Иннокентию глубоким уважением и несомненным доверием, раскрывая перед ним свои проекты различных преобразований и совместно с ним обсуждая их; даже кабинетные ученые занятия не были сокрыты митрополитом от Иннокентия, которому он не только указывал путь необходимых дальнейших науных исследований, но и поручал для продолжения свои недоконченные работы».[35] Это, в частности, относилось к трудам по истории Юго-Западной Руси и о взаимоотношении православия с униатством. Иннокентий, так же, как и Евгений, обладал особым даром возбуждать в студентах любовь к ученой работе, и ряд его учеников внес впоследствии свой вклад в историческую науку. По мнению Н. И. Барсова, «в лице митрополита Евгения, этого великого ученого, Иннокентий нашел себе если не покровителя, то беспристрастного ценителя, а время ректорства и профессорства его в Киеве составляет, можно сказать, самый замечательный, блестящий период в истории богословского образования в России».[36]

Между Евгением и Иннокентием существовала значительная разница в возрасте (33 года), в образе жизни (Евгений был рачительным домохозяином, знающим цену деньгам и прекрасно разбирающимся в любом деле) и в научных интересах (Евгений крайне не любил отвлеченные темы), но, несмотря на это, у них было довольно много общего. «Любовь к истории и историческим исследованиям, которая столько же

[34] *Буткевич Т. И.* Иннокентий Борисов, бывший Архиепископ Херсонский. СПб., 1887. С. 46.

[35] Там же. С. 61—62.

[36] *Барсов Н. И.* Иннокентий (Борисов) // Русский биограф. словарь. Т. Ибак-Ключарев. СПб., 1897. С. 111.

была присуща киевскому ректору, сколько и киевскому митрополиту, и составляла, как кажется, тот пункт, который так крепко связывал доверием их отношения».[37] Доверие же достаточно осторожного и скептичного Евгения к Иннокентию было полным; в особенности это касалось управления академией, где Иннокентий чувствовал себя полным хозяином. «Он действовал как хотел, и как находил лучшим, будучи вполне уверенным, что на все его действия воспоследует полное согласие со стороны митрополита. Этим доверием Иннокентий никогда не злоупотреблял и благодаря этому много сделал добра для академии».[38] Именно поддержкой Евгения всех его реформаторских начинаний и ученых трудов Иннокентий был обязан своей стремительной карьерой — без этой поддержки при всех своих дарованиях он едва ли бы сумел справиться с тем завистливым недоброжелательством церковной среды, которое сопровождало Иннокентия на протяжении всей жизни. По ходатайству Евгения 27 января 1836 г. Иннокентий был определен архимандритом Михайловского первоклассного монастыря с первостоянием перед всеми архимандритами Киевского учебного округа, а 3 октября того же года возведен в сан епископа Чигиринского, викария Киевской епархии с оставлением в ректорстве и с пребыванием в Михайловском монастыре. Хиротония состоялась 21 ноября в Казанском соборе.

Помимо интереса к отечественной истории еще несколько обстоятельств сближали митрополита и ректора: любовь к русской литературе, крайне подозрительное отношение со стороны синода к их собственному литературному творчеству и неумеренная страсть к книгособирательству, что резко выделяло Евгения и Иннокентия из среды современных им иерархов.

Заслуги Евгения и Иннокентия перед русской литературой были удостоены самой высокой оценки еще при их жизни. 24 ноября 1806 г. по предложению Г. Р. Державина Евгений был единогласно избран членом Российской академии. «Избрание это не доставило Евгению ни малейшего удовольствия; он принял его, скрепя сердце, и только из приличия поблагодарил, кого следует, за оказанное ему внимание. Да иного и быть не могло. Российская академия не представляла того, что имело большое значение в глазах Евгения. В ней не было тогда ни духа науки, ни крупных талантов, ни верного взгляда на цель и направление академической дея-

---

[37] *Буткевич Т. И.* Иннокентий Борисов... С. 54.
[38] Там же. С. 55.

Митрополит Евгений (Болховитинов)
Гравированный портрет 1841 г.

Архиепископ Иннокентий (Борисов)
Литографированный портрет середины 1850-х гг.

тельности <...> Проницательный и чуткий Евгений ясно понимал, к чему поведет такой порядок вещей, такое отчуждение от всего того, что заключало в себе залог движения и жизни в литературе, а, следовательно, и в литературном языке. В то самое время, когда Евгений указывал на пользу и необходимость знакомства с произведениями современной литературы, с языком наших новых писателей, с журнальными статьями Карамзина и его последователей, в Российской академии воздвигалось на них беспощадное гонение».[39] В личной переписке Евгений не скрывал своего отношения к избранию: «В академии сей всякая всячина набита в членство, даже и такие, которые от роду никогда ничего не писывали русского <...> Между членами ее многие совершенные трутни».[40] Тем не менее, будучи в 1825—1826 гг. в С. Петербурге, Евгений старался регулярно посещать все заседания академии. По предложению А. С. Шишкова в начале 1837 г. «за известные всем заслуги, оказанные отечественной словесности», Российская академия присудила Евгению большую золотую медаль, а после того, как получила известие о его кончине 23 февраля 1837 г., было определено вместо медали заказать его портрет для зала заседаний Академии.[41] Иннокентий также был избран членом Российской академии. Это произошло в заседании 5 октября 1835 г., после того как А. И. Малов прочитал две его речи, «и собрание слушало их с величайшим удовольствием, отдавая г. ректору полную справедливость как за истинно-христианские чувства, коими дышат его речи, так и за силу выражений и чистоту языка», и А. С. Шишков предложил Иннокентия в действительные члены, что было единогласно одобрено.[42] За отдалением епархии от столицы в заседаниях Академии Иннокентий не участвовал. Отметим, что оба иерарха получали гораздо большее удовольствие от личного общения и переписки с лучшими русскими писателями первой половины XIX века, чем от избрания в «храм словесных муз», хранивший в это время лишь воспоминание о славных екатерининских временах, когда он действительно являлся таковым.

На протяжении всей жизни Евгения в его церковно-исторических изысканиях недоброжелатели видели какое-то «ра-

[39] *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб., 1885. Вып. 7. С. 269—270. — (Сб. ОРЯС. Т. 37, № 1).

[40] Чтения 18 декабря 1867 года в память митрополита Киевского Евгения... С. 50—51, 118—119.

[41] *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. Вып. 7. С. 280—281.

[42] Там же. С. 475—476.

ционалистическое отношение», однако в чем именно оно заключается, объяснить не могли.[43] В своей подозрительности отдельные члены синода даже требовали от Российской академии предоставлять им на рассмотрение труды Евгения, поданные им в Академию, что не нашло понимания в последней.[44] Образ жизни Евгения, подчеркнуто уклонявшегося от какого бы то ни было участия в синодальных интригах, а также его обширные знакомства в ученом мире и среди высокопоставленных лиц, также казались предосудительными. Придирки усилились после пребывания в столице в 1825—1826 гг. «Евгений и в Петербурге по-прежнему более занимался учеными изысканиями, чем церковно-историческими проектами. Зато, в свою очередь, разочаровавшиеся в нем церковные политиканы и ему не делали снисхождения».[45] Главный недоброжелатель Евгения митрополит Московский Филарет (Дроздов) не мог простить ему открытого столкновения на коронационных торжествах 1826 г. Свою неприязнь к Евгению Филарет перенес и на Иннокентия, поручив синоду произвести негласное дознание по поводу якобы «предосудительного» образа его мыслей. Это подозрение покоилось всего лишь на нескольких неточных выражениях в одном из студенческих конспектов лекций Иннокентия, однако этого оказалось достаточным для обвинения в «неологизме». Под этим термином подразумевалось знакомство Иннокентия с современными ему западными философскими учениями. Ранее подобному обвинению подвергся друг Иннокентия выдающийся русский библеист Г. П. Павский, причем это обвинение, несмотря на очевидную вздорность, тяжело отразилось на его дальнейшей судьбе. Евгений решительно взял Иннокентия под свою защиту. Последний предпочел не углублять конфликт и написал Филарету почтительное письмо, в котором горько сокрушался о несправедливых подозрениях. Удовлетворенный его смирением, Филарет отвечал, что с этого времени «будет преследовать его лишь любовию своею».[46] После этого случая Евгений лично просматривал труды Иннокентия, подготовленные им к печати. Так, выполненные им переводы западнорусских акафистов встретили запрет Евгения,

[43] *Милюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. Т. 1. С. 186—188.

[44] *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. Вып. 7. С. 277—278.

[45] *Котович А. Н.* Духовная цензура в России (1799—1855 гг.). СПб., 1909. С. 540.

[46] Материалы для биографии Иннокентия Борисова, архиепископа Херсонского и Таврического / Собрал и издал... Н. Барсов. СПб., 1884. Вып. 1. С. 24—25.

опасавшегося обвинения в пропаганде униатства.[47] Попытки же Евгения завести самостоятельную духовную цензуру в Киеве (прежде всего для облегчения прохождения в печать своих и Иннокентия трудов) встретили решительную отповедь Филарета, усмотревшего в этом признаки сепаратизма: «Если для полтавского епископа надобно учредить цензуру в Киеве, то для иркутского где прикажете? Если говорить о несообразностях, то будет ли сообразность и в том, когда иеромонах Мелитон будет цензуровать епископа Нафанаила?».[48] Отметим, что после кончины Евгения и удаления из Киева Иннокентия при новом киевском митрополите Филарете (Амфитеатрове) все возражения против заведения в Киеве самостоятельной духовной цензуры у Филарета (Дроздова) исчезли.[49]

Т. И. Буткевич отмечал: «Образом жизни, где все было подчинено ученым занятиям, оба преосвященных также были весьма схожи. Изобилие книг, заполонивших столы, окна, стулья, кресла, диваны — везде были горы книг. Иннокентий засыпал всегда с книгой, на книгах и книгами окруженный».[50] Еще большее количество книг было у Евгения, скромно упомянувшего об этом в своем завещании: «Имение мое более состоит в книгах, нежели в вещах».[51] Количество книг при перемещении с одной архиерейской кафедры на другую традиционно измерялось возами — так, при переезде Евгения в 1822 г. из Пскова в Киев библиотека его занимала 10 подвод.[52] Свое собрание Евгений пытался содержать в образцовом порядке — с помощью В. Г. Анастасевича и Серафима (Покровского) составил каталог,[53] а также аккуратно расставил книги, но поток новых поступлений свел на нет проделанную работу. Иннокентий же никогда и не ставил перед собой задачу упорядочения своей библиотеки, более наслаждаясь почерпнутыми из книг сведениями, нежели самим фактом владения книгами. «Приобретать вновь явившиеся более или менее серьезные книги, штудировать и научно ценить их было его почти страстию. Его библиотека была весьма драгоценна и обширна уже во времена его киевского ректор-

[47] *Котович А. Н.* Духовная цензура в России... С. 205—206.

[48] Материалы для биографии Иннокентия Борисова... Вып. 1. С. 37.

[49] О деятельности цензурного комитета при Киевской академии см.: *Котович А. Н.* Духовная цензура в России... С. 470—479: Об Иннокентии как цензоре см.: Там же. С. 382—385.

[50] *Буткевич Т. И.* Иннокентий Борисов... С. 124.

[51] ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 1, № 2447, л. 8.

[52] *Лобойко И. Н.* Воспоминания // РО ИРЛИ, ф. 154, оп. 1, № 39, л. 25.

[53] ЦГИА УССР, ф. 184, оп. 1, № 7.

ства».[54] Переписка Евгения и Иннокентия с самыми различными лицами наполнена постоянными просьбами о присылке книг.

В своем книгособирательском увлечении оба иерарха следовали доброй иноческой традиции собирания личной библиотеки для последующего вклада ее в какой-либо монастырь или духовное учебное заведение. Эту традицию Евгений весьма чтил, и неслучайно его внимание (нашедшее, кстати, выражение и в рукописных пометах на описываемом экземпляре «Словаря») к двум архиереям, собравшим достаточно большие и хорошо подобранные по составу библиотеки — Августину (Виноградскому) и Мефодию (Смирнову), завещавшим свои собрания Троице-Сергиевой лавре.[55] С обоими Евгений был знаком лично. В своем завещании Евгений разделил библиотеку между Киевской академией, Киевской семинарией, Киевским Софийским собором и Киево-Печерской лаврой, исходя из целесообразности нахождения книг в том или ином месте.[56] Внезапность кончины Иннокентия не позволила ему определить судьбу своей библиотеки, но при жизни он намеревался специально пополнять собрания духовных академий: «К сожалению, не успел я исполнить другого предположения — составить три коллекции первопечатных книг и разослать в подарок по трем Академиям. Не вздумает ли велеть это сделать Св. Синод? Для Академий это большой подарок; а если где можно сделать это, то в Вологде. Это обетованная страна Церковной Археологии во всех видах. Сколько там древнейших икон, сосудов, книг, рукописей»!, — писал он, уже будучи перемещен в 1841 г. из Киева в Вологду.[57] Евгений смог осуществить свое намерение благодаря добросовестности душеприказчиков — Иннокентия и Серафима (Покровского).[58] Драгоценнейшая же библиотека Иннокентия, не оставившего завещания и не имевшего в своем окружении столь же преданных ему лиц, по его кон-

[54] *Буткевич Т. И.* Иннокентий Борисов... С. 114.

[55] Укажем, кстати, на наличие описей библиотек того и другого: Августина — РО ГБЛ, ф. 173, оп. 1, № 605, 606; Мефодия — Там же, № 588.

[56] *Кл. пр. Н. О.* [*Оглоблин Н., ключарный протоиерей*]. Число рукописей митрополита Евгения в Киево-Софийской соборной библиотеке // Тр. Киевской духовной академии. 1867. № 12. С. 651—658.

[57] Письма Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, к Гавриилу, архиепископу Пензенскому и Зарайскому. М., 1869. С. 42.

[58] Дело по представлению состоящего в должности Киевского гражданского губернатора о смерти киевского митрополита Евгения // ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 1. № 2447. л. 6—7.

чине была расхищена служителями архиерейского дома,[59] и лишь часть его архива, приобретенного Н. Х. Палаузовым, сохранилась в относительной полноте.[60]

Евгений рачительно и ревниво относился к своим книгам, одалживая их ненадолго только самым близким знакомым для ученых занятий; ограничений не существовало только для студентов Академии и ее ректора. Иннокентий же в своем отношении к библиотеке составлял полную противоположность Евгению, закупая горы книг лишь для того, чтобы впоследствии подарить их тому, кто, по его мнению, мог бы извлечь для себя пользу: «Совершенно новых книг нету. Германия что-то обеднела. Франция все слушает Кузена да Гизо и издает Св. Отцев. Англия начинает переписывать, подобно нам, немцев. Вот и вся история новейшей литературы. Мелкие сочинения есть, но все они почти на немецком. Если угодно, то позвольте только, и я без денег пошлю к Вам целые десятки сей ученой рухляди».[61]

Сам Иннокентий постоянно пользовался библиотекой Евгения, так как, судя по письму к Г. П. Павскому от 25 ноября 1830 г., библиотека Киевской академии не оправдала его ожиданий.[62] Возможно, тому виной послужил случайный характер ее комплектования (в особенности иностранными книгами) или пожар 1811 г., нанесший значительный урон ее собранию. Иннокентий, как и Евгений, свободно читал на трех древних языках, французском, немецком и польском. Чтение книг для того и для другого было актом творческим. Евгений испещрял поля своими маргиналиями, незначительная часть которых была опубликована в 1843 г. иеромонахом Михаилом (Монастыревым).[63] Иннокентий также не был чужд этой привычки, однако полям предпочитал форзацы: «Читая многие книги от начала до конца, даже целые системы философов, он обыкновенно делал экстракты из про-

---

[59] *Стрельбицкий И.* К материалам для биографии преосвященного Иннокентия // Тр. Киевской духовной академии. 1889. № 8. С. 634—635.

[60] Хранится в РО ГПБ (ф. 313). Краткую характеристику собрания см.: Путеводитель по фондам личного происхождения Отдела рукописей ГПБ. Л., 1986. Вып. 3. С. 118—120.

[61] Письма Иннокентия... к Гавриилу... С. 6.

[62] Венок на могилу высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического / Издан М. П. Погодиным. М., 1867. С. 50—51.

[63] Собственноручные записки преосвященного Евгения, митрополита Киевского, на книгах, поступивших по его завещанию в Киевскую семинарскую библиотеку // Москвитянин. 1843. № VII. С. 95—108; № VIII. С. 1—21; 1844. № XIII. С. 1—18.

читанного и такие экстракты нередко набрасывал в конце самих книг».[64]

Не стал исключением и побывавший у Иннокентия рассматриваемый нами авторский экземпляр «Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви». Помет Иннокентия на полях немного, и они содержат упоминания о том, произведения каких рассматриваемых Евгением писателей Иннокентий успел опубликовать в издаваемом им с 1836 г. «Христианском чтении». Значительно больший интерес представляют записи, сделанные Иннокентием на форзацах тома. Помимо каких-то цифровых подсчетов, практически нечитаемого карандашного списка опечаток, а также указания на то, что «1757 года апр[еля] 22 Димитрий Ростовский признан в числе Святых», мы встречаем здесь и указания на рукописи, с которыми Иннокентий намеревался ознакомиться. Этот перечень настолько интересен, что приводим его полностью:

«В Сборник Догматический: век XII — Послание митроп[олита] Никифора, како отвергнены быша Латины.

В С.-Петербургской дух[овной] академии:

a) Рукописи Селлия, 15 vol.

Для общества киевского: 1) Издать Григоровича путешествие. 2) Варлаама Палицына. Летопись об осаде Киева от Татар XVI.

Посмотреть в Московской Синод[альной] Библиотеке —

a) Арсения Сухан[ова] — Проскинитарион.

b) 43 статьи ошибок [...] в книгах архим[андритом] Дионисием (v[oir] Дионисий)

c) Потребник Феогностов

d) Деяние на Мартина Еретика

e) Ответ Никона Патриар[ха] на 30 вопросов (v[oir] Никон).

Рукописи в Библ[иотеке] Синода в С[анктк]-П[етер]б[ур]ге —

Арсениеву — на Раскольников

Аполлоса — о начале часов, вечерни и литургии

Амвросия Серебрен[никова] — сравнение Евангелия с Алкораном

Гавриила Бужинского — перевод Моррениева Словаря.

NB. В библиотеке Санкт[-Петербургской] Академии наук —

Варлаама Палицына. Описание осады города Киева от татар».

---

[64] *Макарий (Булгаков М. П.)* Биографические записки о преосвященном Иннокентии // Венок на могилу высокопреосвященного Иннокентия... С. 22.

В конце книги сделана приписка того же характера: «По праву Каноническому: 1) Максима митрополита: а) вопросы и ответы; в) правила».

Вышеприведенные пометы Иннокентия свидетельствуют о той тщательности, с которой он собирал источники для главного труда своей жизни — «Догматического Сборника», или «Памятника веры». Составление всеобъемлющего свода основных догматов христианства в его историческом развитии увлекло Иннокентия еще во время обучения в академии и занимало всю жизнь. Сведения Иннокентий старался почерпнуть отовсюду; знакомые присылали ему копии с рукописей из русских и заграничных библиотек; потоком шли книжные дары. Иннокентия же угнетала мысль о тех сокровищах, которые хранятся неописанными в отечественных древлехранилищах и которыми он, по привязанности к месту своего ректорского или архиерейского служения, лишен возможности пользоваться. Особенно тяготила Иннокентия невозможность пользоваться сокровищницей древнерусской письменности: «Взор на Синодальную библиотеку опять пробудил во мне сильную грусть о том, что мы небрежем доселе разобрать сокровища, в ней наваленные кучею. Никто не может так чувствовать этого греха, как я со своим Догматическим Сборником».[65] Отметим, что описание рукописей Синодального собрания, осуществленное А. В. Горским и К. И. Невоструевым, было предпринято по инициативе Иннокентия. К сожалению, постоянная занятость Иннокентия, его неудовлетворенность своей работой из-за стремления сделать ее всеобъемлющей по охвату источников, привели к тому, что этот монументальный труд в рукописи был доведен только до XII века и в свет издан не был.

В отечественной истории Иннокентий памятен прежде всего как выдающийся проповедник и герой Крымской войны, свершавший пасхальное богослужение в бомбардируемом одесском Преображенском соборе и бесстрашно обходивший ряды русских войск во время Севастопольского сражения. Научные сочинения его, особенно неоконченные, не привлекали к себе особого внимания. Напротив, Евгений увековечил свое имя в российской истории прежде всего учеными трудами. Личные же качества его никогда не были предметом специального изучения, на что справедливо указывал еще век назад Е. Ф. Корш: «Его беспристрастная ученость, многосторонняя начитанность, его едкое подчас остроумие обнаружились нам полнее в сравнительно новейшее

[65] Письма Иннокентия... к Гавриилу... С. 41.

только время, из частной переписки, которая слишком долго лежала под спудом, в явный ущерб нашему самосознанию <...> Смело можно сказать, что мы и теперь еще не знаем митрополита Евгения во всей полноте, как человека и ученого, а между тем оригинальностью своих суждений он предупредил многих, гораздо позднейших писателей и критиков».[66] К сожалению, предпринятая в 1880-х гг. Е. Ф. Шмурло попытка составления научной биографии Евгения не была завершена — был издан лишь первый том, где жизнь и труды Евгения были рассмотрены лишь до 1804 г. Предложенный в 1918 г. Д. И. Абрамовичем издательству «Огни» биографический очерк о Евгении издан не был.[67] «Как ни бедны наши источники для биографии митрополита Евгения, но еще в более жалком виде представляется нам оценка его литературной деятельности: тут уж ровно ничего не сделано», — с горечью писал С. И. Пономарев накануне 100-летнего юбилея Евгения.[68] В преддверии юбилея 225-летнего мы отмечаем, что до сих пор еще нет научной биографии Евгения, его собрания сочинений. Отсутствует даже комментированное переиздание его словарей, о необходимости которого говорилось еще на Евгениевском юбилее 1868 года.

Несмотря на более чем полутораевековую давность, труд Евгения до сих пор сохраняет свое значение в качестве первоисточника многих сведений по истории русской литературы. «Нельзя без удивления вспомнить, какое множество перебрал он старинных рукописей и книг, если даже судить по тем указаниям, кои находятся в одном Словаре его. Когда было заботиться о щеголеватой отделке таких предметов, кои требуют огромного труда и времени только на то, чтобы собрать и перечесть все, до них касающиеся, и кои, с другой стороны, будучи представлены просто и так, как они попадались под руку, весьма однако же необходимы и полезны. Евгений собрал и оставил потомкам богатейший материал не только для церковной русской истории, но и вообще для истории русской литературы».[69] Отметим, что труд Евгения до сих пор остается одним из основных справочников по русской духовной литературе, уровень библиографического опи-

[66] *Корш Е. Ф.* Опыт нравственной характеристики Румянцева // Сб. материалов для истории Румянцевского музея. [М., 1882]. Вып. 1. С. 65.

[67] План этой работы см.: РО ИРЛИ. Ф. 212. № 80.

[68] *Пономарев С. И.* По поводу столетнего юбилея митрополита Евгения (1767—1867) // Полтавские епархиальные ведомости. 1867. № 3. С. 96.

[69] *Я. А.* [*Амфитеатров Я. К.*] Евгений, митрополит Киевский и Галицкий. (Некролог) // Северная пчела. 1837. № 61. 18 марта. С. 243—244.

сания которой оставляет желать лучшего.[70] Отметим, что, если не считать зависимого от «Словаря» Евгения «Обзора русской духовной литературы» Филарета (Гумилевского), следующий аналогичный труд — составленный В. М. Волковым словарь русских духовных писателей из монашествующих XVIII — первой половины XX века — был создан полтора века спустя и до сих пор не издан (машинописный экземпляр в двух томах хранится в библиотеке Московской духовной академии).[71]

Сообщенным в настоящей статье кратким обзором маргиналий святителей Евгения и Иннокентия отнюдь не дан их исчерпывающий перечень и вполне закономерно встает вопрос о фототипическом переиздании данного экземпляра. Опыт репринтного воспроизведения экземпляра обычного уже имеется (Лейпциг, 1971), причем тираж разошелся почти сразу же.

Своеобразие научных трудов Евгения и их значимость для русской истории в свое время подчеркивал И. И. Срезневский: «Евгений в своих трудах ни высказал словом ни своих общих взглядов на исторические явления, ни своих общих мыслей, ни своих чувств; но что же такое вся научная деятельность Евгения, деятельность, обнявшая чуть ли не весь круг древностей русских, продолжавшаяся почти пятьдесят лет, поддерживавшаяся, очевидно, не из каких-нибудь жизненных выгод и видов, заставлявшая его работать и вызывать других на работы, помогать им, что, если не выражение стремлений любознательного ума отыскать ответы на общие вопросы посредством разрешения частных, и вместе теплого чувства любви к знанию, к просвещению, к отечеству? Не высказавшись на словах, он высказался на деле».[72]

---

[70] *А. М.* О современном состоянии и перспективах развития библиографии духовной литературы // Богословские труды: Сб. 26. М., 1985. С. 307—314.

[71] Владимир Македонович Волков. [Некролог] // Журнал Московской патриархии. 1988. № 5. С. 32.

[72] *Срезневский И. И.* Воспоминание о научной деятельности Евгения, митрополита Киевского // Чтения 18 декабря 1867 года в память митрополита Киевского Евгения... С. 42.

Н. Н. ШАТАЛИНА

А. Н. ОСТРОВСКИЙ — ЧИТАТЕЛЬ И. ТЭНА

Среди книг А. Н. Островского, переданных в 1929 г. М. М. Шателен в библиотеку Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, бережно сохраняется и экземпляр сочинения И. Тэна «Чтения об искусстве» (1874 г.)[1] с пометками А. Н. Островского.

Сотрудники библиотеки Пушкинского Дома провели большую справочную работу, итогом которой стало издание «Библиотека А. Н. Островского. Описание» (Л., 1963). В этом справочнике подробно воспроизведены и пометы на книге И. Тэна. Все маргиналии Островского в описании его библиотеки подробно воспроизведены (отмечены страницы, количество отчеркнутых и подчеркнутых строк). Пометы Островского приводятся полностью, но текст, к которому они относятся, обозначается только формально: место на странице.

Таким образом, смысловая сторона работы писателя с книгой находит отражение в описании библиотеки лишь частично. Раскрытие смысла тех или иных помет носит эпизодический и часто случайный характер. Но составители описания и не ставили перед собой задачи установить непосредственную связь выявленных помет с содержанием произведений А. Н. Островского. Автор вступительной статьи А. Н. Степанов надеялся, что эта сложная тема, относящаяся к творческой лаборатории писателя, психологии и технологии процесса создания художественного произведения, будет раскрыта в будущем.[2]

Пометы А. Н. Островского представляют интерес как

---

[1] *Тэн И.* Чтения об искусстве: 5 курсов лекций, читанных в Парижской школе изящных искусств // Перев. А. Н. Чудинов. Тщательно испр. и доп. изд. М., 1874. Шифр библиотеки А. Н. Островского 15.5/24. Далее в статье при ссылках на это издание в круглых скобках указываются страницы.

[2] *Степанов А. Н.* Островский и его библиотека // Библиотека А. Н. Островского: Описание. Л., 1963. С. 17.

свидетельство внимательного, вдумчивого изучения одного из интереснейших и новаторских для своего времени трудов французского философа.

В статье «Ипполит Тэн в России» П. Р. Заборов пишет: «Для лучшего понимания русского общественного и культурного движения второй половины XIX в. было бы полезно выяснить, проявилось ли увлечение Тэном в русской художественной литературе, чем были ему обязаны русские философы, мыслители и критики, как его интерпретировали...».[3] Опытом такой интерпретации и является данная статья.

Многочисленные пометы на книге И. Тэна являются отражением эстетических позиций создателя русского реалистического театра, сознания необходимости изучения теории искусства, ярким подтверждением собственных слов: «Изучение изящных памятников древности, изучение новейших теорий искусства пусть будет приготовлением художнику к священному делу изучения своей родины, пусть с этим запасом входит он в народную жизнь, в ее интересы и ожидания».[4]

Ознакомившись с общим характером помет А. Н. Островского можно предположить, что мысли И. Тэна были им восприняты в общем положительно. Единичны вопросы и волнистые линии на полях книги, отсутствуют полемические замечания, которыми драматург сопровождал чтение книг, вызвавших у него решительные возражения. Читая французского философа, А. Н. Островский, очевидно, принимает к сведению мысли И. Тэна, обращая особое внимание на те размышления автора, которые могут быть соотнесены с проблемами драматического искусства.

Знакомство А. Н. Островского с работами И. Тэна произошло еще в 1864 г. В библиотеке А. Н. Островского сохранились вырезки из журнала «Заграничный вестник» с отрывком, характеризующим творчество Шекспира, из прославленного труда И. Тэна «История английской литературы»,[5] в котором изучение художественных произведений связано с вниманием к психологическим аспектам творчества; с такими понятиями, как «эволюция», «раса», «среда», «исторический момент». Чтения об искусстве — это курсы лек-

[3] *Заборов П. Р.* Ипполит Тэн в России: (Материалы к истории восприятия) // Эпоха реализма: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1982. С. 228.

[4] *Островский А. Н.* Полн. собр. соч. в 12 т. М., 1979. Т. 10. С. 524. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи, указываются том и страница.

[5] Заграничный вестник. 1864. Т. 2, № 4. С. 69—98; № 5. С. 297—324.

ций, прочитанных И. Тэном в 1864—1869 гг. в Парижской школе изящных искусств. Знакомство А. Н. Островского с «Чтениями об искусстве» И. Тэна скорее всего произошло ранее 1874 г., по журнальным публикациям русского перевода. Полный перевод «Философии искусства» И. Тэна опубликовал «Заграничный вестник» в октябре — ноябре 1865 г. Вскоре он вышел отдельной брошюрой, изданной В. В. Чуйко. В 1867 г. известный педагог и литератор А. Н. Чудинов, осуществил третий перевод «Философии искусства», он был опубликован в воронежских «Филологических записках» (1867, вып. 2—4). В том же журнале увидели свет и следующие циклы тэновского курса лекций в 1868 г.[6]

Прежде всего встает вопрос о датировке помет А. Н. Островского на «Чтениях об искусстве». Сделать это достаточно трудно, ибо маргиналии сколько-нибудь конкретных примет времени не содержат. Косвенных свидетельств чтения А. Н. Островским этой книги не удалось обнаружить. И все-таки представляется возможным предположить, что пометы являются непосредственным и живым откликом писателя и относятся, скорее всего, к лету 1874 г. В пользу этого говорит тот факт, что труд И. Тэна прочитан с равномерным тщательным вниманием, которому как нельзя более соответствовало спокойствие, свободный досуг, о котором свидетельствуют письма А. Н. Островского этого времени: «Два-три месяца весны и лета я посвящаю лечению, отдыху и занятиям менее обременительным, и только с августа начинаю серьезную работу».

14 июня 1874 года в письме И. С. Тургеневу он сообщал: «Теперь я в деревне, наслаждаюсь летним теплом и прекрасной погодой, немножко работаю и очень много ничего не делаю» (т. XI, с. 470). В этом же письме содержатся рассуждения о недостатках «Грозы» с точки зрения французского читателя и зрителя: «Я очень высоко ценю умение французов делать пьэсы и боюсь оскорбить их тонкий вкус своей ужасной неумелостью. С французской точки зрения, постройка „Грозы“ безобразна, да надо признаться, что она и вообще не очень складна... Теперь я сумею сделать пьесу немного хуже французов и, если хотите, пришлю Вам оригинал „Грозы“, переделанный для французской сцены» (т. XI, с. 470).

[6] Подробнее о переводах этого сочинения И. Тэна см.: *Заборов П. Р.* Указ. соч. С. 240—247.

Этот отрывок из письма Тургеневу, поддерживающему дружеские отношения с И. Тэном с конца 60-х гг.,[7] заслуживает нашего пристального внимания, ибо содержит замечания очень близкие мыслям французского философа — позитивиста, в которых на историко-литературный процесс переносятся закономерности учения о влиянии «природных условий», «расы» и «климата». Разбирая вопрос о том, какие произведения искусства являются наиболее совершенными, значительными и долговечными, Тэн приходит к выводу, что этими качествами обладают в первую очередь те произведения, в которых выражена нетронутая и незыблемая национальная основа или расовый характер. Он считает, что географическая среда может непосредственно воздействовать на склад ума и моральные свойства жителей.

Сравните высказывание А. Н. Островского о народности театра и драматургии: «Самая лучшая школа для художественного таланта есть изучение своей народности, а воспроизведение ее в художественных формах, — самое лучшее поприще для творческой деятельности» (т. X, с. 524).

А. Н. Островский читает И. Тэна для постижения и усвоения каких-то общих теоретических, применимых к русской литературе и театру положений, для уточнения и углубления собственного взгляда на искусство, обогащения и осмысления своих наблюдений.

Поиск причинных связей, идеи единообразного, закономерного развития приводят к тому, что наука об искусстве в изложении Тэна приобретает исторический, исследовательский характер.

Основным принципом, которым руководствовался И. Тэн в изучении литературных произведений и произведений искусства, была научность, которую он понимал как аналитическое исследование причин и влияний социальных условий на закономерности развития искусства. Задачу своей науки он сводит к объективному объяснению рассматриваемых художественных явлений. Но вместе с тем, его выводы носят и рекомендательный, нормативный характер.

Отражая реальную действительность, художнику следует подражать «кое-чему» в ней, но не всему. В ярких доступных образах философ раскрывает ту «частицу жизни», «за которой должно гоняться подражание» (с. 16).

Это, видимо, и привлекло внимание А. Н. Островского когда на с. 17 он выделил абзац: «В литературном произве-

[7] О взаимоотношениях И. Тэна и И. С. Тургенева см.: *А. Б. Муратов.* Ипполит Тэн // Тургеневский сб. Л., 1969. Т. 5. С. 513—518.

дении должно обрисовать не осязаемую внешность лиц и событий, но совокупность отношений их и взаимную зависимость, т. е. их логику. Итак, говоря вообще, все, что интересует нас в существе реальном и что мы просим художника извлечь и передать нам, — это внутренняя и внешняя логика того существа, или, другими словами, его склад, состав, подбор частей».

Однако излишняя схематичность в отношении к произведению словесного искусства, возможно, оказалась не по душе читателю, поэтому отрывок на с. 17 выделен волнистой линией на полях.

Сложность внутренней структуры литературного произведения, его художественная специфика мало занимает Тэна. Литература сводится к другим формам идеологии, утрачивая свою специфику. И. Тэн обобщал опыт французской литературы, но придавал этому опыту теоретический и отчасти догматический характер.

В «Философии искусства», которая несомненно относится к самым выдающимся художественно-критическим работам И. Тэна, он стремится найти строго научное обоснование закономерности литературно-художественного процесса, объяснить все, вплоть до природы таланта, дарования, которых не может заменить художнику «никакое изучение и никакое терпение». И. Тэн говорит о природных свойствах личности художественно одаренной: «По отношению к изображаемым предметам, у них (художников. — *Н. Ш.*) должна быть самобытная восприимчивость; известный характер в предмете поразил их, и следствием такого толчка является сильное и ясное впечатление. Другими словами: когда у человека есть врожденный талант, его впечатлительность... отличается тонкостью и быстротой» (с. 24).

Характеризуя механизм творческого процесса как «череду приемов», И. Тэн приходит к выводу: «Пусть величают ее (череду приемов. — *Н. Ш.*) разными именами, пусть называют ее вдохновением, гением — это и хорошо, и справедливо; но если мы захотим определить ее в точности, необходимо всегда смотреть на нее как на живую самобытную восприимчивость, которая группирует вокруг себя целый рой придаточных идей, переделывает их по-своему, преобразует и пользуется ими для того, чтобы обнаружить самое себя» (с. 24).

Перекличку с этими рассуждениями И. Тэна находим в записях А. Н. Островского, объединенных под шутливым заглавием «Афоризмы, замечания и наблюдения пьяного че-

ловека», где Островский передает свои наблюдения над психологией творчества: «В хорошей душе, богатой удержанными впечатлениями, происходит вот что: в минуты думы — творчества — все удержанные впечатления вращаются как бы в калейдоскопе, но тут же присутствует одна неподвижная постоянная мысль, которая выбирает и нижет на себя все, что найдет нужным в калейдоскопе» (т. X, с. 45). Потребность осознать, проанализировать и описать процесс создания художественного произведения, возможно, является своеобразным читательским откликом на «Чтения об искусстве».

Заинтересовало А. Н. Островского и то обстоятельство, что исходным моментом для понимания художественного произведения у Тэна становится независимо от нашего сознания существующий внешний мир, а уровень развития искусства определяется состоянием общественных нравов и господствующих взглядов (с. 2).

Особенность художественного произведения не в том, чтобы обнаружить основной главенствующий характер явления, следовательно, сделать какую-нибудь идею яснее и полнее, чем она воплощена в действительности. Эту мысль И. Тэна, достаточно определенно сформулированную, отмечает А. Н. Островский (с. 24). Сходство науки с искусством, согласно Тэну, состоит в стремлении за случайным увидеть закономерное. Искусство стремится подчеркнуть основной главенствующий «характер» явления, освобождаясь от всего побочного, мелочного, несущественного. Тэн указывает: «Художественное произведение имеет целью обнаружить какой-либо существенный или наиболее выдающийся характер, стало быть, какую-нибудь преобладающую идею яснее и полнее, чем она проявляется в действительных предметах». Островский отчеркнул этот текст, но высказанная в такой форме мысль показалась ему недостаточно убедительной, и он дополняет перевод Чудинова фразой на полях, отмечая место в конце текста знаком «V», куда она и должна быть вставлена: «представив самую жизнь идейную» (с. 25).

Возражая против отождествления реальных событий и их изображения в литературном произведении, Тэн обращает внимание на то обстоятельство, что отождествление подражания с сущностью художественного творчества приведет к тому, что лучшей драмой, комедией и трагедией придется признать стенографические отчеты об уголовных процессах. Отчеркивая эти слова И. Тэна, его читатель обращает особое внимание на следующий отрывок: «...если вы и встретите

здесь иной раз что-нибудь естественное, какой-нибудь взрыв душевный, **то это будет только зерно хорошего металла в мутной и грубой оболочке руды.** Стенография может только доставить материалы писателю, но она вовсе не может быть названа произведением искусства» (с. 14).

Это соображение не ново, еще В. Г. Белинский отметил, что «хорошо и верно изложенное следственное дело, имеющее романтический интерес не есть роман и может служить разве только материалом для романа».[8] Однако то обстоятельство, что подобная мысль взволновала А. Н. Островского перед самым осуществлением художественного замысла, берущего свое начало в судебном процессе («Волки и овцы»), безусловно заслуживает внимания.

У И. Тэна состояние искусства определяется «состоянием общественных нравов и господствующих взглядов»: «Для того, чтоб величаво простые формы улеглись на полотно под рукой какого-нибудь Тициана и Рафаэля, необходимо, чтобы формы эти естественно возникали в уме человеческом, необходимо, чтобы образы не заглушались и не искажались в нем идеями», — отмечает А. Н. Островский на с. 89 сочинения И. Тэна. Этот выделенный А. Н. Островским отрывок заставляет вспомнить статью Н. А. Добролюбова «Луч света в темном царстве» и отметить в данном случае сходство эстетической концепции И. Тэна и Н. А. Добролюбова. «Мы нисколько не думаем, чтобы всякий автор должен был создавать свои произведения под влиянием известной теории: он может быть каких угодно мнений, лишь бы талант его был чуток к жизненной правде. Художественное произведение может быть выражением известной идеи, не потому, что автор задался этой идеей при его создании, а потому, что автора его поразили такие факты действительности, из которых эта идея вытекает сама собою».[9] Тэн обращает внимание на то, что процесс познания мира не имеет границ, находятся в постоянном развитии и наши подвижные, гибкие понятия. Искусство же призвано выявлять основной, ведущий характер событий или явлений посредством того, что называется художественным или эстетическим типом. Размышления И. Тэна о типическом в искусстве, отмеченные А. Н. Островским, дополняют взгляды драматурга на эту проблему, изложенные им в рецензии на повесть Е. Тур: «Нравственная жизнь общества, переходя различные формы, дает для искусства те или другие типы, те или другие за-

[8] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. в 13 т. М., 1956. Т. 10. С. 303.
[9] *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в 9 т. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 311.

дачи. Эти типы и задачи с одной стороны побуждают писателя к творчеству, затрагивают его; с другой, дают ему готовые, выработанные формы. Писатель или узаконивает оригинальность какого-нибудь типа как высшее выражение современной жизни или, прикидывая его к идеалу общечеловеческому, находит определение его слишком узким, и тогда тип является комическим» (т. X, с. 7—8).

Иными словами, тот или другой тип, который художник извлекает из самой действительности и в котором видит воплощение нравственных качеств особенно характерных для данного времени и данной среды, он сопоставляет с общечеловеческим идеалом этого типа, а механизм этого сопоставления воплощается в конкретных параллелях, обнажая логику событий и делая ясными характеры. Эти рассуждения А. Н. Островского очень близки мыслям И. Тэна о том, что великие литературные произведения проявляют какой-нибудь глубокий вековечный характер: «Это можно сказать, перечни, представляющие уму в осязательной форме то главнейшие черты какого-нибудь периода истории, то изначальные инстинкты и способности какого-нибудь племени, то известные отрывки человека вообще и те первичные психические силы, которые являются последними, крайними причинами людских событий» (с. 158).

И. Тэн считал, что художественное произведение является результатом единой идеи, рождающейся в творческом процессе в сознании художника: «Мы задумали характер; теперь надо, чтобы столкновения, в какие он будет поставлен, обнаружили свойства его вполне... Художнику необходимо пригонять положения к характерам» (с. 191). Это замечание отмечено вопросительным знаком на полях. Можно предположить, что выделенные таким образом мысли не удовлетворили А. Н. Островского, показались ему спорными, недостаточно убедительными, особенно если учесть то обстоятельство, что драматург отвергал искусственную интригу: «Дело поэта не в том, чтобы выдумывать небывалую интригу, а в том, чтобы происшествие, даже невероятное, объяснить законами жизни» (т. X, с. 459). А. Н. Островский считает фабулу не существенной с художественной точки зрения, противопоставляя ей сюжет, который окружает событие различными жизненно достоверными подробностями, необходимыми для убедительности художественного изображения. «Изобретение интриги потому трудно, что интрига есть ложь, а дело поэзии — истина» (т. X, с. 459), — и в этом смысл вопросительных знаков на полях книги И. Тэна.

Свободное творчество, не стесненное каким-либо направлением, как проявление живого, самобытного природного чувства и сочувствие, сопереживание тех, кто воспринимает произведение искусства, по мысли Тэна, — главные условия успешного творчества (с. 124). Рассуждая о тех внутренних пружинах, которые делают человека способным приносить пользу другим людям, И. Тэн отмечает: «Есть одна лишь такая пружина — способность любить, потому что любить значит ставить себе целью счастье другого, подчиниться ему, отдаться вполне заботам о его благе» (с. 171). Взгляды И. Тэна на женщину и ее чувства близки А. Н. Островскому. Не случайно, мотив беззаветной жертвенной женской любви особенно сильно звучит в драматургии А. Н. Островского 70—80-х гг. В пьесах 70-х годов возникает целое созвездие характеров самоотверженно любящих женщин: Людмила в «Поздней любви», Наташа в «Трудовом хлебе», Юлия Павловна в «Последней жертве». Вспомним, что и Ларису Огудалову из «Бесприданницы» Островский задумывает именно в 1874 г., возможно, не без влияния философии искусства И. Тэна.

Во взглядах И. Тэна наибольший интерес А. Н. Островского вызвала теория ощущений. Ощущения по И. Тэну — это реальные начала всего существующего. Он трактует объективную реальность как сумму субъективных переживаний: «...чтобы нам нравился какой-нибудь выразительный предмет, необходимо полное соответствие между его выражением и нашим нравственным состоянием» (с. 117). Отчеркивая эти слова французского ученого, А. Н. Островский возможно вкладывал в них несколько иное содержание, соответствующее своим «мыслям о драматическом искусстве»: «Жизнь вообще производит на разных людей различные впечатления, а драматическое произведение должно производить одно. Этого оно достигает ясностью и единством мыслей и стройностью формы» (т. X, с. 460).

Определяя тело, как сумму способностей, вызывающую ощущения, И. Тэн по существу повторяет известное положение Беркли «Существовать — значит быть воспринимаемым». Допуская, что ощущения производятся внешними телами, и тем самым признавая, что реальный мир существует в постоянном движении независимо от нас и наших ощущений, И. Тэн отмечает, что, в конечном счете, мы об этом внешнем мире ничего не знаем, кроме тех впечатлений, которые он производит на нас, ограничивая человеческое мышление наблюдением, описанием фактов. И. Тэн утверждает, что чело-

веческое сознание ведет в конечном счете к образованию иллюзий и галлюцинаций, которые в процессе познания и критического осмысления взаимно подавляются, исправляются, устраняются, на основе чего устанавливается истина. На примере творчества Микеланджело Буонарроти и его скульптур во Флоренции на гробнице Медичи демонстрируется, как художник, нарушая естественные пропорции и размеры, добивается у зрителя ощущения идеальной красоты человеческого тела (с. 18—19). Теорию ощущений А. Н. Островский связывает с проблемой воздействия драматического произведения на зрителя. Смысл выделенного отрывка из книги И. Тэна соответствует рассуждениям А. Н. Островского о том, что пьеса не должна раствориться в мелочном правдоподобии характерных деталей: «Кто же похвалит картину за то, что лица в ней нарисованы натурально, — этого мало, нужно, чтобы они были выразительны...» (т. XII, с. 162).

Труды И. Тэна в сознании А. Н. Островского с самого начала и не случайно были связаны с трудами Ч. Дарвина. Вырезка из журнала «Заграничный вестник» со статьей «Шекспир по Тэну» входила в библиотеке Островского в конволют с сочинением «Теория Дарвина и языкознание».[10] Тэн биологизирует явления искусства, его мировоззрение строится на естественных науках, что сразу почувствовал Островский, заключив эти работы, посвященные разным областям знания, в единый переплет. Такому восприятию сочинения И. Тэна способствовало и то обстоятельство, что журнал «Заграничный вестник» пропагандировал достижения зарубежной науки о природе, человеке и обществе.[11] «К числу таких достижений и относился, в его понимании, „позитивный метод Тэна“, получивший столь отчетливое выражение и обоснование в „Истории английской литературы“».[12] Позднее в предисловии к «Критическим и историческим очеркам» (1866), характеризуя свою методологию исследования явлений культуры, Тэн прямо ссылается на принцип естественного отбора Ч. Дарвина как на фактор, регулирующий соци-

---

[10] Теория Дарвина и ее приложения. I. Чарльз Дарвин. Статья И. Шэнемана. 2. Теория Дарвина и языкознание. Письмо И. Шлейхера к Э. Геккелю // Заграничный вестник. 1864. Т. 2, вып. 5. С. 209—263.

[11] См.: *Рейфман П. С.* Журнал «Заграничный вестник» // Учен. зап. Тарт. гос. унив. № 167. Труды по русской филологии. 1965. Вып. 8. С. 123—162; Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. 1966. Вып. 9. С. 44—82.

[12] *Заборов П. Р.* Указ. соч. С. 230—231.

альные процессы.[13] В этой цепочке читательских интересов Дарвин — Тэн найдет свое место и внимание А. Н. Островского к научной деятельности Сеченова, и обретет смысл обращение драматурга к его научным трудам, свое отношение к которым он хотел изложить в статье «Об актерах по Сеченову». Поводом для размышлений А. Н. Островского на эту тему могла стать и книга Дарвина «Язык чувств». Сокращенное изложение сочинения Ч. Дарвина выходит в 1872 г. большим тиражом.[14] Известны многочисленные статьи и рецензии, пропагандирующие материалистические взгляды Дарвина на происхождение эмоций и инстинктов. Слабой стороной книги Дарвина явилось как раз то, что для объяснения способа выражения чувств автор не привлек теорию рефлексов, «которая была разработана с таким талантом и умением И. М. Сеченовым, и почти везде получила права гражданства».[15]

В связи с этим представляют интерес те отрывки из книги И. Тэна об инстинктах и их проявлениях, на которые обратил внимание А. Н. Островский: «Под состоянием умов понимают род, количество и качество мыслей, заключающихся у человека в голове, составляющих как бы ее меблировку... в человеке есть нечто более важное чем идеи, — это самый строй его, т. е. характер — другими словами, его природные инстинкты, его первичные страсти, степень его чувствительности, энергии — короче, сила и направление всего внутреннего его механизма» (с. 98). И в рассуждении И. Тэна о непроизвольных движениях А. Н. Островский отмечает: «где мысль едва успеет зародиться и тут же переходит в жест» (с. 213).

Само собой напрашивается сопоставление выделенных отрывков из философского трактата и следующего рассуждения А. Н. Островского в «Афоризмах, замечаниях и наблюдениях пьяного человека»: «Я ужасно люблю инстинкты. Только инстинкты вызывают сильные, выразительные и художественные жесты. Только инстинкты дают силу... Сила в природе, и в человеке она является в виде инстинкта. Человек без инстинктов слаб, ничтожен». Интересно, что, начав с размышлений об инстинктах в духе выделенных мест из

---

[13] Подробнее об этом см.: *Новиков А. В.* От позитивизма к интуитивизму: Критические очерки буржуазной эстетики. М., 1976. С. 35—37.

[14] Язык чувств. Популярное изложение соч. Ч. Дарвина. О выражении ощущений у человека и животных. СПб.: изд. В. П. Трубы, 1872.

[15] *Вагнер Н. П.* Чувства и их выражение // Вестник Европы. 1873. № 3. С. 316—333.

книги И. Тэна, осмысляя их под углом зрения актерской техники, естественности поведения актера на сцене, А. Н. Островский затем переключается на рассуждение о различии творческого процесса ученого и поэта: «Ученые придут поклониться поэтам: роясь в подвалах анализа, им отраднее, чем кому-либо, видеть результаты своей потовой работы в легких и веселых образах поэта» (т. X, с. 457). Имеется в виду, что труд поэта как мыслителя, ученого, философа должен стать невидимым в художественном произведении, раствориться в «легких веселых образах». И. Тэн трактует искусство как последнюю стадию развития науки, ее завершение, А. Н. Островский утверждает противоположное: «Умы, чтобы быть готовыми к восприятию научных истин нуждаются в предварительной культуре. Процессы обобщения и отвлечения не сразу даются мозгу; они должны быть подготовлены. Обобщения, представляемые искусством, легче воспринимаются и постигаются и, практикуя ум, подготовляют его к научным отвлечениям» (т. X, с. 458). «История показывает, что везде развитие искусства предшествовало развитию наук. Чем искусство выше, отрешеннее, общее, тем оно более практикует мозг. Таким образом, «искусство для искусства» при всей своей видимой бесполезности приносит огромную пользу развитию нации» (там же).

Последнее рассуждение А. Н. Островского заставляет вспомнить ту раздраженную уничтожающую характеристику искусства для искусства, которую дает И. Тэн на первых страницах своего труда, так как видит в нем основную причину всех бед в искусстве. «Условный язык, академический стиль, щегольство мифологией, искусственная версификация, проверенный и опробированный словарь» рождают, по мнению И. Тэна, скованную мысль, не имеющую «ни выразительности, ни правды, ни жизни» (с. 12).

Приветствуя в «Книжном вестнике» выход сочинения Тэна «Философия искусства» отдельной брошюрой, Н. К. Михайловский обратил особое внимание на то обстоятельство, что обоснованный в лекциях Тэна «закон зависимости произведения искусства от общего состояния умов и нравов окружающей среды» бросает вызов «старой эстетической школе» сторонникам «искусства для искусства».[16] Эта часть

[16] Книжный вестник. 1866. 30 июня. № 11—12. С. 256—258. См.: *Винер Е. Н.* Библиографический журнал «Книжный вестник» (1860—1867). Л., 1950. С. 158—160; *Слинько А. А.* Из истории русской демократической критики: Литературно-критическое наследие Н. К. Михайловского. Воронеж, 1977. Гл. 1—2.

учения И. Тэна вызвала у его читателя наибольшие возражения.

Какова же та функция, которая определяет основное назначение художественной литературы, т. е. ее специфику в системе других форм отражения действительности? У И. Тэна — это идеологическое осмысление, А. Н. Островский считает такой функцией литературы, и особенно драматургии как самого доступного из всех видов искусства, образное познание мира, в сочетании многих функций: познавательной, эстетической, воспитательной: «Для первоначальной умственной культуры искусство... большая сила, и по преимуществу драматическое, как более доступное и понятное» (т. X, с. 461).

Значительное внимание И. Тэн уделяет характеристике искусства эпохи Возрождения в Италии, Нидерландах и Древней Греции, иллюстрируя свою мысль примерами из истории искусства, свидетельствующими о зависимости художника от исторических условий: сходные исторические условия, социально-экономические процессы порождают в разных странах сходный подъем искусства. Особенно внимательно прочитаны, судя по пометам, эти страницы «Чтений об искусстве» (с. 186—187, 119, 204—205, 260). И. Тэн пытается связать искусство с другими общественными явлениями. Для понимания произведения художника, считает он, необходимо с полной отчетливостью представить себе мировоззрение и нравы эпохи, к которой тот принадлежит, они та первопричина, которая определяет остальное.

С особой симпатией философ относится к искусству Древней Греции. А. Н. Островский подчеркнул его рассуждения о том, что в античную эпоху была создана гуманная культура, свободная от аскетизма и лицемерия (с. 327; 335).

Почему же народы Италии, Нидерландов, Греции не сумели продлить расцвет своего искусства? Где причина упадка и вырождения? Одной из причин является «ослабление внутреннего чувства художника» (с. 196). Современному художнику недостает искренности, это отмечает А. Н. Островский и на с. 203 сочинения Тэна. Другая причина состоит в том, что оставлены «предания, которые прежде руководили их (людей. — *Н. Ш.*) верованиями». Разрушен тот стержень, который они представляли для личности древнего человека. Приведем дословно этот важный для А. Н. Островского отрывок, выделенный им на с. 56: «...образование значительно распространилось, и свободная мысль отдалась самым смелым полетам; отсюда вышло то, что люди, оставив предания, которые прежде руководили их верованиями, сочли себя

в силах путем собственного своего ума, достигнуть разрешения наивысших истин. Нравственность, религия, политика — все подверглось их пересуду; ощупью стали они искать истины по всем дорогам, и вот в течение 50 лет, мы видим страшную толкотню систем и сект, которые сменяются одне другими, чтобы дать нам новое учение и наделить нас полнейшим счастием».

Пометы на «Чтениях об искусстве» показывают, что философская основа эстетических взглядов А. Н. Островского близка учению И. Тэна. Маргиналии внимательного читателя перекликаются с его записями, объединенными под шутливым заглавием «Афоризмы, замечания и наблюдения пьяного человека», и близкими к ним по форме «Мыслями о драматическом искусстве», а также с набросками к статье «Об актерах по Сеченову», однако говорят и о критическом восприятии эстетической программы И. Тэна.

Необходимо учесть и то обстоятельство, что Тэн в области литературно-художественной критики является основоположником русской культурно-исторической школы. Не случайно «Чтения об искусстве» в библиотеке А. Н. Островского стояли рядом с монографией А. Веселовского «Этюды о Мольере. Тартюфф. История типа и пьесы» (М., 1879) — другого представителя этой школы в русской академической науке. Судя по пометам она тоже привлекла пристальное внимание драматурга. В круг чтения А. Н. Островского вошли исследования и других представителей культурно-исторической школы — А. Н. Пыпина, Н. С. Тихонравова.

Таким образом, пометы А. Н. Островского на книге И. Тэна позволяют существенно расширить наши представления об эстетических взглядах драматурга, о формировании и эволюции его художественного метода, углубляют наши знания о становлении и развитии его общественной позиции. Становится понятным, что художественные достижения А. Н. Островского были не только плодами его напряженного труда и вдохновения, но и «следствием исключительно интенсивного умственного идейного и эстетического обмена».[17]

---

[17] *Лотман Л. М.* Реализм русской литературы 60-х гг. XIX в.: Истоки и эстетическое своеобразие. Л., 1974. С. 4.

Е. В. КОНЮХОВА

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КНИГИ В «СЛОВАРЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА»

В издательстве «Наука» вышел в свет первый выпуск «Словаря русских писателей XVIII века»,[1] подготовленный Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Он включает биографии известных и забытых прозаиков, поэтов, драматургов, переводчиков, публицистов, философов, проповедников, участвовавших в литературном процессе XVIII в. Словарь в первую очередь адресован специалистам-литературоведам, но историки книги также найдут в нем немало ценной информации.

В предисловии читателям предложен обзор важнейших справочно-библиографических изданий по теме словаря. Обзор раскрывает особенности каждого издания, показывает задачи, которые ставили перед собой их составители, и одновременно определяет источниковую базу словаря. При работе над «Словарем русских писателей XVIII века» были использованы и многочисленные архивные материалы, главным образом архивов Москвы и Ленинграда. Введение их в научный оборот — большая заслуга составителей словаря. Сделанные разыскания позволили впервые составить биографии ряда писателей, найти новые биографические сведения о некоторых из них, уточнить данные об отдельных изданиях, их тиражах, выходных данных и т. п.

Статьи словаря, представляя авторов XVIII в., воссоздают картину книжного дела в России на протяжении столетия, его основные тенденции и этапы развития. Словарь позволяет проследить появление новых типов изданий, изменение тематики книги в зависимости от общественно-политических, социальных, культурных, экономических условий жизни страны.

---

[1] Словарь русских писателей XVIII века / АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). Вып. 1 (А—И). Л., 1988.

В XVIII в. литературный труд еще не стал профессией. Многие писатели одновременно были издателями, редакторами, корректорами, цензорами и, выступая в этой роли, внесли определенный вклад в развитие книгоиздания в России. Так, например, поэт и переводчик М. П. Аврамов, драматург П. С. Батурин были директорами типографий; прозаик Я. И. Благодаров — корректором в типографии Московского университета и в типографии И. Г. Рахманинова в селе Казинка: филолог А. А. Барсов был назначен корректором и цензором Университетской типографии, а позднее всех вольных типографий Москвы; значительное число авторов XVIII в. являлись издателями и редакторами книг и периодических изданий.

В статьях словаря рядом с названиями книг, журналов, альманахов приводится год издания, для провинциальных изданий — место издания, в некоторых случаях указывается типография, издатель, меценат, на чьи средства была предпринята публикация, сообщается о цензурных преследованиях издания, называется тираж, число и годы переизданий. «Словарь русских писателей XVIII века» знакомит нас с историей создания, публикации и распространения отдельных произведений. Путь книги к читателю был часто труден и драматичен, многие сочинения так и остались в рукописях.

В словаре очерчен круг чтения писателей XVIII в., прослеживаются их читательские интересы, влияние на их творчество определенных авторов и книг. В этом плане показательны статьи о Г. Р. Державине, И. И. Дмитриеве, Екатерине Второй, И. П. Елагине. Особое внимание уделено сведениям о личных библиотеках писателей XVIII в., в отдельных случаях показаны судьбы книжных и рукописных коллекций. Выявленные составителями словаря каталоги и описи библиотек представляют для историков книги большой интерес, давая возможность реконструировать книжные собрания, судить о составе библиотек писателей. О читательских пристрастиях свидетельствуют и выбранные для перевода произведения.

Внимание исследователей русской книги привлекут в словаре материалы о государственных и частных типографиях, издательских обществах («Собрании, старающемся о переводе иностранных книг», «Обществе, старающемся о напечатании книг» и др.), о лицах, занимавшихся книгоизданием, и их отношениях с авторами.

Биографические очерки завершаются сведениями о местонахождении архивов писателей, если таковые сохранились,

и пристатейной библиографией. Размер библиографических списков зависит от степени изученности биографии и творчества писателя и колеблется от одного названия (Г. М. Бибанов, Т. Т. Захарьин) до нескольких десятков (И. Ф. Богданович, Е. Р. Дашкова, Г. Р. Державин). Помимо литературоведческих и книговедческих изданий здесь представлены исследования по истории театра, философии, техники, мемуары.

На страницах словаря историки отечественной книги найдут для себя много интересных материалов, которые не лежат на поверхности, так как книговедение не составляет предмет данного издания, но подобно мозаике из разрозненных фактов, дат, цифр, складывается характеристика книжного дела в России XVIII в.

Словарь дополняет единственное фундаментальное справочное издание по книговедению — энциклопедический словарь «Книговедение»,[2] в котором XVIII в. представлен достаточно скупо. В сочетании с вышедшим ранее «Сводным каталогом русской книги гражданской печати XVIII века»[3] «Словарь русских писателей XVIII века» даст исследователям редкую возможность — всесторонне изучать историю книги этого периода, имея в своем распоряжении и книжный репертуар, и свод биографии людей, его создававших.

---

[2] Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982.

[3] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1962—1967. Т. 1—5; Доп. т. М., 1975.

Памяти Ахмета Халиловича Рафикова (1906—1989)

Ушел из жизни один из старейших сотрудников Библиотеки Академии наук СССР Ахмет Халилович Рафиков. Уроженец бедной оренбургской деревни, он с молодых лет стремился к знаниям и благодаря своему трудолюбию и целеустремленности смог получить прекрасное образование. А. Х. Рафиков учился в Московском институте истории, философии и литературы, где под руководством известного востоковеда А. Ф. Миллера подготовил и в 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию.

На протяжении всего периода Великой Отечественной войны А. Х. Рафиков находился в рядах действующей армии. Он воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, был награжден боевыми орденами и медалями.

В послевоенные годы Ахмет Халилович стал сотрудником Института востоковедения АН СССР, заведовал там аспирантурой, был ученым секретарем.

Более четверти века — с 1952 по 1979 г. — А. Х. Рафиков проработал в Библиотеке Академии наук СССР. Он был заместителем директора Библиотеки, занимал должность старшего научного сотрудника в научно-библиографическом отделе. Последние годы его плодотворной трудовой деятельности были связаны с научно-исследовательским отделом истории книги, организованным в БАН СССР в 1974 г.

Научный кругозор А. Х. Рафикова был весьма широк. Ахмет Халилович интересовался состоянием русского востоковедения в петровскую эпоху и современными проблемами книгообмена со странами Азии, составом частных книжных собраний XVIII в. и актуальными теоретическими вопросами библиографии. А. Х. Рафиков опубликовал несколько десятков печатных работ, причем особое внимание он уделял книговедческой тематике. Некоторые его статьи вышли в свет за рубежом в Индии, Китае, США. Он составил сводный аннотированный каталог «Историческая литература на турец-

ком языке, хранящаяся в библиотеках Ленинграда». Его перу принадлежат содержательные «Очерки истории книгопечатания в Турции». А. Х. Рафиков неоднократно выступал с докладами на самых представительных научных конференциях. Ахмет Халилович обладал незаурядным педагогическим талантом: он подготовил десять кандидатов наук.

А. Х. Рафиков щедро делился своими знаниями с сослуживцами. Он всегда был готов помочь молодым исследователям деловой квалифицированной консультацией или дружеским советом. Теплые товарищеские отношения связывали А. Х. Рафикова со многими видными учеными. Ахмет Халилович Рафиков был скромным, добрым, отзывчивым человеком. Таким он и запомнится навсегда его друзьям, коллегам и ученикам.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА В РОССИИ XVIII — СЕРЕДИНЫ XIX в.

Из истории Библиотеки Академии наук

Сборник научных трудов

Редактор *Э. И. Кутасова*

Сдано в набор 16.10.89. Подписано в печать 29.12.89. М-37612. Формат 60×90/16. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,75. Уч.-изд. л. 12,88. Тираж 1300 экз. Зак. № 226.
Цена 1 р. 80 к.

Издательский отдел Библиотеки АН СССР
(199034. Ленинград, Биржевая л., д. 1)

Типография РПМ Библиотеки АН СССР
(199034. Ленинград, Биржевая л., д. 1)

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
5	4 сверху	**БИБЛИОТЕКА**	**БИБЛИОТЕКИ**
31	6 сверху	Glaubenlehren	Glaubenslehren
31	15 сверху	Ермештедт	Ермерштедт
93	1 снизу	1783	1873
99	12 снизу	Фуа де Невилля	Фуа де ла Невилля
104	13 снизу	35 *Пекарский П. П.*	33 *Пекарский П. П.*
107	Строки 19-ю и 18-ю снизу следует читать после 1-й снизу строки.		
109	14 сверху	Ш. М. Рюльера	К. К. Рюльера
109	5 снизу	*Ruhlière Ch.-M. de*	*Rulhière Cl. C. de*
111	16 сверху	М. Г. Головнина	М. Г. Головкина
117	16 сверху	по метам	пометам
123	15 сверху	Е. Е. Кёллера	Е. Е. Келера
123	19 снизу	MIDCCCXCVIII	MIDCCCXCVIIII
125	7 снизу	карточек	картотек
126	24 сверху	Будбери Видриша	Будбергов в Видрижи
126	25 сверху	Budbery Widrisch),	Budberg Widdrisch),
131	3 сверху	И. Бельгии и Бри-	И. Бельгии; G. — И. Бри-
131	6 снизу	Г. № 358	F. № 358
137	8 сверху	sées des Memoires	sée des Mémoires
137	9 сверху	Sociétes Littétaires Étrangeres, des Extrait	Sociétés Littéraires Étrangères, des Extraits
137	10 сверху	Periodiques, des Traites	Périodiques, des Traités
137	11 сверху	des Pieces Fugutuves les plus Rares	des Pièces Fugitives les plus Rares;
137	12 сверху	Experimentale	Expérimentale
137	13 сверху	la Medicine, l'Anatomie, Traduit	la Médicine et l'Anatomie, Traduits